

TARTU ÜLIKOOL
VENE KEELE ÕRPETOOL
ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЛИНГВИСТИКА

Новая серия
II

Прагматический аспект
исследования языка

ТАРТУ 1999

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ЛИНГВИСТИКА

TARTU ÜLIKOOL
VENE KEELE ÕPPETOOL
ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЛИНГВИСТИКА

Новая серия
II

Прагматический аспект
исследования языка

TARTU ÜLIKOOLI
KIRJASTUS

Редколлегия: Е. Костанди, Ю. Кудрявцев, И. Кюльмоя (отв. редактор), С. Мсльцер

Редакторы тома: Ю. Кудрявцев, И. Кюльмоя

Технический редактор тома: О. Паликова

© *Статьи и публикации:* авторы, 1999

© *Составление:* кафедра русского языка Тартуского университета, 1999

Tartu Ülikooli Kirjastus / Tartu University Press

Tiigi 78, Tartu, 50410

Eesti / Estonia

Order no. 504

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Основу второго тома новой серии "Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика" составили материалы X осеннего семинара "Язык и человек (прагматический аспект изучения языка)", организованного кафедрой русского языка Тартуского университета при поддержке Фонда открытой Эстонии 24–26 сентября 1998 года. Было прочитано и обсуждено 30 докладов, посвященных общим проблемам прагматики, выражению разнообразных прагматических смыслов в различных языках, выявлению прагматического потенциала языковых единиц и категорий. В семинаре приняли участие лингвисты Эстонии, России, Латвии, Болгарии, Венгрии, Финляндии.

Работы данного тома составляют единое целое, поскольку различный языковой материал в них рассматривается под единым и весьма актуальным углом зрения — с точки зрения лингвистической прагматики. Издание тома осуществлено также при поддержке Фонда открытой Эстонии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

М. Д. В о е й к о в а. Прагматические аспекты усвоения ребенком семантики прилагательных.....	11
С. Ю. Д м и т р е н к о. Глагольная группа в изолирующем языке: проблемы структуры	22
А. Д. Д у л и ч е н к о. Слова и люди: к смене лексических парадигм и их составляющих в русском языке XX столетия.....	31
Г. А. З о л о т о в а. Коммуникативный фактор как критерий решения дискуссионных вопросов грамматики	38
Ц. Ё о т о в. О строении устно-разговорного дискурса и типологии его форм.....	45
М. К о й т, Х. Ы й м. Диалог с компьютером на естественном языке.....	58
Е. Е. К о р д и. Классификация сложноподчиненных предложений с обстоятельственными придаточными и место в ней уступительных предложений.....	68
Е. Е. К о р о л е в а. Прозвища в русских говорах Латгалии и прилегающих районов России и Белоруссии.....	80
Е. К о с т а н д и. Коммуникативно-прагматическая направленность сочинительной связи (на материале художественного текста).....	90

И. С. Кошкин. Эkleктизм стилевых средств как отражение эволюции языкового сознания и языковой ситуации (на примере истории русского стиля “плетение словес”).....	98
Й. Крекич. Видовые значения актуального настоящего.....	108
Ю. С. Кудрявцев. Лексико-грамматический разряд модальных глаголов в морфологической системе русского языка.....	119
А. М. Кузнецов. Функции и значения количественных местоимений в древнерусском книжном языке XI–XIV вв.....	133
И. П. Кюльмоя. О прагматике сленговой лексики.....	151
И. Ликоманова. Речевой этикет и его изменения в последнее десятилетие (на материале болгарского, польского и русского языков).....	160
А. Липовская. О прагматическом аспекте исследования невербальных (кинестических) компонентов коммуникации при сопоставительном анализе близкородственных языков.....	170
С. Мельцер. Соотнесенность прагматической направленности газетного заголовка и текста.....	182
Н. К. Ониненко. Русский глагол на фоне субъектной перспективы текста.....	191
Е. Н. Ремчукова. О нарушении стандарта в области функционирования грамматических форм.....	203
О. Г. Ровнова. К прагматическому изучению грамматики русских диалектов.....	215
Т. Стойкова. Механизмы и речевые средства создания эмоционального тона высказываний Воюанда (роман М. Булгакова “Мастер и Маргарита”).....	223
С. Туровская. Высказывания с модальным смыслом “отсутствие необходимости”: к проблеме описания.....	231

Э.-О. Хааг. Функции причинных союзов русского языка	238
В. С. Храковский. Уступительные конструкции с союзом <i>хотя</i>	245
М. А. Шелякин. Мысли о прагматике	255
А. Штейнгольд. К вопросу о происхождении прагматически сильных выражений (пейоративная фразеология)	266
В. П. Щаднева. Прагматический аспект имплицитных элементов	279
М. Эрелт. Использование позитивной и негативной стратегии вежливости в обращении к слушающему в эстонском языке	295
Summaries	303

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УСВОЕНИЯ РЕБЕНКОМ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ¹

М. Д. ВОЕЙКОВА

Первые имена прилагательные в речи детей в возрасте до 3 лет обладают существенными семантическими особенностями по сравнению с более конкретными словами, такими как первые существительные или глаголы. Еще Ч. Дарвин в наблюдениях за языковым развитием своих детей отмечал, что они употребляли первые цветные прилагательные настолько неадекватно, что в течение некоторого времени он считал их дальтониками (см. об этом — Bornstein 1985: 387–388). Об ошибочном раннем употреблении имен прилагательных свидетельствуют многие исследования [Andrick, Tager-Flusberg 1986], дневники родителей (см., например, записи А. Н. Гвоздева [1981], относящиеся к возрасту 1;10.24 2;2.19; 2;4.11), ответы на вопросы анкеты центра раннего вмешательства: такие примеры имеются и в лонгитюдных наблюдениях за языковым развитием ребенка (например, в записях речи Жени М., относящихся к возрасту 2 г. 2 мес., 2 г. 4 мес., из Фонда данных кафедры детской речи РГПУ им. А. И. Герцена, отмечается, что все предметы, независимо от их реального цвета, мальчик называет зелеными).

Индивидуальные особенности в усвоении прилагательных можно сформулировать в виде общей схемы: первые прилагательные употребляются детьми без опоры на конкретные свойства предмета, часто их источником служит повторение выска-

¹ В статье описываются первые результаты проекта “Усвоение детьми функционально-семантической категории качества”. Автор пользуется случаем высказать благодарность Фонду Александра фон Гумбольдта, поддержавшему данный проект в 1998 г.

званий матери. Дети испытывают трудности в усвоении форм и значения прилагательных и в более позднем возрасте [Цейтлин 1996; Ebeling, Gelman 1990]. Основной вопрос данного исследования можно сформулировать так: что заставляет детей употреблять прилагательные тогда, когда их значение недоступно, и на какие особенности в речи матери ребенок может опереться, чтобы выбрать правильную стратегию?

То, что ребенок первоначально усваивает значение слова не в полном объеме, не нуждается в дополнительных пояснениях [Цейтлин, Елисева, Гагарина 1994; Кларк 1984: 221–240]. Необходимость в подробном изучении ранних прилагательных продиктована тем, что они составляют целую группу слов, употребляемых детьми не просто ошибочно, но и необъяснимо, без всякой связи с реальными свойствами предметов. Возможные источники объяснений наблюдаемых фактов можно искать в некотором общем механизме усвоения языка детьми, в системе конкретного языка или в особенностях речи взрослого участника диалога. Указанные явления характерны как минимум для ряда индоевропейских языков, можно предположить, что они наблюдаются в большинстве языков, где есть развитая система имен прилагательных [Dixon 1982: 1–60]. В рамках данной статьи мы рассматриваем влияние речи взрослого участника коммуникации (input) на речь ребенка.

МАТЕРИАЛ

Статья построена на подробном анализе отдельной диады "мать — ребенок", последовательные аудиозаписи которой велись в течение двух лет, с перерывом между записями не более чем в три недели, для международного проекта "Ранние этапы развития морфологии" (рук. В. У. Дресслер, Вена). Мальчик Филипп рос сравнительно здоровым и не обнаруживал никаких отклонений в речевом развитии. В возрасте 2 г. 2 мес. он был специально для целей упомянутого научного проекта обследован в Институте раннего вмешательства в Петербурге. Записи соответствуют возрасту ребенка от 1 г. 4 мес. до 3 лет. Основой для настоящего описания послужил период от 1 г. 8 мес. до 2 г. 6 мес., начало которого соответствует появлению в

речи ребенка первых прилагательных, а конец — усвоению их основных прямых значений.

ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛА И ЦЕЛИ РАБОТЫ

Предварительное знакомство с речью ребенка позволяет установить следующие особенности в употреблении им прилагательных на раннем этапе: не только цветовые, но также параметрические и оценочные прилагательные употребляются им без опоры на свойства предмета. Так же, как и другие дети, Филипп может употребить название одного цвета вместо другого. Однако, в отличие от многих своих сверстников, он может сказать также *плохой* вместо *хороший* или *большой* вместо *маленький*. Эту особенность в речи Филиппа можно считать гипертрофированной, но и для других детей характерна следующая черта: рано понимая, к каким семантическим классам относятся прилагательные, они не различают значения прилагательных внутри этих классов.² Иными словами, ребенок редко говорит *плохой* вместо *зеленый*, но может перепутать *плохой* и *хороший* или *зеленый* и *красный*. В данной статье на примере анализа речи конкретного ребенка делается попытка объяснить, как закладываются основы деления прилагательных на семантические классы. Этот процесс связан с особенностями речи матери (так называемым “инпутом”), с конструкциями, которые она употребляет. Аналогичные особенности наблюдаются при усвоении абстрактных слов (наречий времени, имен существительных и т.д.)

МЕТОДЫ АНАЛИЗА

Диалоги Филиппа записывались на магнитофон и расшифровывались матерью, затем вводились в компьютер в формате международной программы обмена данными по детской речи CHILDES [McWhinney, Snow 1990; McWhinney 1991]. Основная часть применявшихся программ принадлежит этой системе или ориентируется на нее (например, программы COMBO,

² Этими наблюдениями, высказанными в различной форме в личной беседе, мы обязаны С. Н. Цейтлин и Д. Равид.

FREQ, MLU, MLT, KWAL). Была проанализирована сплошная выборка прилагательных в речи матери и ребенка. Выбор примеров, содержащих прилагательные, из массива данных может быть технически осуществлен двумя способами. Оба они были применены. Конструкции с прилагательными в речи матери были выделены при помощи программы KWAL, сориентированной на поиск примеров употребления отдельного списка слов (include file). Список же прилагательных, которые встретились в речи матери Филиппа, был сформирован при помощи программы FREQ, создающей частотный словарь всех словоформ любого из участников диалога. Применение двух этих программ позволило нам получить необходимые контексты без предварительного морфологического кодирования. Такой метод может применяться для поиска частей речи, редко встречающихся в диалоге.

Речь Филиппа была проанализирована при помощи программы KWAL после морфологического кодирования всех текстов. Для морфологического кодирования русской речи в формате CHILDES использовалась специально разработанная программа MORCOMM³. Эта программа в комбинации с программой COMBO позволяет автоматически выбрать все высказывания, содержащие искомый элемент. При помощи этой программы были выбраны все контексты употребления прилагательных из текста диалогов, а также просмотрены все контексты употребления ошибочных форм для обнаружения усеченных и неправильно образованных прилагательных типа *сиреневыя* вместо *сиреневая* или *маля* вместо *маленькая*. Речь матери и ребенка были рассмотрены по отдельности.

³ Программа морфологического анализа для русского текста MORCOMM и программа, позволяющая автоматически перевести русский текст из кириллицы в коды ASCII, написаны С. А. Грузинцевым в сотрудничестве с автором настоящей работы. Первоначальный вариант обеих программ в формате MS-DOS создавался для проекта "Автоматизированный анализ ненормативной и разговорной речи", поддержанного в 1994–1995 гг. научным фондом "Культурная инициатива" (грант 22 4000\284). В настоящее время испытывается новая версия программы MORCOMM, предназначенная для операционной среды Win-95.

РЕЗУЛЬТАТЫ: РЕЧЬ МАТЕРИ (INPUT)

Ниже (см. табл.) приводятся количественные характеристики имеющегося материала с точки зрения речи матери.

Таблица. Объем данных и количество форм прилагательных в речи матери.

год и месяц	N высказ	N слов	слов/ высказ	прил/ форм
1:4	122	280	2.295	0.01
1:5	805	1978	2.457	0.04
1:6	1397	3582	2.564	0.05
1:7	1684	4558	2.707	0.06
1:8	1565	4266	2.726	0.08
1:9	1231	3291	2.673	0.10
1:10	963	3008	3.124	0.11
1:11	377	1429	3.790	0.05
2:0	448	1651	3.685	0.08
2:1	993	3852	3.879	0.10
2:2	815	2078	2.550	0.10
2:3	787	2764	3.512	0.10
2:4	911	3221	3.536	0.10
2:5	790	2751	3.482	0.11
2:6	510	1881	3.688	0.05
2:7	823	3468	4.214	0.08
2:8	615	2549	4.145	0.08
2:9	577	2322	4.024	0.07

Первые три столбца данных характеризуют количество материала: в первом — приведено количество высказываний матери, во втором — общее количество употребленных ею слов, а в третьем — соотношение первых двух величин. Неуклонный рост данного соотношения показывает, как, приспособляясь к развивающемуся ребенку, мать увеличивает длину своих реплик. Первые три характеристики получены при помощи программы MLT, измеряющей реплики каждого участника диалога. Последнее соотношение получено вручную на основе результатов программы FREQ. Эта программа позволяет подсчитать число различных словоформ, употребленных каждым участником. Последнее соотношение представляет собой частное от деления количества форм прилагательных на общее количество словоформ. Анализ последнего соотношения показы-

вает, что процент прилагательных в речи матери не является постоянной характеристикой. Падение этого соотношения в возрасте 1;11 мес. может быть связано с общим количеством данных или с темой беседы. Вместе с некоторой непоследовательностью данных, в них видны и закономерности. Рост процентного соотношения прилагательных в два раза с возраста 1;5 до возраста 1;9, сохранение максимального процентного соотношения (около 10%) в течение 6 месяцев и дальнейшее медленное снижение этой характеристики в речи матери позволяет предположить, что именно в период от 1;9 до 2;5 усвоение ребенком нашего грамматического класса происходит особенно интенсивно.

Речь матери отличается большим количеством и разнообразием вопросительных предложений (около 30% всех качественных высказываний имеют вопросительную форму). Качественные вопросы в речи матери имеют яркую особенность — в них, помимо вопросительного слова (вопросительной переменной, если воспользоваться терминологией Е. В. Рахилиной), содержится также один или несколько вариантов ответов на вопрос. Этот тип качественных вопросов появляется в диалогах с возраста 1;8, например: — *Какая каша, овсяная?* — вопрос с однозначным ответом; — *А какой зайка, маленький или большой?* — *Какого цвета: красный, зеленый?* — вопросы с многозначными ответами ("multiple choice questions").

В вопросах этого типа прилагательные, являющиеся вариантом ответа на вопрос, занимают конечную позицию в предложении, чтобы облегчить ребенку модель составления ответа при помощи повторения. Если в вопросе содержится только одно прилагательное, ребенок успешно справляется с задачей, но если прилагательных несколько, он с трудом делает выбор. Задача осложняется тем, что ребенок в этом возрасте не понимает значения противительных и разделительных союзов — операция выбора для него непосильна. На вопрос — *Что тебе дать, яблочко или апельсинчик?* — двухлетний ребенок часто отвечает — *Да!*

Выбор прилагательного к тому же усложнен тем, что его значение также не до конца ясно ребенку. Это приводит к про-

извольному выбору, основанному на операции повторения. Первые употребления прилагательных немотивированы, ребенок пытается понять, как мать оценивает его ответ, и меняет свою точку зрения в зависимости от ее реакции, так, например, даже в возрасте 2;5 ребенок еще использует технику повторения: Мама: *Она квадратная или круглая?* (о витаминной таблетке). Филипп: *Круглая.* Мама: *Горькая или сладкая?* Филипп: *Сладкая.* Мама: *Вкусная или невкусная?* — Филипп: *Невкусная* (отвечает так, хотя любит витамины).

Приведенный пример иллюстрирует такое употребление ребенком прилагательных, которое в целом характерно для более раннего периода его речевого развития. В возрасте 2;5 Филипп обычно правильно называет цвет и размер предмета и дает оценку его свойств. Форма и вкус не относятся к первым признакам, которые он усвоил, поэтому в неясном случае он снова возвращается к технике повторения вопроса.

Другой существенной особенностью речи матери является то, что на первом этапе (имеется в виду возраст от 1;8 до 2;2) определенному предмету она всегда приписывает один и тот же признак. В речи Филиппа первыми появляются цветовые (*красный, синий, желтый, зеленый*), параметрические (*большой, маленький*) и оценочные прилагательные (*плохой — хороший, злой — добрый*). Можно заметить, что цвет предмета связан с описанием разноцветных маленьких игрушек (машин, кубиков) или одежды мальчика. Размер обсуждается, когда речь идет о животных (игрушках или рисунках в книге). Обсуждение размера мотивируется тем, что на картинке нарисованы кошка с котенком или зайчиха с зайчонком. Оценочные прилагательные всегда употребляются в связи с животными из сказки (волком, лисой) или изредка — в связи с поступками самого мальчика. Ситуации обсуждения свойств одного и того же предмета повторяются в записях, относящихся к разному возрасту. Таким образом устанавливаются постоянные связи между некоторыми предметами и их признаками: волк злой, сердитый, его размер и цвет обычно не обсуждаются, серенький волчок — это другой, второстепенный персонаж. Машины разноцветные, но обычно не большие и не маленькие.

Зайчонок маленький, но не добрый и не блеснький, и т.д. Мама устанавливает временные однозначные соотношения между предметом и признаком, которые ребенок может просто запомнить.

Эта особенность иллюстрируется тем, что прилагательное в речи матери часто замещает название предмета. Характерны задаваемые ею вопросы о носителе признака (примеры относятся к возрасту 2;0): — *Кого ты видел, маленького такого, кто это был?* (о козленочке); — *С кем мышончок встретился? С кем с колючим, кто это такой?*; ср. аналогичный пример из 2;1: — *Бабушка, бабушка, какие у вас длинные что?* Поиск предмета по признаку является одной из распространенных задач и показывает, что первым этапом усвоения семантики прилагательного является установление одно-однозначных соответствий. Такие соответствия являются признаком диады и отражают индивидуальные особенности речи матери, которые накладываются на общий социально-культурный фон. В речи других матерей, пока обследованной лишь предварительно, также присутствуют одно-однозначные связи между предметом и признаком, которые, однако, распределяются иначе, чем в рассматриваемой диаде.

Второй этап усвоения прилагательных ребенком условно датируется возрастом от 2;2 до 2;5. В это время ребенок начнет соотносить прилагательные с реальными признаками предмета: он пытается спорить с мамой, настаивает на своем. В следующем примере можно увидеть, как меняется техника ответа на вопросы: Мама: *Он зеленый?* (о желтом игрушечном мишке). Филипп: *Он зеленый* (Филия повторяет не думая). Мама: *Наверное, зеленый.* Мама: *А какого он цвета?* Филипп: *Наверно, желтый* (возраст 2;4). Из этого примера ясно, что на вопрос, содержащий готовый ответ, ребенок отвечает не думая; если же вопрос поставлен иначе, он вполне в состоянии ответить на него правильно.

Поведение матери также меняется при переходе ребенка к сознательному употреблению прилагательных. Мама начинает обращать внимание на объяснение свойств, например, спрашивать, почему какой-нибудь из игрушечных или нарисован-

ных зверей злой или грустный. Следующий пример записан в возрасте 2;1: Мама: *А почему она злая, кого она ест?* (о лисичке). Свойство "быть злым", таким образом, обычно сводится к свойству "есть кого-либо" (такое объяснение присутствует и в других диалогах про лису, волка или кошку).

Филипп понимает, что значит вопрос "почему", однако ему не всегда ясно, какой должен быть ответ, иными словами, значение "вопросительной переменной" не всегда объяснимо. Примером служит следующий диалог в возрасте 2;2: Мама: *А почему она плачет* (про Хрюшку в книге). Филипп: *Слезы. Один слезка*. В данном случае вопрос "почему?" Филипп понимает как "откуда ты знаешь?", что является одним из возможных значений вопросительной переменной.

Вопрос "какой?" также может быть истолкован по-разному: в некоторых случаях это вопрос о свойстве предмета, в других случаях — о разновидности: например, на вопрос мамы — *А каких ты зверюшек видел, расскажи* (2;3) ожидается ответ в форме существительного (ответ Филиппа: *Видел маленький такой кабанчик*). В ответ на вопрос *Какое ты знаешь стихотворение?* ребенок должен рассказать стихотворение, а на аналогичный вопрос *Какая тут машинка едет?* он должен ответить прилагательным (маленькая или красная). Представляется закономерным, что разнообразие значений вопросительной переменной в диалогах должно быть ограничено прагматически — то есть для каждого конкретного существительного должен применяться определенный набор признаков.

В детоцентрических ситуациях существует целый набор слов, имсующих постоянные эпитеты (в нашем случае — Красная Шапочка, коза рогатая, перепуганный мышонок). Эти прилагательные выполняют атрибутивную функцию и практически никогда не употребляются в функции предикативной. Они воспринимаются как цельная номинация вместе с названием лица или предмета (ср. *сивинские яблоки* или *деревянный монах* в речи Жени Гвоздева). Свойства этих предметов и лиц не обсуждаются. Тем более интересны попытки матери обратить внимание ребенка на разложимость этих сочетаний, ср. диалог (возраст ребенка 2;6): Мама: *Филиппок, Филиппок, расскажи*

ше сказку о Желтой Шапочке Филипп: *Желтой у меня нету сказки.* Мама: *Расскажи, что случилось с Желтой Шапочкой.* Филипп: *На красную.*

Приблизительные ответы, которые даст ребенок (*желтая сказка* вместо "сказка о Желтой Шапочке" или *на красную* вместо "давай расскажу про Красную"), свидетельствуют о его замешательстве при встрече с непривычным и несанкционированным сочетанием. Мы можем предположить, что первоначальная операция повторения прилагательных из речи матери на втором этапе уступает место операции употребления цельных словосочетаний или комбинаций конкретных существительных с одним-двумя прилагательными.

Речь матери сигнализирует о переходах к следующему этапу развития ребенка. Разложение словосочетаний и усвоение разнообразных признаков одного и того же предмета связано с вопросами матери типа: *А что ты еще зеленое здесь видишь? Красная машинка, а еще какая? А колеса у нее какие?* В это время особенно частотным становится употребление последней из приведенных конструкций, обозначающей свойство части или неотторжимой принадлежности.

Речь ребенка после 2;2 характеризуется, с одной стороны, усвоением тонких оттенков признаков (*Машинка голубая с красным с черной* — 2;5), с другой стороны — рудиментарным использованием старой техники ответов с помощью повторения или воспроизведения готовых атрибутивных сочетаний. Абсолютно все прилагательные, которые встретились в речи ребенка, употреблялись ранее в репликах матери. Это свидетельствует о том, что усвоение прилагательных "с голоса", до понимания их основных значений, является доминирующим в данной диаде. Дальнейшее направление исследования состоит в сравнении данной диады с другими сопоставимыми по количеству материала записями, с тем чтобы определить, является ли такая стратегия индивидуальной или групповой (о том, что она не характерна для всех русских детей, мы можем судить по уже имеющимся наблюдениям), совпадает ли она с уже имеющимися подгруппами (различные стили общения матерей: референциальные и экспрессивные, рано или поздно за-

говорившие дети). По нашим предположениям, существует значительная часть лексики, которая сначала попадает в активный словарь ребенка и лишь впоследствии осознается как семантическая единица. Такие лексические единицы усваиваются через прагматически ограниченные контексты, набор которых можно определить только индивидуально, наблюдая за развитием речи в пределах диады в течение значительного промежутка времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Гвоздев А. Н. 1981 — *От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений*. Саратов.
- Кларк Е. 1984 — Универсальные категории: о семантике слов-классификаторов и значения первых слов, усваиваемых детьми. *Психолингвистика*. Москва.
- Цейтлин С. Н. 1996 — Усвоение ребенком прилагательных. *Детская речь: норма и патология*. Самара. 4–15.
- Цейтлин С. Н., Елисеева М. Б., Гагарина Н. В. 1994 — *Усвоение детьми лексических единиц. Учебные задания*. Санкт-Петербург.
- Andrick G. R., Tager-Flusberg H. 1986 — The acquisition of colour terms. *JCL*, V.13, 119–137.
- Bornstein M. H. 1985 — Colour-name versus shape-name learning in young children. *JCL*, V.12, 387–393.
- Dixon R. M. W. 1982 — *Where have all the adjectives gone?* Berlin. New York. Amsterdam.
- Ebeling K. S., Gelman S. A. 1990 — Flexibility in Semantic Representations: Children's Ability to Switch among Different Interpretations of "Big" and "Little". *Papers and Reports on Child Language Development*, V.29, Stanford, 38–46.
- McWhinney B., Snow C. 1990 — The Child Language Data Exchange System: an Update. *Journal of Child Language*, 17, 457–472.
- McWhinney B. 1991 — *The CHILDES project. Tools for Analyzing Talk*. Hillsdale, New Jersey, Hove and London.
- Waller G. 1986 — The use of 'left' and 'right' in speech: the development of listener-specific skills. *JCL*, V.13, 573–582.

ГЛАГОЛЬНАЯ ГРУППА В ИЗОЛИРУЮЩЕМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРЫ

С. Ю. ДМИТРЕНКО

Одной из определяющих характеристик грамматического строя изолирующих языков является полное отсутствие словоизменительной (а чаще всего и словообразовательной) морфологии¹. Подобную ситуацию можно наблюдать во всех изолирующих языках, независимо от ареала их распространения. Ср. языки Юго-Восточной Азии, Западной Африки, а также контактные языки (креольские и пиджины) Карибского бассейна, Африки и Меланезии.

Тем не менее, и в таких языках можно обнаружить грамматические единицы, в функционировании и, отчасти, даже в структуре которых существует определенное сходство с глагольными словоформами флективных и (пожалуй, в первую очередь) агглютинативных языков.

К числу единиц подобного типа следует отнести *особые аналитические образования, состоящие из а) обязательного лексического (знаменательного) компонента, реализующегося в виде глагола или функционально эквивалентной ему сериальной конструкции, и б) факультативного грамматического*

¹ Словообразовательная морфология может сохраняться в изолирующем языке, например, как пережиток его более раннего состояния, типологически отличного от наблюдаемого в настоящий момент. Яркий пример — современный кхмерский язык, бесспорно относящийся к изолирующему типу, но сохраняющий, тем не менее, небольшое количество агглютинативных префиксов и инфиксов, утративших продуктивность. Последнее говорит в пользу того, что в предшествующий период своей истории кхмерский язык обладал некоторыми чертами агглютинативного типа.

(служебного) компонента, реализующегося в виде цепочек служебных слов, занимающих позиции справа и / или слева от лексического компонента.

Многие исследователи описывают такие образования именно как самостоятельный тип структурных единиц грамматики языков изолирующего типа. Из аналогичного представления об их лингвистическом статусе исходим и мы в предлагаемой статье. Для обозначения данных единиц мы, вслед за Ю. К. Лекомцевым [Лекомцев 1963], будем пользоваться термином *глагольная группа* (ГГ). Проиллюстрируем все сказанное выше примером из кхмерского языка:

(1) *veing doh sra:y pan'ha:*
мы разрешать развязывать проблема

nihmim ba:n te:
этот ОТР мочь ОТР

‘Мы не можем решить эту проблему’

В этом примере мы видим ГГ *doh sra:y ... mhim ba:n te:* ‘не мочь решить’, лексический компонент которой представлен сериальной конструкцией *doh sra:y*, а грамматический компонент — модальным глаголом *ba:n* ‘мочь’ и рамочным показателем отрицания *mhim ... te:*.

Далее мы будем называть лексический компонент ГГ *ядерным* (*ядром ГГ*), а грамматический компонент ГГ — *периферийным* (*периферией ГГ*).

Ядерный компонент ГГ может быть реализован в виде:

- 1) одиночного глагола (простого или сложного);
- 2) сериальной глагольной конструкции.

Оставив в стороне первый, достаточно тривиальный случай (хотя и он требует решения непростого вопроса о статусе сложных слов в изолирующих языках), мы перейдем сразу ко второму, т.е. рассмотрим ситуацию, когда позицию ядерного компонента ГГ занимает сериальная конструкция.

Под сериальной конструкцией (далее — СК) мы понимаем такую последовательность глаголов (= глагольную цепочку).

которая может быть положительно охарактеризована по следующим четырем признакам ²:

i) глаголы, входящие в состав цепочки, имеют общий первый актант:

ii) ни один из глаголов, входящих в состав цепочки, не может выполнять функцию синтаксического "хозяина" по отношению к любому другому глаголу, входящему в ту же цепочку (таким образом, из состава СК исключаются конструкции с предикатными актантами):

iii) синтаксические связи между глаголами в цепочке не могут быть маркированы с помощью союзов или предлогов:

iv) глагольная цепочка может иметь только единое грамматическое оформление.

Последовательность глаголов, образующих СК, не обязательно должна быть непрерывной: существуют как СК, реализующие контактную линейную модель, см. пример (1), так и СК, реализующие дистантную модель: бер ^o₁ ма^a₂ bringiⁱ₃ diⁱ₄ bokiⁱ₅ twa^o₆ diⁱ₇ taf^l₈ bofi^o₉ (он¹-ИРР²-приносить³-ОПР⁴-деньги⁵-класть⁶-ОПР⁷-стол⁸-верх⁹) 'Он положил деньги на стол' [Kouwenberg 1991: 289].

Количество глаголов, входящих в состав реальной СК, может колебаться от 2 до 7±2. По поводу числа 7±2 см. работу [Миллер, Галантер, Прибрам 1965: 138-140]. В специально исследовавшихся нами кхмерском и лаосском языках количество глаголов в составе СК не может быть больше шести: пример (3). При этом в обоих языках чаще всего встречаются СК, состоящие только из двух глаголов. В приведенных ниже примерах компоненты, входящие в состав СК, выделены жирным курсивом:

- (2) ^{cap} mi *tei* di faka *koti* di beee
я брать ОПР нож резать ОПР хлеб
'Я резал хлеб ножом' [Veenstra 1996: 88]

² О признаках сериальных конструкций см. работы [Butte 1987], [Sebba 1987] и особенно [Veenstra 1997], где содержится также подробная полемика по вопросу о конституирующих признаках сериальных конструкций.

(3) ^{лао} *sat pala:t tok long*
зверь чудесный опускаться опускаться

ma: theing phu:n din lo:k manut
приближаться на поверхность земля мир человек

‘Чудесный зверь упал в мир людей’³

(4) ^{кхм} *kangkia dau teu yo:k a:v pha:y*
Кангкие ходить пешком удаляться брать пхай

maok hoc aoy niang kromom
приближаться вручать давать девушка

‘Кангкие сходил за пхаем для девушки’ или ‘Кангкие принес девушке пхай’ (пхай — вид национальной одежды)

Общую структуру СК удобно представить в виде таблицы, распределив глаголы, входящие в состав СК, по нумерованным позициям. В состав таблицы необходимо включить также элементы “инкорпорированные” внутрь СК (если таковые имеются). Для кхмерского и лаосского языков таблица, отражающая структуру “идеальной” СК, будет иметь следующий вид:

№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6	№ 7	№ 8	№ 9
Verb ₁	Verb ₂	Verb ₃	Verb ₄	Verb ₅	Obj	NEG	Ver ₆	NEG

Из таблицы следует, что максимальное число глаголов, входящих в состав СК, в кхмерском и лаосском языках может достигать шести (Verb₁ — Verb₆). При этом в составе модели ядерного компонента предусмотрена отдельная позиция для объекта (Obj), поскольку существуют СК, которые не просто допускают, но требуют “инкорпорации” объекта например, так называемые “дательные” СК: *лао phuak caw¹ ca² aw³ khaw⁴ thang mo⁵ ni⁶ hay⁷ kho:y⁸ bo:⁹* (вы¹-БУД²-брать³-рис⁴-весь⁵-этот⁶-давать⁷-я⁸-ВОПРОС⁹) ‘Вы отдадите мне весь этот рис?’, — и отдельная позиция для отрицательного элемента (Neg), поскольку в сериальных конструкциях с результирующим значением отрицательные элементы занимают позицию между гла-

³ В примерах из лаосского языка и сармаккана тоны не обозначены.

голами. входящими в их состав: **кхм** *khn'om¹ sdap² muin³ ba:n⁴ te:* (я¹-слушать²-ОТР³-получать⁴-ОТР⁵) 'Я не понимаю'. При этом для кхмерского языка следует также ввести дополнительную терминальную позицию для второго показателя отрицания (№ 9), учитывая обычный рамочный характер отрицания в этом языке.

Семантические типы СК весьма разнообразны. Достаточно разработанная их номенклатура представлена, например, в работе [Veenstra 1996].

Периферийный компонент ГГ реализуется в виде цепочек служебных слов, занимающих позиции справа и / или слева от ядерного компонента. В число этих служебных слов обычно входят видо-временные служебные слова, показатели взаимности и совместности действия, операторы отрицания, модальные, фазовые и другие служебные глаголы. В приведенном ниже лаосском примере служебные слова, входящие в состав периферии, выделены подчеркиванием.

(5) *nap tae: nan ma: muang manut kap muang savan*
с тех самых пор страна человек и страна рай

bo:sa:ma:t thiav pay
ОТР мочь ходить взад и вперед удаляться

ma: ha: su kan day
приблизиться искатьпосещать ВЗАИМНмочь

'С тех самых пор жители земли и рая уже не могли навещать друг друга'

Можно заметить, что структура ГГ действительно отчасти напоминает структуру глагольной словоформы в агглютинативных языках (речь идет в первую очередь о языках с двухсторонней агглютинацией, т.е. таких, в которых имеются как суффиксы, так и префиксы¹). В обоих случаях мы имеем дело с линейной последовательностью элементов, среди которых выделяется центральный, лексический элемент (ядро ГГ) и моносемантические грамматические элементы, занимающие позиции

¹ К языкам с двухсторонней агглютинацией относятся, в частности, языки енисейской, чукотско-камчатской, банту и кавказской семей, а также изолированные баскский, плумерский и некоторые другие языки.

слева и / или справа от центрального элемента цепочки (периферия ГГ). При этом в большинстве изолирующих языков явно преобладают служебные элементы, занимающие позиции слева от ядра (особенно это заметно в креольских языках). Таким образом, линейная структура ГГ напоминает структуру глагольной словоформы в таких агглютинативных языках, как кетский или шумерский, характеризующихся преобладанием префиксации над суффиксацией.

Безусловно, между ГГ и глагольной словоформой в агглютинативном языке существуют очевидные различия, которые нельзя игнорировать. Важнейшее из них состоит, на наш взгляд, в том, что практически все служебные слова, входящие в состав ГГ, являются факультативными, а в составе агглютинативной словоформы четко выделяются два типа аффиксов: факультативные и обязательные.

Функциональное и структурное сходство ГГ и агглютинативной глагольной словоформы позволяет предположить, что устройство периферийного компонента ГГ может быть описано с помощью методики, которая применяется для анализа структуры агглютинативных словоформ. Речь идет о так называемой *методике порядкового членения*, или *грамматике порядков*.

Грамматика порядков позволяет описывать структуру словоформы в языках агглютинативного типа, выявляя закономерности, существующие в порядке следования и сочетаемости аффиксов в составе словоформы [Володин, Храковский 1991: 127]. Основной принцип грамматики порядков заключается в том, что с помощью дистрибутивного анализа исследуется сочетаемость аффиксов, входящих в состав словоформы, друг с другом. Результаты анализа суммируются в виде так называемой таблицы порядков, дающей наглядное представление о структуре идеальной словоформы данного языка (так называемая *максимальная порядковая модель*). Методика порядкового анализа ГГ по сути своей не отличается от порядкового анализа агглютинативной глагольной словоформы, с той, конечно, разницей, что исследованию в первом случае будут подвергаться не аффиксы, а служебные слова.

К сожалению, за недостатком места мы лишены возможности представить здесь порядковую таблицу, построенную нами для ГГ в кхмерском языке. Поэтому мы лишь кратко остановимся на ее структуре.

Максимальная модель ГГ в кхмерском языке включает 24 порядка: порядок ядра группы, 5 порядков служебных слов, находящихся в постпозиции к ядру, и 18 порядков служебных слов, находящихся в препозиции к ядру⁵, при том, что реальная ГГ в кхмерском языке не может, по-видимому, включать более шести элементов: ядро + пять служебных слов⁶.

Из 23 порядков служебных элементов, входящих в состав максимальной порядковой модели, 9 приходится на долю отрицательных служебных слов. Очевидно, что такая схема не вполне рациональна. Возможно правильным было бы построить описание несколько иначе: вынести отрицательные служебные слова за пределы порядковой таблицы, а их сочетаемость с другими приглагольными элементами задать в виде отдельного списка дополнительных правил.

Анализ максимальной порядковой модели ГГ в кхмерском языке показывает, что вся она оказывается пронизана системой разнообразных отношений: выделяются пары взаимосвязанных порядков и взаимоисключающих порядков. В конечном счете ГГ представляет собой "древовидную" иерархическую структуру, в которой элементы нижних ярусов оказываются зависимыми от элементов более высоких ярусов.

Подведем некоторые итоги.

В настоящей статье мы затронули ряд проблем, связанных со структурой глагольной группы — специфичного феномена

⁵ Максимальная порядковая модель ительменского глагола включает 14 порядков (порядок корня, три порядка аффиксов перед корнем и десять порядков аффиксов после корня) [Володин 1966: 5], максимальная порядковая модель кетского глагола — 17 порядков (3 порядка лексических элементов, 2 порядка постфиксов и 12 порядков префиксов) [Буторин 1995: 10–11], максимальная порядковая модель атеутского глагола — 30 порядков [Головко 1984: 6].

⁶ Для сравнения можно сказать, что реальная глагольная словоформа в ительменском языке включает не более семи морф [Володин 1966: 5], в корякском языке — не более 11–13 морф (обычно 5–7 морф) [Жукова 1972: 196].

синтаксиса изолирующих языков. Тем не менее, за обсуждавшейся выше частной структурной проблематикой нельзя не видеть некоторых очевидных предпосылок, имеющих прямое отношение к семантико-прагматической сфере языка.

Дело в том, что сопоставление изолирующих языков с языками, относящимися к другим лингвистическим типам, неизбежно приводит к констатации того факта, что сама семантика слов изолирующих языков оказывается во многом отличной от семантики слов флективных или агглютинативных языков. Слова изолирующего языка семантически гораздо более "просты", так сказать, "одномерны". Такая особенность лексики (вкуче с ограниченностью доступных грамматических средств) вынуждает языки использовать грамматические стратегии, которые, как правило, не характерны для языков других типов. Ярким примером реализации подобных стратегий и является глагольная группа.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

бер	— бербис датч (креольский язык на основе голландского, Гайана)
кхм	— кхмерский язык
лао	— лаосский язык
сар	— сармаккан (креольский язык на основе английского и португальского, Суринам)
БУД	— показатель будущего времени
ВЗАИМН	— показатель взаимности действия
ВОПР	— вопросительное служебное слово
ВЫД	— выделительная частица
ИРР	— показатель ирреалиса
ОПР	— определенный артикль
ОТР	— отрицательное служебное слово
ПЕРФ	— показатель перфекта

ЛИТЕРАТУРА

Буторин С. С. 1995 — *Описание морфологической структуры финитной глагольной словоформы кетского языка с использованием*

- ем методики порядкового членения. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск.
- Володин А. П. 1966 — *Глагол в ительменском языке*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград.
- Володин А. П., Храковский В. С. 1991 — *Типология классификаций морфем. Морфема и проблемы типологии*. Москва.
- Головки Е. В. 1984 — *Морфология глагола алеутского языка*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград.
- Жукова А. Н. 1972 — *Грамматика корякского языка*. Ленинград.
- Лекомцев Ю. К. 1963 — Аналитическое слово во вьетнамском языке как специфичный тип языковой единицы. *Морфологическая структура слова в языках различных типов*. Москва-Ленинград.
- Лиллер Дж., Галантер Е., Прибрам К. 1965 — *Планы и структуры поведения*. Москва.
- Byrne F. 1987 — *Grammatical Relations in a Radical Creole: Verb Complementation in Saramaccan*. Amsterdam.
- Kouwenberg S. 1991 — *Berberic Dutch Creole: Grammar, texts and vocabulary*. Amsterdam.
- Sebba M. 1987 — *The Syntax of Serial Verbs*. Amsterdam.
- Veenstra T. 1996 — *Serial Verbs in Saramaccan. Predication and Creole Genesis*. Amsterdam.

СЛОВА И ЛЮДИ: К СМЕНЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ И ИХ СОСТАВЛЯЮЩИХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XX СТОЛЕТИЯ¹

А. Д. ДУЛИЧЕНКО

0. Парадигматический подход к языку, известный с античности, успешно был применен в морфологии, откуда затем его распространили на другие уровни. Напомним, что еще в XIX столетии И. А. Бодуэн де Куртенэ пришел к мысли о возможности горизонтального (=синтагматического) и вертикального (=парадигматического) изучения языковых элементов, что соотносится с соскюровскими синтагматическим и ассоциативным (=парадигматическим) аспектами.

По отношению к лексике вместо термина и понятия *лексическая парадигма* нередко используются заменяющие его по существу термины *лексическое поле*, *лексико-семантическая*, или *тематическая*, *группа*, ср.: “Термин *поле* часто употребляется недифференцированно наряду с терминами *группа* (лексико-семантическая группа, тематическая группа) и *парадигма* (лексико-семантическая, синтаксическая парадигма) и др.” [Кузнецов 1990: 381, 258]. Нам представляется плодотворным применение именно термина и понятия *лексическая парадигма*, поскольку это:

¹ В основу настоящей работы положены идеи, высказанные нами ранее — в 1994 г. в монографии “Русский язык конца XX столетия”, изданной в Мюнхене издательством Otto Sagner, в июне 1997 г. в лекциях в университетах Трира (Lehrstuhl für slavische Philologie) и Саарбрюккена (Institut für Slavistik), а также 26 сентября 1998 г. на семинаре “Язык и человек (прагматический аспект исследования языка)” в Тарту.

1) дает возможность выстроить составляющие лексического списка так же или почти так же, как, например, в морфологии выстраивают падежные формы одного и того же типа склонения (что ведет к учету межуровневого изоморфизма);

2) позволяет составляющие полученной вертикали (resp. парадигмы) рассматривать по горизонтали, т.е. проследить пути их формального и семантического развития.

I

На протяжении XX столетия процесс лексического покрытия (или наполнения) общества, говорящего по-русски, прошел по крайней мере три основных цикла:

1) "дореволюционный цикл" — до начала XX столетия (до 1917 г.), когда лексикой были закодированы социальные отношения, что выразилось в стабильности и строгой кодификации, закрепленной специальными словарями, а также узусом;

2) "советский цикл" — XX ст-е (20-е-80-е / нач. 90-х гг.), когда было произведено перекодирование действительности (новые институты и социальные отношения — новые слова) и одновременно с этим декодификация старой (resp. дореволюционной) лексики и постепенная кодификация новой, вылившейся в огромную парадигму так наз. советизмов;

3) "постсоветский цикл" — конец XX столетия (90-е гг.), когда вновь было произведено декодирование действительности новыми или возрожденными знаками и одновременно с этим декодификация советской лексики (процесс, который удобно называть лексической десоветизацией) и постепенная кодификация нового образца.

Таким образом, в пределах этих трех циклов в течение одного столетия проводились следующие процессы:

I	→	II	→	III
кодирование и кодификация		перекодирование → декодификация ↓ новая кодификация		перекодирование → декодификация ↓ новая кодификация

Этот вихрь сменяющих друг друга кодирований и перекодирований, кодификаций и декодификаций обрушился на поколения дедов, отцов, сыновей и внуков. На языковое сознание русского человека в XX столетии легла огромная нагрузка, потребовавшая не только словесной "пересучки", но и психологической переориентации (в связи с переоценкой ценностей!). Социальное экспериментирование, таким образом, давило и продолжает давить на людей не только физически и морально, но и посредством языковых знаков (ср. ту нагрузку, которую выдерживаем мы ныне, когда вынуждены метаться между "товарищами и господами", каждый раз сомневаясь и решая, как обратиться к официальному и иному лицу).

II

Чтобы проиллюстрировать заявленную идею о смене лексических парадигм, обратимся к **социально чувствительной лексике**, т.е. лексике, активно реагирующей на социальные переменны: меняются социальные институты и отношения, и это непосредственным образом может отразиться на состоянии языковых знаков, обозначающих эти институты и отношения.

Учитывая соотношение языкового знака и референта, можно выделить по крайней мере две основные модели, демонстрирующие процесс смены лексических парадигм и их составляющих.

1. Устранение языкового знака в связи с устранением референта.

Потеря монополии КПСС (= Коммунистической партии Советского Союза) на власть привела к тому, что многочисленные ее институты утратили свою актуальность, а вместе с ними поблекли и выражающие их языковые знаки, ср., напр., лексические "партпарадигму" и "политпарадигму", составляющие которых сейчас практически не используются, более того — их сознательно избегают, дабы не ассоциироваться именно с КПСС:

<i>парт</i> работа работник орг(анизатор)	<i>полит</i> работа работник организатор
---	--

<i>организация</i>	<i>организация</i>
<i>руководитель</i>	<i>руководитель</i>
<i>учеба</i>	<i>учеба</i>
<i>актив</i>	<i>актив</i>
<i>конференция</i>	<i>кружок</i>
<i>органы</i>	...
<i>группа</i>	
<i>взносы</i>	

На периферию языкового и общественного сознания сдвинута также и парадигма такого вида:

<i>обком</i> [КПСС]	← <i>областной комитет</i> [КПСС]
<i>крайком</i> [КПСС]	← <i>краевой комитет</i> [КПСС]
<i>горком</i> [КПСС]	← <i>городской комитет</i> [КПСС]
<i>райком</i> [КПСС]	← <i>районный комитет</i> [КПСС]

Вместе с ними уходят и названия соответствующих должностей, выступающие в виде словосочетаний типа: *секретарь обкома*; *секретарь крайкома*; *секретарь горкома*; *секретарь райкома*.

2. Смена языкового знака при сохранении референта. Здесь выделяются две модели.

А. Модель переориентации референта на другую действительность и последующее ее возвращение:

дорев. д-сть	сов. д-сть	несов. д-сть	постсов. д-сть
<i>забастовка</i>	→	<i>забастовка</i>	<i>забастовка</i>
<i>забастком</i> (< забастовочный комитет)	→	<i>забастком</i>	<i>забастком</i>
<i>забастовщик(и)</i>	→	<i>забастовщик(и)</i>	<i>забастовщик(и)</i>
<i>бастующий(-ие)</i>	→	<i>бастующий(-ие)</i>	<i>бастующий(-ие)</i>
<i>стачка</i>	→	<i>стачка</i>	<i>стачка</i>
<i>стачком</i> (< стачечный комитет)	→	<i>стачком</i> (< стачечный комитет)	<i>стачком</i> (< стачечный комитет)
...	

Таким образом, советская действительность "обходилась" без этих лексических парадигм. Их актуализация стала возможна благодаря социальным переменам, вызванным "перестрой-

кой", а толчком для возрождения стали память собственной истории и собственного языка, а также факт их функционирования в нессоветской действительности.

Б. Модель смены языкового знака при сохранении референта.

Эту модель можно продемонстрировать на примере административно-территориальной номенклатурной лексики:

а)	<p>дорев. д-сть губерния / область ↑ уезд ↑ волость</p>	→	<p>совет. д-сть область / край район сель[ский] совет</p>	→	<p>постсов. д-сть область / край район сельсовет [?]</p>
б)	<p>дорев. д-сть губернатор городничий / городской голова премьер-министр ↓ премьер</p>	→	<p>совет. д-сть председатель обл[астного] испол[нительного] ком[итет]а (депутатов трудящихся → народных депутатов) / крайкома... ↓ председатель (контекст) председатель горисполкома председатель Совета Министров ↓</p>	→	<p>постсов. д-сть глава областной / краевой администрации ↓ глава администрации ↓ глава (контекст) ↓ губернатор мэр вице-мэр мэрия примэрия премьер-министр ↓</p>

		<i>председатель Совмина</i>		<i>премьер</i>
		↓		
		<i>предсовмина</i>		<i>вице-премьер- министр</i>
				↓
				<i>вице-премьер</i>
				↓
				<i>(первый) вице- премьер...</i>

Примечания: *о-сть* — действительность; *городничий* — начальник города в дореволюционной России до середины XIX столетия; *градоначальник* — начальник города, выведенного из губернского подчинения; как кажется, до сих пор *губернатор* — это официально некодифицированное название должностного лица, хотя употребляется оно достаточно активно во всех средствах массовой информации.

Представленные модели наглядно показывают эволюцию составляющих административно-территориальной лексической парадигмы в течение трех временных циклов. Поскольку изменение составляющих в этой парадигме без обсуждения и дискуссий и в сравнительно короткие сроки производили элитарные группы (после революции 1917 г. — большевики, в "перестройку" — московские демократы), то естественным было ожидать формирования генетической гетерогенности составляющих, ср.: *область / край*, но *губернатор*; *городничий / городской голова / градоначальник* → *председатель горисполкома* → *мэр* и под. При этом были фактически повторены ономаσιологические подходы кодификаторов советского времени, которые для обозначения ряда должностей использовали не лексемы, а длинные нетерминологичные словосочетания; нередко эти словосочетания приходилось превращать в аббревиатуры, чтобы приблизить их к слову или более короткому словосочетанию: *председатель областного исполнительного комитета [депутатов трудящихся* → *народных депутатов]* → *председатель облисполкома*; ср. постсоветское словотворчество типа *глава областной администрации*, контекстуально превращающееся в *глава администрации* → *глава*, и т.п. Сказанное означает, что нынешняя административно-террито-

риальная номенклатура оказалась в тупике: предложенные, а нередко в спешке тут же и кодифицированные ее составляющие находятся друг по отношению к другу в противоречии с точки зрения источника их происхождения (т.е. в плане "свое — чужое") и лексичности — нелексичности (т.е. в плане "слово — словосочетание"), а это симптом того, что дальнейшие "исправления" в этой важной лексической парадигме еще ждут русское общество.

ЛИТЕРАТУРА

Кузнецов А. М. 1990 — Поле. Лексика. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва. 381–258.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ФАКТОР КАК КРИТЕРИЙ РЕШЕНИЯ ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСОВ ГРАММАТИКИ

Г. А. ЗОЛотова

Почему в контекст проблем прагматики встают проблемы грамматические?

Прежде всего потому, что объем понятия и границы лингвистической прагматики пока не определены. Не без оснований можно полагать, что большая часть "прагматических" значений выражается средствами грамматики, и как разграничить эти языковедческие сферы — еще неизвестно.

Если руководствоваться в понимании прагматики действительными (или "эгоцентрическими") параметрами **я** — **здесь** — **сейчас**, как рекомендуют многие "прагматисты", не получится ли, например, что начальные и конечные строки стихотворения Пушкина "Обвал" (... *И надо мной кричат орлы. И ропщет бор: И блещут средь волнистой мглы Вершины гор ... и Где ныне мчится лишь Эол. Небес жилец*) подлежат ведению прагматики (поскольку есть "я" и его зрительное, слуховое восприятие "здесь" и "сейчас"), а *Оттоль сорвался раз обвал ...* и все остальные строки, где не-я, не-здесь и не-сейчас, к прагматике отношения не имеют? А к грамматике?

Тогда надо задаться вопросом, какое место занимает грамматика в системе лингвистического знания.

Известно, что это самая древняя и привычно-устойчивая часть языковедения. На протяжении веков грамматическое учение сохраняло свою более или менее устойчивую структуру, создавая в нашем сознании образ языка. Этот традиционный образ, внушенный нам еще школьной грамматикой, стоит

между нами и реальным языком. Нередко исследования в других областях лингвистики ориентированы также на этот унифицированный образ, в нем находят объекты изучения, из него исходят в постановке задач.

Как следствие разновременных теоретических наслоений возникают дискуссионные вопросы и подолгу остаются дискуссионными, нерешенными в пределах тех же привычных воззрений.

На современном этапе стимулом развития лингвистической мысли становится все более глубокое осознание роли человека, говорящего лица, в его коммуникативной деятельности и в осмыслении им языковой системы. Языковая система, не данная нам в непосредственном наблюдении, реализуется в речи, в текстах, устных и письменных, как продукте многообразных общественно-речевых действий говорящих.

Понимание текста как формы существования языка и, следовательно, как основного объекта лингвистики позволяет видеть в единицах разных уровней части коммуникативного целого, в их взаимодействии, в их текстовом назначении. Коммуникативный фактор обуславливает более адекватное и более последовательное представление о системной организации языковых средств.

Новая Грамматика русского языка, разработанная в академическом Институте им. В. В. Виноградова (в соавторстве с Н. К. Онопенко и М. Ю. Сидоровой), изданная в августе 1998 г. филологическим факультетом МГУ, и названа Коммуникативной по изложенным соображениям. Это один из возможных опытов создания современной грамматики нетрадиционного типа. В центре ее — человек как субъект коммуникативной деятельности, социального общения, как лицо мыслящее, воспринимающее и изменяющее мир. В содержании общения связаны воедино мир, мысль и языковые средства. Грамматика выявляет позицию говорящего в отборе речевых ресурсов и организации текста.

Объяснительная сила Коммуникативной грамматики в том, что, опираясь на опыт предшествующей лингвистики и преодолевая ее противоречия, она ищет ответы на вопросы: **о чем?**

как? для чего? — на всех ступенях анализа. В каждом языковом явлении скрыта взаимная обусловленность значения, формы и функции. Под функцией понимается способ участия любого элемента в построении коммуниката — способ, предопределенный категориально-семантическим значением и формой. Отвечая на вопрос для чего? зачем?, функция является внутренним, сущностным признаком языковой единицы, а не внешним условием ее "функционирования".

Естественно, такой подход оборачивается расширением границ грамматики и обогащением задач. Возникает проблема возвращения грамматике наблюдений, накопленных в разных областях лингвистики (вероятно, и в той, которую называют прагматикой), поскольку наблюдения получены на основе системных свойств языковых единиц и их соучастия в коммуникативном процессе.

Лингвистический объект материально един и создается взаимодействием в речевом процессе синтаксиса, морфологии, словообразования, лексики, при доминирующей роли синтаксиса, непосредственно формирующего из средств языка коммуникативный смысл текста.

Коммуникативная версия грамматики, исследуя языковой механизм в действии, позволила увидеть в нем ряд новых явлений и закономерностей и предложить некоторые решения спорных вопросов. Кратко расскажу о нескольких из них.

1) Один из ключевых вопросов грамматической теории, по которому продолжаются разногласия, — о соотношении синтаксиса и семантики. Сторонники противопоставления и раздельного представления "грамматической" и "семантической" структур не считают с реальностью — с тем, что структура материально едина, что нет семантики предложения без синтаксиса и нет синтаксиса без семантики. Говорящий строит предложение, чтобы выразить смысл, а исследователь препарирует это предложение, чтобы доказать, что можно без смысла. Известно, что, если отделим кислород от водорода, — воды не будет.

2) В уровневой стратификационной концепции было слабое звено. Э. Бенвенист признавал, что нет функционального пере-

хода от уровня лексики к уровню синтаксиса: слово не функционирует как составная единица предложения.

Выявленная элементарная единица синтаксиса — синтаксема. — поднимая индивидуально-лексическое значение слова на категориально-семантический уровень (которому и соответствуют значения компонентов, или членов, предложения), и составляет языковое обеспечение этого абстрагирующего процесса, перехода от единицы лексической к единице синтаксической.

Для предложения и для текста важно разделение синтаксем на предметные и признаковые.

Единство критерия взаимной обусловленности значения, формы и функции позволило выстроить последовательный ряд грамматических единиц от синтаксемы (в свою очередь сформированной из категориально-значимых элементов морфологии) до текстовых композитивов.

3) Противоречивая традиционная классификация простого предложения переведена на содержательную основу. Мир структурирован человеческим сознанием в языковых категориях частей речи. Основные части речи, выступая в качестве предикатов, выражают типовое значение предложения в соответствии со своим категориально-семантическим значением (сообщение о действии, состоянии, качестве, количестве, классификационном признаке субъекта). Все прочие виды предложений занимают свои места в системе синтаксического поля как регулярные модификации своей базовой, исходной модели. Такое представление системы дает преимущества и теоретические, и дидактико-методические.

Подтверждена принципиальная двусоставность предложения, синтаксическая и текстовая значимость неназванного субъекта (*Темно — За окнами темно; Не стится — Мне не стится; Тишина — В доме тишина*) и способность некоторых форм косвенных падежей имени выступать в качестве подлежащего (субъекта) в определенных моделях.

4) Выделены грамматические признаки полу- и полипредикативных единиц, в которых имена субъекта и его признака соотносятся в таксисных категориях времени, модальности и

лица. Единство признаков даст возможность сопоставления внутриязыковых синонимических и межъязыковых эквивалентных соответствий, а также исчисления информативной емкости предложения и текста.

5) С точки зрения роли в тексте уточнены представления о категориях времени и вида. Видо-временные глагольные формы рассматриваются как основные средства организации текстовой структуры, для которой, согласно В. В. Виноградову, релевантны 4 видо-временные функции глаголов. Выявлено взаимодействие в композиции текста 3-х осей времени. Вид понимается как способ организации текстового времени с точки зрения говорящего.

Важным композиционно-текстовым средством служит также смена точки зрения, субъекта наблюдающего, воспринимающего, смена субъектных сфер. Варианты соотношения субъектных сфер представлены в "Грамматике" в координатах субъектной перспективы.

6) Соотношение трех критериев: пространственно-временной позиции говорящего (и, соответственно, сенсорного или ментального способа восприятия); динамического или статического характера представляемой действительности; коммуникативных намерений говорящего — позволило выявить 5 коммуникативных типов (регистров) речи: **репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный, реактивный**, различные соединения и чередования которых создают структуру (композицию) конкретного текста.

Объем регистровых композитивов в конкретных текстах широко варьируется, но меньшей возможной речевой, текстовой единицей оказывается "полупредикативная" конструкция как носитель таксисно-предикативных и регистровых признаков.

Авторы многих работ по лингвистике текста, занимаясь техникой связи между предложениями, не искали или не находили путей к изучению композиционно-смыслового строя текста.

7) Выявлены 4 ступени, которые могут служить моделью содержательного анализа текстовой структуры:

А — языковые средства (предикативные единицы с их типовым значением и др.):

В — речевые (регистровые) потенции языковых средств (безотносительно к конкретному тексту):

С — авторская тактика в отборе и приемах соединения речевых средств в данном тексте:

Д — гипотетическая категория стратегии автора, его замысла, идеи.

Эту регулярность может обнаружить любой текст, ставший объектом анализа.

Представлены примеры анализа и фрагментов текстов разных жанров, и отдельных текстов небольшого объема.

Выводы из предложенного анализа позволяют уточнить понимание отношения между языковой формой и ее реализуемым значением. Речевые намерения говорящего и способы, какими он осуществляет их, составляют коммуникативную функцию высказывания, текста и — соответственно — третий из необходимых компонентов, организующих речь, в ряду форма — значение — функция.

Выясняется и несоотнесенность признаков традиционно-школьной триады “коммуникативных типов” повествования, описания и рассуждения: первые два представляют динамический и статический подтипы репродуктивного и информативного регистров, а рассуждение организуется на уровне тактики из элементов разных регистров.

8) Показаны экспрессивно-коммуникативные возможности некоторых грамматических категорий и средств, регулярно используемых в определенных сюжетно-композиционных тактических приемах. Коммуникативный анализ языковых средств в речевом процессе даст ответ не только на вопрос, как они построены, но и на вопрос, для чего они нужны языку и конкретному тексту.

В частности, в стихотворении Пушкина “Обвал”, упомянутом в начале, композиционная рамка репродуктивного регистра, объемлющая строфы, представляющие информативно-повествовательный и информативно-описательный композитивы, формируется соотношением временных планов текста, че-

рез видо-временные функции предиката и смену пространственно-временной позиции говорящего по отношению к сообщаемому.

9) Таким образом, "Грамматика", реализуя коммуникативный подход к объекту.

а) разрабатывает аппарат, способный анализировать переход от предложения к тексту (вопреки высказывавшимся сомнениям о возможности такого подхода); выявляет лингвистические основы композиционно-смысловой структуры текста;

б) ставит грамматическое учение в ряд с другими филологическими дисциплинами, изучающими духовную культуру народа;

в) предлагает последовательно-системное решение ряда застарелых дискуссионных вопросов грамматической теории и практики.

О СТРОЕНИИ УСТНО-РАЗГОВОРНОГО ДИСКУРСА И ТИПОЛОГИИ ЕГО ФОРМ

Ц. ЙОТОВ

Многообразие форм разговора, которыми изобилует повседневное языковое общение, давно привлекает внимание специалистов в той исследовательской области, которую Ю. М. Скребнев удачно назвал коллоквиалистикой. Несмотря на это и по сей день нет научно обоснованной систематики коллоквиальных форм. Предприняты лишь отдельные попытки в этом отношении (напр., в работах Якубинского, Холодовича, Бахтина, Яноушека, Сиротининой, Капанадзе и др.). Но указанные исследования, по признанию самих авторов, имеют предварительный характер.

Каковы **причины**, задерживающие создание научно обоснованной систематики форм разговора? Как показывают данные теоретического анализа, эти причины можно объединить в две группы: причины *феноменологического* характера (касающиеся природы объекта) и *эпистемологического* характера (причины, касающиеся процесса познания этой природы). Коротко — о **первой группе**.

По нашему мнению, авторы таких систематик не учитывают в необходимой степени специфику объекта систематизации, а именно **уникальные свойства** устно-разговорного дискурса. К ним следует отнести в первую очередь *разнородность* материала, из которого он построен. Коллоквиальный дискурс представляет собой информационное поле, порождаемое взаимодействием различных по своей природе знаковых проявлений: словесных реплик и нечленораздельных звуковых сигнала-

лов, жестомимических движений и еще — импульсов внутриречевой активности.

Другая феноменологическая особенность коллоквиальных форм, которая, как нам кажется, не учитывается при их систематике, — это *мимолетный, летучий* характер этих форм. Они появляются на мгновение и безвозвратно исчезают. Следы, оставленные ими в памяти, на магнитной пленке или на бумажном листе, после дешифровки записи не представляют собой полноценный объект систематизации, каким является, например, письменный текст.

Без внимания остается еще одна феноменологическая особенность коллоквиального дискурса, а именно *размытость границ* между отдельными разговорами и их частями в общем потоке знаковых проявлений. Разговоры не похожи на "короткометражки в длинной киноленте повседневного общения", какими пытается представить их Л. Капанадзе в одной из своих работ [Капанадзе 1988: 230]. Данные наблюдений над записями, фиксирующими поведение людей в естественных условиях, показывают, что разговоры — составные части этого поведения — не имеют ясно очерченных форм. Их границы размыты, композиция аморфна, жанровые признаки гибричны. И это потому, что факторы, формирующие дискурс живых разговоров (состав участников, характер тематического материала, принципы интеграции реплик и мн. др.), непрерывно меняют значения своих характеристик.

Есть еще одна причина, связанная с феноменологическими особенностями коллоквиального дискурса, которая также серьезно затрудняет построение адекватной систематики его глобальных форм. Если письменный текст, подобно алгоритму, предписывает однозначно очередные шаги своего развития, соблюдая жесткие принципы структурирования знаковой ткани, точные образцы композиционного строения и жанровой ориентации, строение устно-разговорного дискурса подчиняется противоположным принципам организации. Его порождают *случайные события*, не организованные со стороны (в результате воздействий внешних факторов), а *самоорганизующиеся изнутри* по законам хаоса. Источником самодвижения и

самоорганизации процесса говорения является взаимодействие двух противоборствующих тенденций: с одной стороны — к свободе, к спонтанности коммуникативного поведения, а с другой — к поддержанию порядка, обеспечивающего сохранение целостности и устойчивости системы совместных действий партнеров. Описать адекватно разнообразие форм, порождаемых в подобных условиях, — это чрезвычайно трудная задача, которую современная наука (в частности ее специализированная теория — синергетика) только начинает решать. Еще более неподготовленной к подобной исследовательской деятельности оказывается лингвистика. И это уже **вторая категория причин** (на этот раз не феноменологического, а *эпистемологического* характера). С начала своего развития до сегодняшнего дня лингвистика изучает естественный человеческий язык преимущественно по его *письменной форме*. Приступая к новому объекту исследования — к самой массовой, самой естественной форме языка (*устно-разговорной*), лингвист переносит старый исследовательский инструментарий в новые условия. Источником подобного решения являются не только инерционные процессы, рутина, но и прежде всего убеждение, что по своему строению устно-разговорный дискурс и письменный текст изоморфны. Однако, как было уже подчеркнуто, существуют серьезные основания в защиту *противоположного тезиса*, а именно, что несмотря на близость обоих языков (часто рассматриваемых как две функциональные модификации одной и той же знаковой системы) на сверхфразовом уровне, а тем более на уровне глобальных форм дискурса, эти две разновидности языка применяют противоположные конструктивные принципы, различные правила структурирования знаковой ткани. А если по своему строению устно-разговорный дискурс и письменный текст **не изоморфны**, то для описания многообразия коллоквиальных форм понадобится другого типа систематика, другого характера единицы группировки форм.

В последней части настоящего сообщения мы предлагаем один из возможных путей, направленных на поиск подходящего решения указанной проблемной ситуации. В качестве от-

правного пункта такого решения мы используем следующий тезис. Многообразие форм, имеющих разнородные летучие, стихийно проявляющиеся свойства, какими характеризуется устно-разговорный дискурс, можно было бы охарактеризовать и адекватно описать с помощью дескриптивных средств типа **измерительных систем**. Мы считаем, что подобные возможности дает **идеальная типология Вебера**. Построенная в первом десятилетии нашего века немецким социологом, историком, экономистом и юристом Максом Вебером, идеальная типология предназначена для систематизации и объяснения уникальных исторических событий без претензии на функции непосредственного отражения событий или на их оценки. Соблюдая принципы этой методологии, мы делаем следующее. Из эмпирического материала (из массива данных наблюдения и самонаблюдения, из записей повседневного общения и художественно-литературных текстов) извлекаются существенные признаки, значимые для целей исследования. Из них строится **эталон**, способный служить средством соизмерения уникальных по своему строению разговоров. Создание такого эталона — это чрезвычайно трудная задача. Поэтому мы были вынуждены обратиться к исследовательскому опыту тех гуманитарных наук семиотического характера, которые уже успешно осуществляли типологизацию объектов, изоморфных коллоквиальному дискурсу. Мы руководствовались убеждением, что подобные попытки (даже если они осуществлены в семиотических сферах, генетически весьма отдаленных от естественно-человеческого языка) могли бы подсказать коллоквиалисту пути и способы создания собственно лингвистической систематики форм разговора по образцу идеальной типологии.

Мы обнаруживаем подобную семиотическую сферу в области **музыкального искусства**, а объект систематизации, изоморфный коллоквиальному дискурсу, — в дискурсе **ансамблевой музыкальной импровизации**, в частности в музицировании народных исполнителей и импровизаторов так называемого "свободного джаза" [Гонда 1975]. Музыка, которую создают в таких условиях, подобна по своему строению живому разговору. Она многоголосая, динамичная, стихийная.

Конструктивное подобие объектов идеальной типологизации позволяет коллоквиалисту при выработке метаязыка для описания многообразия коллоквиальных форм использовать в качестве образца систематику, которую предлагает **музыкальный анализ**, и в частности — учение о **музыкальных формах** и **музыкальной импровизации** [Стоянов 1969]. Сама по себе описательная процедура выглядит в самом общем виде так. Берем категориальный аппарат, измеряющий многообразие музыкальных форм, и с его помощью (в качестве эталона сопоставления) осуществляем сравнительно-типологический анализ музыкальных и коллоквиальных форм — как элементарных, порождающих знаковую ткань, так и “надтканевых”, конструирующих целостность дискурса.

Сквозь призму категориального аппарата музыкального анализа формообразование в сфере разговора выглядит как иерархически организованная система, в которой выделяются по меньшей мере **4 уровня строения**: 1) уровень порождения *внешнего материала* семиозиса (звукового, зрительного, тактильного, спациального, а также материала непосредственно воспринимаемых импульсов мыслительной, эмоциональной и волевой активности участников во время их разговора с самим собой); 2) уровень формирования из материала *знаковой ткани* дискурса; 3) уровень расчленения ткани на *единицы коллоквиальной речи* и 4) уровень интегрирования речевых сегментов в *целостную организацию* коллоквиального дискурса — аналога музыкального произведения. Само поле взаимодействия форм, характерных для указанных уровней строения информационно-семиотической стороны разговора, можно было бы представить, как это сделано на схеме № 1.

В качестве *первозлемента материала* — аналога музыкального тона — выделяется **минимальное знаковое проявление**. Это релевантное для семиозиса, кратчайшее изменение состояния источника информации: произнесенный звук или последовательность звуков, жестомимическое движение, значимое изменение расстояния между собеседниками, тактильное восприятие и т.п. Сюда необходимо добавить также услышанный внутренним слухом собеседника импульс внутренней

речи или эмоционально-волевого процесса. Из разнородного материала этих первоэлементов при соблюдении определенных закономерных соотношений между их различительными признаками формируются компоненты более высокого ранга, составляющие **знаковую ткань** коллоквиального дискурса. В сфере музыкального формообразования их изоморфные соответствия называют мелодией. Поскольку в метаязыке лингвистики нет термина для коллоквиального аналога мелодии, мы используем емкое болгарское слово *изказ*, которое на русский язык приблизительно можно было бы перевести "изложение мысли, переживания". Подобно мелодической линии, организующей звуковую ткань музыкального произведения и одновременно с этим выполняющей основную выразительную функцию его формы, **линия изложения мыслей** во время разговора не только направляет поток информации, но также воздействует на реципиента своим посланием. Излагают свои мысли и переживания друг другу не только действующие лица разговора. Подобный процесс протекает одновременно во *внутреннем мире* каждого собеседника — между движущими силами его коммуникативной активности: в безголосой перекличке "Информатора" во мне, моего "Комментатора", внутриречевого "Эксперта", "Стратега" и "Исполнителя", а также в молчаливом разговоре личностных сил "Совести" и "Искусителя", "Страха", "Смелости", "Тщеславия" и многих других. Сочетаясь между собой в горизонтальном и вертикальном направлении, группируясь в последовательности и "аккорды", эти линии изложения, подобно нитям, сплетаются между собой, порождая компоненты более сложного строения — аналогии музыкальных голосов оркестра или хора. Их мы называем условно **сторонами участия** в разговоре. Подобно своим музыкальным соответствиям, стороны коллоквиального соучастия бывают ведущими и сопровождающими, доминирующими и доминируемыми. Их взаимодействие в процессе формообразования строится на основе самоорганизации в соответствии с определенными принципами. По подобию их музыкальным аналогам мы называем принципы самоорганизации указанных компонентов разговора **фактурой** его знаковой тка-

ни. Помимо роли субординатора сторон коллоквиального соучастия, фактура знаковой ткани разговора выступает еще и в другой основной формообразующей функции. Ее конструктивные принципы регулируют очень важные процессы, а именно *распределение* между взаимодействующими сторонами коллоквиального соучастия их первичных коммуникативных функций — комплементарных функций порождения и рецепции изложения. Наши исследования показывают, что именно в рамках фактуры коллоквиального дискурса, а не в понятиях его жанровой характеристики возможно удовлетворительное объяснение и описание разнообразия форм, именуемых словами "монолог", "диалог", "полилог", "групповая речь" и т.п. В данном случае в роли *principium divisionis* выступает не количество собеседников, а характер способа распределения функций сообщающего и воспринимающего сообщение между сторонами, участвующими в разговоре. Типологическое сопоставление коллоквиального и музыкального дискурсов с помощью категориального аппарата музыкального анализа способствует построению одного из возможных вариантов идеальной типологии указанных форм разговора (схема № 2).

Как показывает данная схема, в коллоквиальной сфере, как и в музыкальной, количество участников разговора само по себе не является основным типологическим фактором. Подобно тому как в оркестровом составе увеличение или уменьшение количества исполнителей не требует переработки партитуры (разумеется, при сохранении количества оркестровых партий), расширение или сужение круга участников разговора само по себе не меняет типологической характеристики его дискурса (ср. обмен мнениями между двумя, тремя и более участниками). Как было уже подчеркнуто, в данном случае типологически значимым является другой показатель. Его можно уточнить при ответе на два взаимосвязанных вопроса, а именно: кто из присутствующих имеет *статус стороны* в разговоре, и как эти стороны *распределяют* между собой роли автора и реципиента излагаемой мысли. При такой постановке проблемы

так называемые устно-речевые формы (или жанры) получают поистине типологические характеристики¹.

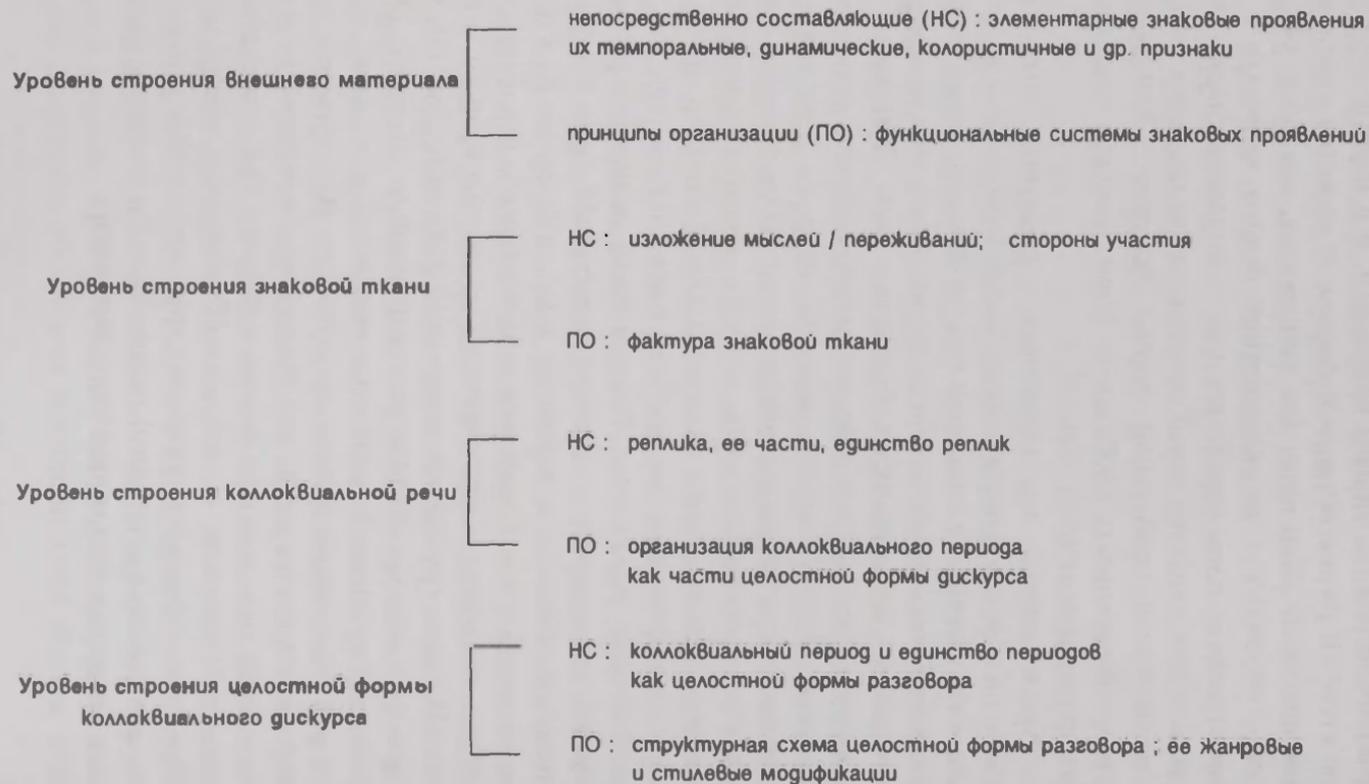
Типологическое сопоставление музыкального и коллоквиального дискурса, осуществленное с помощью категориального аппарата музыкального анализа, позволяет построить по образцу музыкальной типологии систематику коллоквиальных форм и на высших уровнях их строения. На уровне превращения знаковой ткани в *коллоквиальную речь* фактурные принципы воплощаются в конкретных речевых сегментах (в синтагмах, фразах, сверхфразовых единствах монологического, диалогического, полилогического, синхралалийного и проч. типов). Самый большой, самый сложно устроенный сегмент коллоквиальной речи мы называем под влиянием музыкальной терминологии *коллоквиальным периодом*. Это развернутая последовательность реплик персонального типа, которая в качестве организующего центра имеет одну элементарную тему. Подобно музыкальному периоду коллоквиальный период обнаруживает двойной статус. С одной стороны — статус высшей единицы коллоквиальной речи, способной превращать любую последовательность реплик в целостный дискурс (напр., короткий обмен репликами при покупке, при поиске человека по адресу и подобное). С другой стороны, коллоквиальный период способен выполнять функцию непосредственного составления развернутых коллоквиальных форм и в качестве единицы меры определять степень развернутости, сложности, многосоставности этих форм. Таким образом, коллоквиальный период осуществляет связь между уровнем строения коллоквиальной речи и высшим типологическим уровнем — уровнем глобальных форм коллоквиального дискурса. По аналогии с системой музыкальных форм (заимствуя или модифицируя их названия) мы делим множество целостных форм коллоквиального дискурса по указанному на схеме № 3 способу. Следует подчеркнуть, что схема № 3 иллюстрирует типологию коллоквиальных форм, выделяемых при описании их **структурного аспекта**. Конструктивные тенденции, направляющие процесс целостного построения коллоквиальной формы, оха-

¹ Подробно о них см. [Йотов 1979, 1991, 1998].

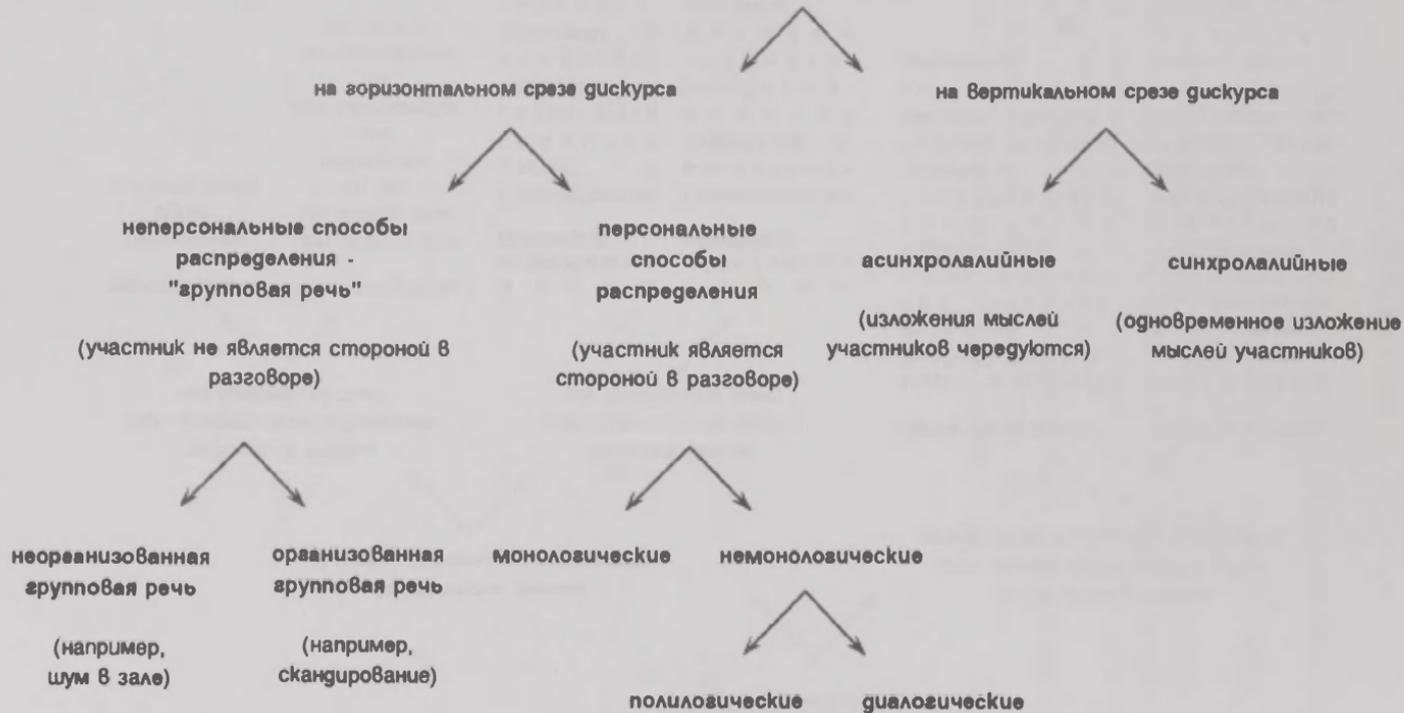
рактированы по многим признакам, и в первую очередь — по степени развитости этой формы. В качестве единицы меры подобной развитости мы используем, как было уже сказано, способность коллоквиальной формы включать в свое пространство один или более одного коллоквиального периода, а также характер связи составляющих периодов при конструировании глобальной формы разговора. Многообразие степеней развитости глобальных форм дискурса представлено в упрощенном виде на схеме № 3.

Кроме только что указанных глобальных структурных схем, по образцу которых оформляется конструкция коллоквиального дискурса, с помощью категориального аппарата музыкального анализа можно было бы выделить еще жанровые и стилевые разновидности вопросных схем. Жанровая принадлежность данного конструктивного образца определяется в процессе углубленного анализа дискурса, при ответе по меньшей мере на два связанных между собой вопроса, а именно: (1) к требованиям каких условий общения приспособлена конструктивная основа коллоквиального дискурса, и (2) в каких специфических формообразующих тенденциях это приспособление выражается. Отсюда такие жанровые разновидности, как разговор в условиях телефонной связи или в естественных условиях: в семейной, школьной среде; на улице, в купе поезда и т.п. Силевые разновидности коллоквиальной формы выделяются при ответе на другие два вопроса, а именно: (1) каким групповым и персональным потребностям удовлетворяет взаимодействие разговаривающих сторон и (2) какой конструктивной адаптации подвергается строение дискурса при реализации данной потребности. Вот примеры: разговор ради удовольствия, для времяпрепровождения (в поезде, на улице), при решении делового вопроса, при выяснении отношений, разговор — любовное объяснение и многое другое. При учете стоимости указанных трех параметров (структурного, жанрового и стилового) можно было бы измерять уникальные черты каждого конкретного разговора.

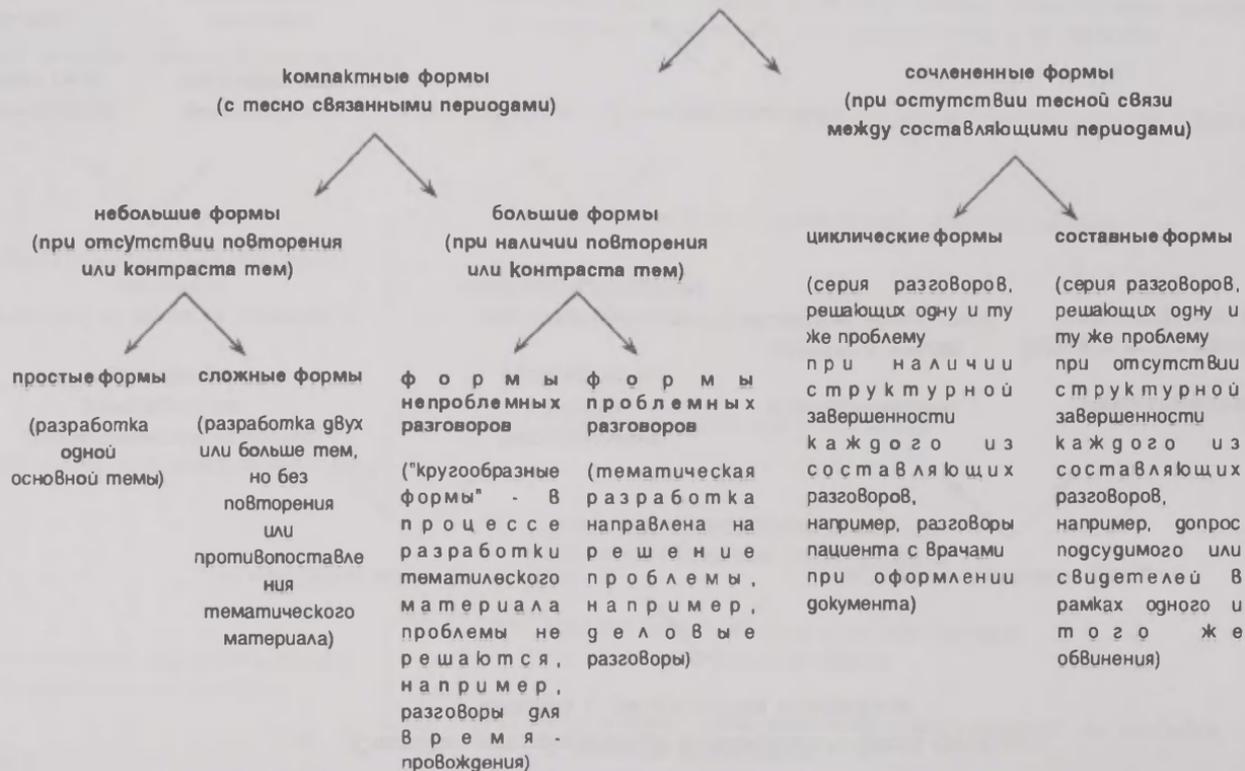
Уровни строения коллоквиального дискурса

Способы распределения коммуникативных функций автора и реципиента изложения

Основные типы целостных форм разговора
(структурный аспект)

ЛИТЕРАТУРА

- Всбер 1922 — Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen.
- Гонда М. 1975 — *Джазът. История, теория, практика*. София.
- Йотов Ц. 1979 — *Диалог в общении и обучении*. София.
- Йотов Ц. 1991 — *Лингвистика одновременного говорения*. София.
- Йотов 1998 — Jotov T. *Das Gespräch und sein globales linguistisches Modell. Dialogue Analysis 17. Proceedings of the 6th Conference. Prague. 1996*. Tübingen. 543–549.
- Капанадзе Л. А. 1988 — О жанрах неофициальной речи. *Разнообразие городской устной речи*. Москва. 230–234.
- Стоянов П. 1969. — *Музикален анализ*. София.

ДИАЛОГ С КОМПЬЮТЕРОМ НА ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

М. КОЙГ. Х. ЫЙМ

ВВЕДЕНИЕ

В статье дается обзор работ по исследованию моделирования диалога, проводимых в Тартуском университете. Объектом изучения является диалог между человеком и компьютером на естественном языке, происходящий по правилам общения между людьми, которые в процессе общения следуют своим коммуникативным целям и применяют для этого разные т.н. коммуникативные стратегии.

Понятие стратегий рассматривается разными авторами в нескольких областях.

- В области искусственного интеллекта стратегии излагаются в связи с планированием диалога и распознаванием плана партнера в диалоге [Litman and Allen 1987].

- В дискурсологии стратегия определяется в терминах общих намерений, которые автор текста пытается возбудить в воспринимающем, т.е. в читателе [Van Dijk 1983; McKeown 1982].

- При анализе общения под коммуникативной стратегией понимается установленный порядок, в котором один из участников в процессе общения повторно порождает т.н. коммуникативные ходы, чтобы достичь некоторой коммуникативной цели [Heritage 1991].

Ниже мы попытаемся предложить унифицированную концептуальную базу этих различных подходов.

Будем рассматривать некоторый частный случай общения. Пусть мы имеем двух участников общения, А и Б, причем

коммуникативная цель А — в ходе общения добиться соглашения Б выполнить некоторое действие Д.

Диалог происходит следующим образом.

- А сообщает партнеру Б свою коммуникативную цель, например, в форме просьбы, предложения или команды.
- Б рассуждает: выполнить ли действие Д или нет, и принимает некоторое решение, которое он сообщает А (отказ или согласие).

На этом месте возникает необходимость моделировать процесс рассуждения [Öim 1996].

Мы предполагаем, что каждый процесс рассуждения запускается некоторым т.н. входным детерминантом [Коит и Ыйм 1990]. Выделяем 3 вида входных детерминантов:

- 1) ЖЕЛАЮ: рассуждающий субъект имеет желание выполнить действие Д, т.е. действие для него приятно;
- 2) НАДО: рассуждающему субъекту надо выполнить Д, т.е. действие для него полезно;
- 3) ДОЛЖЕН: рассуждающий субъект должен выполнить Д, т.е. действие для него обязательно.

В процессе рассуждения субъектом взвешиваются разные положительные и отрицательные аспекты действия: имеет ли он ресурсы для выполнения действия; насколько приятными или неприятными, полезными или вредными для него являются действие и его последствия; какое наказание принесет с собой невыполнение действия, если оно обязательно, или какое наказание последует за выполнением действия, если оно запрещено. Если положительные стороны в сумме превышают отрицательные, то субъект принимает решение выполнить Д, в противном случае — не выполнять.

При этом субъект в первую очередь проверяет свое желание выполнить действие. Если желание имеется, т.е. приятные стороны действия превышают неприятные, то входным детерминантом, запускающим процесс рассуждения, является ЖЕЛАЮ. Если желание отсутствует, то субъект проверяет, надо ли ему выполнить действие — превышают ли полезные стороны действия вредные. В утвердительном случае процесс рассуждения запускается входным детерминантом НАДО. В противном случае — т.е., если

субъект и не желает выполнить Д, и не считает это полезным — он проверяет, должен ли он выполнить Д. Если это так, то запускается процесс рассуждения с детерминанта ДОЛЖЕН. Если нет, то субъектом сразу, без дальнейшего рассуждения, применяется решение не выполнять Д. Рассуждение, запущенное входным детерминантом произвольного типа, может давать либо положительное, либо отрицательное решение относительно выполнения действия.

• В том случае, если решение партнера Б было отрицательно, А в процессе дальнейшего общения постарается оказывать влияние на рассуждения Б, чтобы в конце концов добиться его положительного решения. Конечно, А прямо не может “выжимать” из Б такого решения. Единственное, что он может, — это подчеркивать приятные стороны Д (т.е. соблазнять партнера Б) или подчеркивать полезность Д (т.е. убеждать), или угрожать, что Б будет наказан, если он не выполнит Д. Мы говорим, что А применяет разные коммуникативные тактики (это, соответственно, тактики соблазнения, убеждения и угрозы). Диалог исчерпывает себя либо когда А достигает своей коммуникативной цели (т.е. решения Б выполнить действие Д), либо когда он снимает эту цель.

Дальше мы рассмотрим, как формализовать понятия, нужные для построения модели общения и реализации ее на компьютере.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

Под коммуникативной стратегией участника общения мы будем понимать алгоритм (предписание), применяемый им для достижения своей коммуникативной цели. Ниже приводится схема, указывающая коммуникативную стратегию участника общения А в рассматриваемом нами случае.

Схема 1. Коммуникативная стратегия инициатора общения А.

1. Выбрать коммуникативную тактику.
2. Построить первую реплику: сообщить Б коммуникативную цель Ц¹.

3. Проанализировать реплику Б: согласился ли Б? Если да, то конец (Ц^А достигнута).
4. Отказаться ли от Ц^А? Если да, то конец (Ц^А остается недостигнутой).
5. Изменить ли коммуникативную тактику? Если да, то выбрать новую коммуникативную тактику.
6. Синтезировать реплику. Перейти к шагу 3.

Начиная общение, А выбирает коммуникативную тактику, т.е. решает, будет ли он соблазнять, убеждать партнера или угрожать ему, если тот не согласится выполнить действие, и строит свою первую реплику, сообщая тем самым партнеру свою цель (в форме просьбы, приказа и т.п., в зависимости от выбранной тактики).

Дальнейшее поведение А зависит от ответа Б: если Б согласился с коммуникативной целью А (т.е. согласился выполнить действие Д), то цель А тем самым достигнута и процесс общения может закончиться.

В противоположном случае — если Б не согласился выполнить Д — А должен решить, будет ли он вообще продолжать общение.

Если решение А отрицательно, то он сообщает о снятии своей коммуникативной цели и процесс заканчивается.

Если, наоборот, А решил продолжать, то дальше он должен решить, будет ли он изменять применяемую коммуникативную тактику (например, вместо соблазнения перейти к убеждению партнера), и на основании применяемой тактики строит свой следующий коммуникативный ход (например, если Б сказал, что он имеет некоторые препятствия при выполнении Д, то А может указать, как можно снять эти препятствия, а если Б сказал, что выполнение действия Д для него бесполезно, А может указать, каким образом Б все-таки может получить пользу от выполнения Д).

В нашей модели имеется 3 коммуникативных тактики для участника А в процессе применения им своей коммуникативной стратегии: тактика соблазнения, убеждения и угрозы.

Под каждой коммуникативной тактикой мы понимаем процедуру (предписание) для построения очередного коммуникативного хода (реплики).

Тактика соблазнения — это процедура, которую А применяет с целью увеличения желания партнера Б выполнить действие Д; тактика убеждения — это процедура увеличения у Б понимания того, что ему надо выполнить Д; тактика угрозы — это процедура увеличения у Б понимания того, что он должен выполнить действие Д.

Коммуникативные тактики связаны с процессом рассуждения.

Например, применяя тактику соблазнения, А должен себе представить процесс рассуждения, запущенный входным детерминантом ЖЕЛАЮ: если Б отказался выполнить Д, то А должен понять, в какой точке рассуждение Б пошло в “отрицательную” ветвь, чтобы адекватным образом построить свой следующий коммуникативный ход.

Аналогично тактика убеждения связана с процессом рассуждения, запущенным детерминантом НАДО, а тактика угрозы — с процессом рассуждения, запущенным детерминантом ДОЛЖЕН.

Следовательно, для того чтобы уметь моделировать разные коммуникативные тактики, нужно уметь моделировать процесс рассуждения.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА РАССУЖДЕНИЯ

При моделировании процесса рассуждения мы исходим из предположения, что рассуждающий субъект каким-либо образом умеет оценивать разные положительные и отрицательные стороны объекта рассуждения (в нашем случае — выполнить или не выполнить действие Д).

В нашей модели мы предполагаем, что все такие стороны Д имеют числовые характеристики, т.н. веса.

Приведем для примера схему рассуждения (схема 2), исходящую из желания рассуждающего субъекта выполнить действие Д. (Если человек желает делать что-либо, он, естественно, предполагает, что приятные стороны Д превышают неприятные.) Мы применяем следующие обозначения: Р(приятно), Р(неприятно), Р(полезно), Р(вредно) — веса, соответственно, приятных, неприятных, полезных и вредных сторон действия Д; Р(наказание-Д) — мера наказания за выполнение за-

прешенного действия: $P(\text{наказание-не-Д})$ — мера наказания за невыполнение обязательного действия.

Рассуждающим субъектом по очереди оцениваются положительные и отрицательные стороны D , и решение зависит от того, что в сумме больше. Например, если субъект не имеет ресурсов для выполнения D , то его решение будет не делать D . Если субъект имеет ресурсы для выполнения D , вес приятных аспектов D больше, чем сумма неприятных и вредных аспектов, и D не запрещено, то субъект принимает решение делать D , и т.п.

Схема 2. Схема рассуждения, запущенного детерминантом ЖЕЛАЮ. Предположение: рассуждающий субъект желает делать D , т.е. $P(\text{приятно}) > P(\text{неприятно})$.

1. Имеются ли ресурсы для выполнения D ? Если нет, то решение “не делать D ”, конец.
2. Если $P(\text{приятно}) \leq P(\text{неприятно}) + P(\text{вредно})$, то перейти к шагу 5.
3. Если D не запрещено, то решение “делать D ”, конец.
4. Если $P(\text{приятно}) > P(\text{неприятно}) + P(\text{вредно}) + P(\text{наказание-Д})$, то решение “делать D ”, конец. Если нет, то решение “не делать D ”, конец.
5. Если $P(\text{приятно}) + P(\text{полезно}) > P(\text{неприятно}) + P(\text{вредно})$, то перейти к шагу 8.
6. Если D не обязательно, то решение “не делать D ”, конец.
7. Если $P(\text{приятно}) + P(\text{полезно}) + P(\text{наказание-не-Д}) > P(\text{неприятно}) + P(\text{вредно})$, то решение “делать D ”, конец. Если нет, то решение “не делать D ”, конец.
8. Если D не запрещено, то решение “делать D ”, конец.
9. Если $P(\text{приятно}) + P(\text{полезно}) > P(\text{неприятно}) + P(\text{вредно}) + P(\text{наказание-Д})$, то решение “делать D ”, конец. Если нет, то решение “не делать D ”.

Аналогичные схемы можно составить для рассуждений, исходящих, соответственно, из полезности и обязательности выполнения действия [Коит 1996].

МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Выше уже было сказано, что имеется соответствие между коммуникативными тактиками A и процессом рассуждения B . Приведем для примера схему коммуникативной тактики со-

блзнения (схема 3), которая связана с процессом рассуждения, запущенного детерминантом ЖЕЛАЮ.

Коротко говоря, соблазнять кого-либо выполнить некоторое действие означает подчеркивать приятные стороны этого действия. Тактика основывается на анализе (отказывающей) реплики Б. Если, например, Б сказал, что Д мало приятно, то А должен предложить ему информацию, показывающую, что приятность Д больше, чем считает Б. Или: если Б сказал, что Д вредно, то А должен предложить информацию, показывающую, что вредность Д меньше, чем считает Б, и добавить к этому информацию, подчеркивающую приятные стороны Д.

Схема 3. Коммуникативная тактика А, применяемая для соблазнения партнера Б.

1. Если Б сказал “нет ресурсов”, то найти информацию, показывающую, что ресурсы можно доставить.
2. Если Б сказал “Д вредно”, то найти информацию, показывающую, что вредность Д меньше, чем считает Б.
3. Если Б сказал “Д запрещено и наказание за его выполнение большое”, то найти информацию, показывающую, что наказание меньше, чем считает Б.
4. Если Б сказал “Д неприятно”, то найти информацию, показывающую, что неприятность меньше, чем считает Б.
5. Найти информацию, подчеркивающую приятные стороны Д.
6. Оформить найденную информацию в виде ответной реплики.

В процессе такой формализации мы, наконец, придем к следующей модели диалогового взаимодействия [Койт 1996]. Это совокупность семи множеств (Ц, С, Т, Р, П, М, Л), где

Ц — множество всевозможных коммуникативных целей (в нашем случае $C^A = \text{“Б выполняет Д”}$),

С — множество коммуникативных стратегий (мы здесь рассматривали коммуникативную стратегию А),

Т — множество коммуникативных тактик (мы рассматривали коммуникативные тактики А, применяемые для соблазнения, убеждения или угрозы партнеру),

Р — множество моделей рассуждения (мы рассматривали рассуждение о том, выполнить или нет некоторое действие),

П — множество моделей участников общения (в нашем случае модель партнера Б. имеющаяся у А. состоит из весов разных сторон действия Д, которые Б имеет, по мнению А: в ходе общения, как правило, оказывается, что некоторые оценки А не соответствовали действительности, он должен исправить модель партнера).

М — множество знаний о мире, т.е. предметная область (в том числе знания о разных сторонах разных действий и их последствий).

Л — множество лингвистических знаний, применяемых участниками для языкового оформления своих обращений.

Для того чтобы общение было возможно, необходимо (но не достаточно), чтобы участники общения имели "разделенное знание": общий язык общения, общее представление о предметной области, общие правила общения, правильное представление друг о друге.

В процессе взаимодействия участниками порождается множество реплик

$$p^A_1, p^B_1, p^A_2, p^B_2, \dots, p^A_k, p^B_k, p^A_{k+1}$$

— текст (или речь) диалога на естественном языке.

РЕАЛИЗАЦИЯ

Вышеописанная модель реализована на компьютере. В данный момент мы имеем такую реализацию, где в роли А выступает компьютер, а в роли Б — человек-пользователь.

В схеме 4 приведен пример текста диалога (переведенного с эстонского), который был порожден в совместной работе компьютера и пользователя. В начале общения компьютер случайным образом выбирает действие Д (в данном примере — поехать в Крым и заключить там договор), порождает некоторую модель пользователя-партнера, т.е. набор весов оценок разных положительных и отрицательных сторон действия, выбирает коммуникативную тактику (в данном примере — соблазнение). Коммуникативная цель компьютера — добиться соглашения пользователя выполнить действие Д. В процессе общения компьютер по необходимости, в

зависимости от отказов пользователя, исправляет модель партнера.

В данной реализации мы как для компьютера, так и для пользователя имеем готовые списки предложений эстонского языка, которые классифицированы на основании того, применяются ли они для увеличения приятности, полезности, уменьшения неприятности, вредности и др. аспектов действия Д (со стороны компьютера), или указания малой приятности, полезности, большой неприятности, вредности и т.п. (со стороны пользователя). Такое упрощение введено для того, чтобы сосредоточиться на моделировании коммуникативной стратегии, а не на автоматическом анализе и синтезе текстов эстонского языка. В будущем это упрощение будет снято; проблемами автоматизации понимания текста на эстонском языке и синтеза текста по данному формальному представлению смысла занимается группа вычислительной лингвистики Тартуского университета.

Схема 4. Пример диалога пользователя с компьютером.

К(омпьютер): *Желаешь ли ты поехать в Крым? Нашей фирме нужно заключить там договор.*

П(ользователь): *Это для меня неинтересно.*

К: *Ты можешь встретить интересных людей.*

П: *Что приятного в этом путешествии?*

К: *В Крыму много приятных мужчин.*

П: *Такое путешествие для меня слишком напряженно.*

К: *Фирма несет все расходы.*

П: *Я не люблю путешествовать.*

К: *Ты можешь полететь самолетом.*

П: *Ладно — я поеду.*

К: *Я рад.*

БУДУЩАЯ РАБОТА

В дальнейшем мы планируем моделировать на компьютере и поведение участника Б, чтобы компьютер, по выбору, смог играть обе роли.

Цель нашего исследования — не столько построение практической человеко-машинной диалоговой системы, сколько изучение, понимание и моделирование поведения человека в процессе общения с другими людьми, в котором каждый из

участников реализует свои коммуникативные цели и применяет для этого свои коммуникативные стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

- Van Dijk T. A. 1983 — Cognitive and Conversational Strategies in the Expression of Prejudice. *Text*. 1983. Vol. 3–4. 375–404.
- Heritage J. 1991 — Intention, Meaning and Strategy: Observations on Constraints on Interaction Analysis. *Research on Language and Social Interactions*. 1991. Vol. 24. 311–332.
- Litman A., Allen J. 1987 — A Plan Recognition Model for Subdialogues in Conversations. *Cognitive Sciences*. 1987. Vol. 11. No 2. 163–200.
- McKeown K. R. 1982 — *Generating Natural Language Responses to Questions about Data Base Structure*. Ph. D. Dissertation. University of Pennsylvania.
- Ёйм Н. 1996 — Naive Theories and Communicative Competence: Reasoning in Communication. *Estonian in the Changing World*. Tartu. 1996. 211–231.
- Койт М. 1996 — Моделирование воздействия на партнера в человеко-машинном диалоге. *Новости искусственного интеллекта*. Москва. 2. 79–86.
- Койт М., Ёйм Х. 1990 — Об одном подходе к моделированию процесса естественного рассуждения. *Исследования по когнитивным аспектам языка. Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 903*. Тарту. 91–101.

КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫМИ ПРИДАТОЧНЫМИ И МЕСТО В НЕЙ УСТУПИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ¹

Е. Е. КОРДИ

Чтобы подтвердить правомерность предлагаемой темы для сборника работ по прагматике, можно сослаться на мнение М. А. Шелякина, что прагматика — это часть семантики, как языковой, так и речевой (см. статью М. А. Шелякина в настоящем сборнике). Из доклада В. С. Храковского на пленарном заседании семинара “Язык и человек” становится ясным, что тема “Уступительные конструкции” имеет непосредственный выход в прагматику. Выбор говорящим уступительной конструкции зависит от позиции говорящего и от его отношения к связи двух ситуаций, которые представлены в уступительном предложении. Приведу пример того, как позиция говорящего определяет выбор синтаксической конструкции. Предположим, в высказывании представлены две ситуации: а) “Я болен” и б) “Я иду к врачу”. Между ними говорящий может устанавливать различные отношения в зависимости от своей семантической и прагматической задачи. Так, он может сказать: *Если я болен, я иду к врачу* (устанавливая между двумя ситуациями отношение обусловленности), или *Поскольку я болен, я иду к врачу* (устанавливая отношение причинности) или *Хотя я болен, я не иду к врачу* (устанавливая отношение противопоставления или, по нашей терминологии, отношение об-

¹ Настоящая статья подготовлена в рамках проекта “Уступительные конструкции в языках различных типов”, поддерживаемого РГНФ.

ратной импликации). В задачу настоящего сообщения входит классификация сложных предложений с обстоятельственными придаточными для определения места в ней уступительных предложений, с тем чтобы эксплицировать те семантические и прагматические основания, которые приводят к употреблению говорящим уступительной конструкции.

В большинстве французских грамматик и работ по синтаксису сложноподчиненные предложения (СПИ) с обстоятельственными придаточными задаются списком и не классифицируются. В настоящей статье я ставлю своей целью классифицировать эти предложения по их грамматическим значениям и определить место уступительных предложений в этой классификации. Но прежде всего необходимо составить список тех типов предложений, которые имеют придаточные обстоятельства. Дело в том, что в грамматиках выделяется разное число типов обстоятельственных придаточных — от семи до десяти-одиннадцати. Иногда, при совпадении количества, не совпадает состав придаточных. Например, К. Р. Сандфельд рассматривает 10 типов обстоятельственных придаточных [Sandfeld 1965], М. Гревисс — 8 [Grevisse 1949], грамматика Ларусса — 7 [Grammaire Larousse 1964], Р. Л. Вагнер и Ж. Пеншон — 7 [Wagner et Pinchon 1962], в Теоретической грамматике [Реферовская, Васильева 1973] также выделено 7 типов обстоятельственных придаточных, В. Г. Гак называет 11 типов и показывает, какие из них и сколько учитываются в грамматиках разных авторов [Гак 1981]. Список, составленный В. Г. Гаком, — наиболее полный по составу — используется в настоящей работе как исходный, с тем, что в процессе классификации он может измениться. Список включает следующие типы обстоятельственных придаточных: 1) времени, 2) цели, 3) причины, 4) следствия, 5) условия, 6) уступки, 7) сравнения, 8) образа действия, 9) добавления, 10) исключения, 11) места.

Опыт классификации СПИ с обстоятельственными придаточными применительно к уступительным предложениям был сделан П. Блюменталем [Blumenthal 1973]. В настоящей работе мы не повторяем данную им классификацию, а даем свою, на несколько иных основаниях. Мы считаем, что к

обстоятельственным СПП можно применить характеристику грамматических отношений, предложенную Ф. Брюно [Brunot 1941], который различал нелогические отношения (отсутствие импликации) и логические отношения (одно событие имплицитно подразумевает другое). В основу нашей классификации мы кладем этот же самый признак: имплицитивность \ неимплицитивность, причем мы понимаем эту оппозицию как привативную. Это значит, что одни типы предложений характеризуются обязательной имплицитивностью (причины, следствия, условия, цели), для других имплицитивность не характерна как определяющая черта, хотя она полностью не исключается (например, предложения времени в причинном значении). К числу неимплицитивных мы относим СПП с придаточными времени, места, сравнения, добавления, исключения. Я привожу ниже по одному примеру на каждый из типов неимплицитивных СПП:

- (1) время: *Quand je me dégageai de l'avion, la tempête me renversa* [Saint-Euxipéry] 'Когда я покинул самолет, шквальный ветер сбил меня с ног';
- (2) место: *Il les tenait par la peau du cou ... et il les déposait où il voulait sans être griffé ni mordu* [Giono] 'Он брал их за шею ... и переносил, куда хотел, и при этом не был ни покусан, ни поцарапан';
- (3) сравнение: *Ces gens dépensaient comme elles gagnaient, sans compter* [Van den Meersch] 'Эти люди тратили так же, как добывали деньги, не считая';
- (4) добавление: *Outre que ce parti s'accordait à merveille avec les nécessités sociales ... , il plaisait aussi à M. Vincent le père* [Psichari] 'Сверх того, что эта партия прекрасно отвечала социальным нуждам ... , она еще нравилась господину Винсенту-отцу';
- (5) исключение: *Ils se ressemblent parfaitement, excepté que l'un est un peu plus grand que l'autre* [Grevisse] 'Они во всем похожи друг на друга, кроме того что один выше другого ростом'.

Говоря об отсутствии имплицитивных отношений в СПП данных типов, мы имеем в виду то, что ситуации, обозначенные в главной части (ГЧ) и зависимой части (ЗЧ), не связаны причинными отношениями, не вызывают и не обуславливают друг друга, что отличает их от имплицитивных СПП.

Дальнейший анализ касается только имплицитивных СПП. Мы считаем, что они могут и должны быть классифицированы по следующим трем признакам: 1) прямая имплика-

ция / обратная импликация, 2) направление импликации: $ЗЧ > ГЧ$ или $ГЧ > ЗЧ$, 3) фактивность / нефактивность ситуаций, выражаемых в СПП и в его частях.

Рассмотрим первую оппозицию. В имплицативных СПП выделяются посылка p и следствие q , которые обычно связаны между собой отношением импликации: $p > q$. Этот тип отношения можно назвать прямой импликацией. Но возможен и другой тип отношений между посылкой (p) и следствием (q), который характерен для уступительных предложений. Дело в том, что в этих СПП p и q противоречат друг другу по значению, так что между ними существует семантическое отношение: $p > \neg q$. Уступительные союзы (коннекторы) утверждают обратную импликацию, а именно то, что в предложении имплицуется q , вопреки посылке p . Таким образом, уступительные предложения выделяются из всех СПП по признаку обратной импликации и оппозиции между p и q . Но мы остановимся прежде всего на СПП, характеризующихся прямой импликацией, а во второй части статьи перейдем к характеристике уступительных СПП. Прямая импликация характерна для СПП причины, следствия, образа действия, цели и условия.

Переходим ко второй оппозиции. Рассмотрим, какое направление импликации характерно для СПП причины (6), (7) и следствия (8):

- (6) *Rousseau ajoute que l'on ne devrait pas faire apprendre les fables de La Fontaine aux enfants, parce qu'ils ne les comprennent pas ou les comprennent de travers* [Grammont] 'Руссо добавляет, что не следовало бы заставлять детей учить басни Лафонтена, потому что они не понимают их или понимают неправильно';
- (7) *Parce que vous êtes un grand seigneur, vous vous croyez un grand génie* [Beaumarchais] 'Потому что вы крупный сеньор, вы считаете себя крупным гением';
- (8) *Tout ça m'excitait tellement que j'en oubliais d'être triste* [Boissard] 'Все это так меня возбуждало, что я совсем забыла о своей печали'.

В причинных СПП (6), (7) посылка выражается в ЗЧ, а в предложениях следствия — в ГЧ (8). Таким образом, эти два типа СПП различаются направлением импликации ($ЗЧ > ГЧ$) для причинных и ($ГЧ > ЗЧ$) для предложений следствия.

Рассмотрим с точки зрения направления импликации все СПП, содержащие прямую импликацию ($p > q$). Условные

предложения, подобно причинным, имеют направление импликации (ГЧ > ЗЧ):

(9) *Si j'écris un autre roman, je voudrais éclaircir cela mieux* [Gide] 'Если я напишу другой роман, я бы хотел ярче осветить это'.

Напротив, в СПП следствия и СПП образа действия направление импликации от ГЧ к ЗЧ (ГЧ > ЗЧ).

(10) *La Barbe-bleue se mit à crier si fort que toute la maison en trembla* [Perrault] 'Синяя Борода так раскричался, что весь дом задрожал от его крика';

(11) *L'Angleterre a tant changé qu'elle ne sait plus elle-même à quoi s'en tenir* [Bossuet] 'Англия так изменилась, что сама не осознает всего, что с ней происходит'.

Такое же направление импликации наблюдается у целевых СПП: ГЧ > ЗЧ.

(12) *Je paierai une pension pour qu'il ait tout ce qu'il lui faut* [Druon] 'Я буду оплачивать его содержание, чтобы он ни в чем не нуждался'.

Таким образом, мы видим, что отдельные типы СПП совпадают по признаку прямой импликации и по направлению импликации и для их разграничения необходимо введение еще одного семантического дифференциального признака. Мы считаем, что релевантным признаком для классификации СПП является фактивность / нефактивность ситуаций, выражаемых частями СПП. Это мы рассматриваем в качестве третьей оппозиции. Мы видели, что СПП причины и условия характеризуются грамматическими значениями прямой импликации и направления последней от ЗЧ к ГЧ. Различие же между ними состоит в том, что в СПП причины обе части предложения фактивны (см. 6, 7), а в СПП условия обе части нефактивны, так как выражают гипотезу (см. 9).

Этот же признак помогает дифференцировать предложения следствия и образа действия, с одной стороны, и предложения цели, с другой стороны, которые совпадают по введенным ранее признакам. Если рассмотреть СПП следствия (10) и образа действия (11), то мы увидим, что обе части этих СПП фактивны, они выражают связь двух фактов между собой. В отличие от этого, в предложении цели ЗЧ является нефактивной (12), в ней выражается не факт, а только цель или намерение говоря-

щего. Нефактивность ЗЧ грамматически выражается употреблением субжонктива в придаточном.

Что касается СПП образа действия и следствия, то они совпадают по всем трем применяемым здесь критериям: прямая импликация, направление ГЧ > ЗЧ, фактивность обеих частей, поэтому, согласно применяемым в данном анализе критериям, получается, что СПП следствия и СПП образа действия представляют собой один и тот же тип СПП с разными оттенками значения (в одних случаях внимание обращается на последствия, в других — на характеристику действия ГЧ: ср. 10 и 11). Учитывая совпадение у этих двух типов предложений признаков импликации, направления импликации и фактивности, мы объединяем эти два типа в один — предложения следствия. Это не новость в синтаксисе, поскольку предложения образа действия многими грамматиками не выделяются в особый тип. Новым является только обоснование этого решения.

Таким образом, мы рассмотрели и охарактеризовали по выбранным критериям СПП причины, условия, следствия и цели.

Переходим к уступительным предложениям — единственному типу СПП, который характеризуется обратной импликацией. Рассмотрим пример (13):

(13) *Un instant, bien qu'elle la vit respirer, elle crut que Mrs Elliot était morte* [Green] 'В какой-то миг, хотя она и видела, что миссис Эллиот дышит, ей показалось, что она умерла'.

Между значением ЗЧ и значением ГЧ наблюдается противоречие: в ЗЧ выражается некоторая посылка, но результат, представленный в ГЧ, противоречит этой посылке, а уступительный союз показывает, что действие (q) совершается вопреки противоречию или препятствию, которое явилось посылкой (p). Такое значение мы называем значением обратной импликации. Иначе говоря, уступительные конструкции выражают, с нашей точки зрения, действие (состояние, положение дел), которое имеет место несмотря на препятствие или помеху. Препятствие выражено в ЗЧ, а действие — в ГЧ.

Рассмотрим уступительные СПП с точки зрения направления импликации и фактивности. По направлению импликации они подобны условным и причинным предложениям: для них

характерно направление ЗЧ > ГЧ, то есть посылка выражается в ЗЧ, а следствие — в ГЧ.

Эти два признака: обратная импликация и направление импликации ЗЧ > ГЧ, — и являются, с нашей точки зрения, достаточными для выделения уступительных СПП в особый тип и для их характеристики в целом. Что касается фактивности частей уступительного СПП, то этот признак является несущественным для выделения уступительных конструкций, поскольку разные их подтипы различаются между собой по признаку фактивности ЗЧ, тогда как для ГЧ всегда свойственно фактивное значение. При этом уступительные СПП отличаются очень большим формальным разнообразием, и для каждого их подтипа характерны свои семантические характеристики и свои особенности значения частей СПП. Сейчас существуют коллективные и индивидуальные монографии, в которых подробно описывается семантика уступительных предложений во французском языке [Valentin 1983; Morel 1996], но мы здесь не рассматриваем их семантические варианты, а лишь ставим своей задачей рассмотреть ряд подтипов уступительных предложений с точки зрения признака фактивности.

Подтип 1. Обе части уступительного СПП фактивны. Союзы *bien que, quoique, malgré que, encore que*. Несмотря на то, что в ЗЧ после этих союзов употребляется субжонктив, для ЗЧ, как и для ГЧ, характерно фактивное значение:

- (14) *Bien que la chambre d'Emily fût petite et meublée d'une façon assez laide, la jeune fille s'y trouvait mieux qu'en aucune autre partie de l'appartement* [Green] 'Хотя комната Эмили была маленькая и меблирована очень посредственно, девушка чувствовала себя там лучше, чем в других помещениях квартиры'.

Фактивность сохраняется и в том случае, когда появляется значение повторяемости или узуальности:

- (15) ... *quoique les maîtres fissent de leur mieux parfois, ils se voyaient exposés toujours à de virulentes critiques* [Prou] '... хотя преподаватели по мере сил старались давать учащимся как можно больше, они без конца подвергались самой жестокой критике'.

Остальные подтипы уступительных конструкций, в которых фактивность частей не так легко установить, могут прове-

ряться на возможность синонимической трансформации в конструкцию I подтипа, что свидетельствует о фактивности значений их частей.

Подтип 2. ЗЧ вводится относительными местоимениями или местоименными прилагательными (*quoi que, quel que*):

(16) — *Toute ma vie, quoi qu'il arrive, je verrai les landes et les marais de la Saive* [Benoît] 'Всю мою жизнь, что бы ни случилось, я буду видеть ланды и болота Совы';

(17) *Les verbes choisis sont toujours à la forme perfective. Quel que soit le contexte, le processus ... se situe dans le réalisé* [Guentchéva, Déclés] 'Выбираемые глаголы всегда употребляются в перфективной форме. Каков бы ни был контекст, ... процесс располагается в зоне реализованного'.

В уступительных конструкциях второго подтипа неопределенность значения, свойственная относительным местоимениям и прилагательным, приводит к нефактивности ЗЧ. Трансформация в конструкцию I подтипа невозможна.

Подтип 3. В ЗЧ производится перечисление двух или нескольких возможных событий, это значит, что ЗЧ нефактивна, тогда как ГЧ фактивна. ЗЧ состоит из двух или более частей, вводимых союзом *que*, за которым следует глагол в субжонктиве, и между этими частями употребляется союз *où* 'или':

(18) *Maintenant, qu'il fit beau ou qu'il plût, qu'elles fussent tristes ou gaies, qu'elles passassent au bord d'un étang ou à travers une forêt, tout leur était prétexte à évoquer ce mort ...* [Benoît] 'Теперь, была ли хорошая погода или дождь, было ли им весело или грустно, шли они по берегу пруда или по лесу, — все было для них предлогом, чтобы вспомнить умершего ...';

(19) *Mais que ce fût en Afrique, en Asie ou dans une sous-préfecture métropolitaine, Marie-Rose demeurait la même* [Prou] 'Но будь то в Африке, в Азии или в одной из супрефектур метрополии, Мари-Роз везде оставалась верна себе'.

Трансформация в конструкцию I подтипа невозможна.

Подтип 4. ЗЧ образуется на базе имени прилагательного и представлена несколькими моделями: *si + Adj. + que + Pron. + V subj.* \ *tout + Adj. + que + Pron. + V subj.* \ *pour + Adj. + que + Pron. + V subj.* :

- (20) — *Je croirai toujours qu'elle me veut du mal, si monstrueux que cela paraisse* [Green] 'Я всегда буду думать, что она желает мне зла, каким бы чудовищным это ни казалось';
- (21) *Tou différents qu'ils fussent, ... ils se ressemblaient par l'âpreté avec laquelle ils défendaient leurs opinions* [Prou] 'Какими бы разными они ни были, они были похожи друг на друга той нетерпимостью, с которой каждый из них защищал свое мнение';
- (22) *Pour distraits que nous fussions alors, Peter et moi, ... nous ne l'avons jamais laissé traîner à portée de main de ma mère* [Humbert] 'Как бы рассеянны мы тогда ни были, Питер и я, мы никогда не оставляли ее (книгу — Е. К.) валяться на виду у нашей матери'.

С некоторой степенью неточности (а именно с утратой значения интенсивности качества) предложения подтипа 4 допускают синонимическую трансформацию в конструкцию 1 подтипа. Ср. (20) и (20'):

- (20') — *Je croirai toujours qu'elle me veut du mal, bien que cela paraisse monstrueux ...* 'Я всегда буду думать, что она желает мне зла, хотя это кажется чудовищным'.

На основании трансформационного критерия можно утверждать, что обе части уступительной конструкции подтипа 4 имеют фактивное значение.

Подтип 5. Все предыдущие подтипы СПП были специфическими для выражения именно уступительного значения, но для выражения этого значения используется также условный союз *si*, при помощи которого могут образовываться не только условные, но и так называемые формально-условные предложения, в том числе с уступительным или противопоставительным значением. Рассмотрим примеры:

- (23) *Si Edmée ressentait le mépris de certains à son endroit, elle savait le braver* [Prou] 'Если Эдме чувствовала презрение кое-кого к себе, она умела пренебрегать им';
- (24) *Si la forge de Chamie-en-hiver périlait, par contre son cabaret faisait de bonnes affaires. L'un compensait l'autre* [Ragon] 'Если кузница Зимнего Певца совсем захирела, то его кабаре, напротив, процветало. Одно компенсировало другое'.

В (23) и (24) выражается не условное отношение, а отношение противопоставления или уступительное. В (24) оно подчеркивается также вводным словом *par contre*. Каждое из этих предложений может быть трансформировано в уступительное с союзом *bien que* или *quoique*. По своему значению они соот-

ветствуют подтипу 1 уступительных СПП, у которого ГЧ и ЗЧ фактивны. Ср. (23) и (23'):

(23') *Bien qu' Edmée ressentit le mépris de certains à son endroit, elle savait le braver* 'Хотя Эдме чувствовала презрение кое-кого к себе, она умела пренебрегать им'.

Для предложений этого типа характерно употребление в ЗЧ и ГЧ одной и той же формы времени: это чаще всего два имперфекта или два презенса.

М. С. Гурычева в своей диссертации по условным и уступительным предложениям в провансальском и французском языках [Гурычева 1953] написала, что союз *se (si)* уже в старофранцузском языке, в X веке, мог служить не только для выражения условных отношений, но и для выражения отношения противопоставления (уступки), тогда как другие уступительные союзы развились во французском языке позднее. Это средство выражения уступки существует и в современном языке, хотя и не является прототипическим.

Подтип 6. Эти предложения вводятся сложным союзом, который образован на базе союза *si* 'если', а именно союзом *même si* 'даже если'. В отличие от уступительных ССП подтипа 5, предложения, вводимые сложным союзом *même si*, сохраняют характерное для условных предложений употребление наклонений и времен. Подобно условным предложениям, уступительные ССП 6 подтипа являются нефактивными, обе их части выражают гипотезу. Противопоставление в данном случае является противопоставлением двух гипотетических ситуаций, реальных (25) или нереальных (26):

(25) *Vous devez connaître tous mes sentiments, même s'ils vous paraissent insolites, ou excessifs, voire anormaux* [Boileau-Narcejac] 'Вы должны знать все мои чувства, даже если они кажутся вам необычными или утрированными, точнее ненормальными'.

(26) *Un petit Renaud tout neuf—quel rêve! Je le cajolais d'avance en esprit. Et même si Renaud un jour me quittait, il ne me quitterait pas complètement* [Rochefort] 'Маленький Рено, совсем новый, какая мечта! Мысленно я заранее ласкала его. И даже если бы Рено однажды покинул меня, он бы не покинул меня окончательно'.

Некоторые предложения с союзом *même si* можно трансформировать в предложения с уступительным союзом

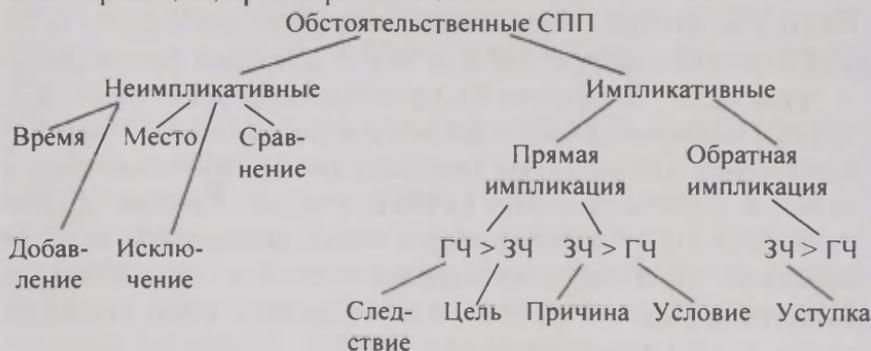
quoique или *bien que*, с более или менее точным сохранением смысла:

(25) *Vous devez connaître tous mes sentiments, quoiqu'ils vous paraissent insolites ...* 'Вы должны знать все мои чувства, хотя бы они и казались вам необычными ...'

Но это возможно не для всех предложений данного типа, потому что уступительные придаточные с союзами *bien que* или *quoique* не могут выражать гипотезы. Таким образом, установить синонимию между прототипическими уступительными предложениями и предложениями с союзом *même si* удастся не всегда.

ВЫВОДЫ

1. Предложенная классификация обстоятельственных предложений может быть представлена следующей схемой, в которой отражены все признаки, положенные в основу данной классификации, кроме фактивности:

2. Рассмотрение наиболее распространенных типов уступительных конструкций показывает, что они выделяются из числа других СПП с придаточными обстоятельственными по трем основным признакам:

- 1) по наличию импликации между частями предложения;
- 2) по характеру импликации: по признаку обратной импликации ($p > -q$), тем не менее утверждается q ;
- 3) по направлению импликации $ЗЧ > ГЧ$, то есть от придаточного к главному предложению.

ЛИТЕРАТУРА

- Гак В. Г. 1981 — *Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис*. Москва.
- Гурычева М. С. 1953 — *Условные и уступительные предложения в провансальском и французском языках*. Москва.
- Реферовская Е. А., Васильева А. К. 1973 — *Теоретическая грамматика современного французского языка*. Ч. 2. Ленинград.
- Blumenthal P. 1973 — Zur Logik des Konzessivsatzes am Beispiel des Französischen. *Vox romanica*. 32/2. Bern. 272–280.
- Brunot F. 1936 — *La pensée et la langue. Méthode, principe et plan d'une théorie nouvelle du langage appliquée au français*. Paris.
- Grammaire Larousse. 1964 — J.-C. Chevalier, C. Blanche-Benveniste, M. Arrivé, J. Peytard. *Grammaire Larousse du français contemporain*. Paris.
- Grevisse M. 1949 — *Le bon usage. Cours de grammaire française*. Gembloux. Duculot.
- Morel M.-A. 1996 — *La concession en français*. Paris.
- Sandfeld Kr. 1965 — *Syntaxe du français contemporain. Les propositions subordonnées*. Genève.
- Valentin P. 1983 — Expression de la concession. *Actes du colloque tenu les 3 et 4 décembre 1982 par le département de linguistique de l'Université Paris Sorbonne*. Paris.
- Wagner R. L., Pinchon J. 1962 — *Grammaire du français classique et moderne*. Paris.

ПРОЗВИЩА В РУССКИХ ГОВОРАХ ЛАТГАЛИИ И ПРИЛЕГАЮЩИХ РАЙОНОВ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ

Е. Е. КОРОЛЕВА

Материалом для исследования послужили старожильческие говоры Латгалии (записи велись на территории Даугавпилсского, Краславского и Прейльского районов), пыталовские говоры (территория Псковской области, входившая в состав 1-й Латвийской республики) и старожильческие говоры Браславского района Витебской области Белоруссии. Материал пыталовских говоров взят из подготовленного нами к печати “Диалектного словаря одной семьи”, старообрядческие говоры изучаются автором в течение последних двадцати лет. Носители диалектной речи Латгалии и Браславского района являются старообрядцами, Пыталовского района — православными. Говоры, расположенные на территории всех трех указанных государств, генетически близкородственны, а значит, их объединяют общие языковые черты; однако функционирование на территории разных государств позволяет им развиваться самостоятельно, обособленно друг от друга. Задача данной статьи — выявить общее и различное в каждой диалектной системе в сфере функционирования прозвищ. Во всех трех диалектных микросистемах прозвища широко распространены. В Пыталовском, Краславском и Браславском районах по частоте употребления прозвища не уступают разговорным вариантам личных имен, а иногда полностью заменяют их. Об этом свидетельствуют и сами носители диалекта: *Каждый на прозвище был*. Дгв.: *Все на прозвищах*. Крс.

Присвоение имени ребенку сопровождается определенным ритуалом, присвоение прозвища не сопровождается никаким

обрядом. Имя официально и дается на всю жизнь, оно может иметь интимную форму в быту; прозвище неофициально и может утрачиваться или заменяться другим, оно употребляется только в быту.

Старообрядцы дают имена в соответствии с церковным календарем. Полная форма имени при этом часто оказывается необычной для языковой системы говора, экзотической в силу иноязычного происхождения: *Евламтий, Евламтия, Езекия, Каллиник, Кандидий, Ливерий, Липистиния, Макрина, Маркел, Минодора, Паладий, Понтий, Рипсимия, Синклитикия, Феоктист, Фетиния*. В быту получает распространение интимная форма, а полная форма остается неизвестной даже близким родственникам и соседям. Иногда случается так, что полное имя человека звучит только дважды в жизни: во время обряда крещения и при отпевании.

Хоть и по другой причине, здесь наблюдается та же ситуация, что и в языческой древности: «Древние люди считали имя важной частью человеческой личности и предпочитали хранить его в тайне, чтобы злой колдун не сумел “взять” имя и использовать для наведения порчи. Поэтому в древности настоящее имя человека обычно было известно только родителям и нескольким самым близким людям. Все остальные звали его по имени рода или по прозвищу, как правило носившему охранительный характер: *Некрис, Неждан, Нежелан*. Подобные имена-прозвища должны были «разочаровать» болезни и смерть, заставить их искать “более достойную” поживу в других местах. Так поступали не только славяне» [Семенова 1997: 86].

Видимо, этим объясняется и наличие преимущественно отрицательной коннотации в прозвищах. Православные дают детям имена если не по календарю, то руководствуясь тремя принципами: благозвучностью имени, семейной традицией и существующей модой.

Как известно, славянский именовслов изменился после принятия христианства, но новые имена оказались немотивированными. Поэтому долгое время у человека сохранялось два имени: церковное и мирское. Мирское имя было мотивированным, по функции и сфере употребления оно приближалось к

прозвищу (если не являлось им). В XVII в. этот обычай уже редко применяется, люди пользуются одним именем — или церковным, или мирским [Селищев 1968: 107].

В использовании прозвищ, на наш взгляд, нашли отражение такие оппозиции: официальное — неофициальное, книжное — разговорное, церковное — мирское, обрядовое — необрядовое, обязательное — необязательное, лексически замкнутое — лексически незамкнутое, немотивированное — мотивированное, нейтральное — экспрессивное и свое — чужое. Остановимся на последней оппозиции. Прозвища в изучаемых нами говорах даются только местным жителям. Приезжие получают прозвище только в том случае, если они полностью интегрируются в этот коллектив, становятся в нем своими. Но и местным уроженцам, принадлежащим к кругу интеллигенции — врачам, учителям, библиотекарям, а также представителям власти — прозвища не дают: в одних местах их называют по имени и отчеству, в других — по фамилии. Будучи своими по рождению, они являются чужими по своему социальному статусу. Значит, присвоить человеку прозвище в диалектном социуме означает сделать его своим.

В противоречии со сказанным оказывается тот факт, что внутри семьи прозвищ не дают и ими не пользуются по отношению к членам своей семьи. Таким образом, на уровне семьи прозвище используется как название чужого человека, а на уровне сельского коллектива — как название своего. Особый случай использования оттопонимических прозвищ для жителей соседних сел (*Зина малиновская, Леля бороусовская, Васька пунинский*) здесь мы не будем рассматривать.

Прозвища безусловно принадлежат к сфере прагматики, так как, во-первых, они рождаются и применяются в разговорной речи, отличающейся повышенной экспрессивностью, во-вторых, в акте номинации проявляется эгоцентризм именователя (в плане аксиологии) и всего языкового коллектива, поскольку один выражает свою точку зрения, а другой (коллектив) это прозвище или принимает и делает узуальным, или не принимает (в последнем случае прозвище не обязательно исчезает в данном социуме, оно

может использоваться индивидуально именователем, вопреки воле коллектива).

Одной из причин появления прозвищ явилось стремление к дифференциации людей с одинаковым именем: в этом случае индивиду присваивается соответствующее качествам его личности персональное прозвище. Среди жителей одной деревни было много людей с одинаковыми именами (позднее — и фамилиями). О популярности некоторых имен, в частности имени *Иван*, свидетельствует бытование в народе поговорки *Иванов — что грибов поганых*. *Иван* — это и прозвище-этноним, который встречается, например, в таком популярном фольклорном жанре, как анекдот (ср. *фриц* — немец). Даже в одной семье могло быть несколько Иванов, такой факт зафиксирован в семье моего деда: отец и два сына носили имя *Иван*. Вот свидетельства, почерпнутые из других говоров:

Было три Ваньки — Ванька Черный, Ванюшка и Ванька Крл.: *В деревне было много Ванек, и фамилии у всех одинаковые: Ваньки Сильчонки — Ванька Черный, Ванька Белый и Ванька Синий* Брс.

Вспомним прозвища, данные русским князьям:

Ярослав Мудрый, Владимир Красное солнышко, Ярополк Окаянный, Иван Грозный, Иван Калита, Всеволод Большое гнездо, Дмитрий Донской.

По-видимому, прозвища имели все князья, так как было много князей с одним и тем же именем. Но память народная сохранила прозвища только тех князей, которые прославились чем-либо на государственном поприще.

Не следует думать, что только желание дифференцировать тезок вызывает рождение прозвища. Сам по себе человек со своими свойствами, особенностями жизни побуждает соседей закрепить за ним какое-либо прозвище. Обычно его получают мужчины, но в Браславском районе Латгалии женские прозвища, как показывают записи, функционируют наряду с мужскими:

Катька Белоглазка, Нюта Белокрылка, Авгенья Бобка, Домна Лось, Артюшиха Чертова матка.

Во всех трех диалектных системах прозвище главы семьи (им чаще всего является отец, реже — дед) может стать прозвищем для всех потомков:

Павла прозвали Брыль, и Брыли вся семья (брыль — шляпа с полями) Крс.: Шкурка — прозвище отца и сына — все они Шкуринки (отец отличался скупостью) Брс.: Был еще Иван Цецар, а дети у его Цецаринки; Гришка Цецар, Ульянея Цецарка (отца прозвали так за маленький рост; цецарка — маленькая птичка) Брс.: Черток был Никон и Никифор Черток (черток — чертенок) Брс.: Он из Шаиков (шашок — хореk) Брс.: Отца звали Калина и сына Калина (отца прозвали так, потому что его любимой песней была песня "Калина красная") Брс.

Такие прозвища когда-то послужили базой для создания фамильных имен, а в настоящее время они представляют собой как бы неофициальные фамилии, квази-фамилии, и посторонний человек может даже не подозревать, что ему сообщают вовсе не фамилию, а семейное прозвище.

Отмечаются также случаи, когда прозвища образуются от собственного имени или прозвища отца (деда) при помощи суффиксов *-ов* и *-ин* и в результате оказываются омонимичными фамилиям:

Ариши — Дунька Аришинова (настоящую фамилию никто не знает); Слепень — Лида Слепнева (настоящая фамилия Пономарева); Туз — Зина Тузова (настоящая фамилия Байкова); Фидей Симочкин по имени деда Дгв.

Своеобразием отличаются наименования детей в говорах старообрядцев, прозвища детям даются по имени или прозвищу отца с использованием суффикса *-енок*:

Петуенки были — Петуновы дети (отца, Петуна, прозвали так за гордый характер, петун — петух) Брс.; Ванька Курченок (сын Ваньки Курицы) Прл.; Сергененки Прл.; Тимошенок Прл.; Всем Матвеенкам было одно прозвище Дгв.

В редких случаях сын получает прозвище по имени матери:

Гриша Манин (прозван по матери, потому что растет без отца) Прл.: Отец был Никандр, а Ванька Фенин — не по отцу, отец, наверно, такой тихоня был Пд.

В Краславском районе зафиксирован единичный случай, когда сын получает прозвище, мотивированное чертой характера матери, маленькой, быстрой и энергичной женщины: *Васька Блоха*.

Особый интерес представляют собой женские прозвища. По свидетельству старообрядцев Латгалии, женщинам особых прозвищ не давали: *Женщин не прозывали* Дгв. Замужних женщин во всех трех районах Латгалии старообрядцы называют по имени мужа, используя номинации с суффиксом *-иха*:

Афанасий — Афанасиха; Варфоломей — Варфоломеиха; Гриша — Гришиха; Панкрат — Панкратиха; Сидор — Сидориха; Ульян — Уляниха; Федя — Федиха.

Эта особенность известна и по древнерусским документам, хотя там могут быть представлены другие суффиксы: *Ярославляя*. В принципе и дети, и супруга в одинаковой степени являются собственностью мужчины, все они получают прозвище по его имени: для детей это отчество, для жены это “(за)мужество”. Фактически женские прозвища по мужу не осознаются носителями говором как прозвища, это как бы вторые имена (иногда вытесняющие первые). И все-таки эти именованья функционируют за пределами семьи: Панкрат не назовет свою супругу Панкратихой. По этому признаку данные образования близки к прозвищам.

В говорах процесс образования именованний женщин идет дальше, и по этой модели возникают настоящие прозвища, мотивированные прозвищем (а не именем) мужа. Такие факты фиксируются на территории Псковщины: *Костыль — Костылиха; Лысый — Лысиха; Малышев — Малышиха; Налим — Налимиха*. При этом прозвище мужа может возникать на базе фамилии: *Метлов — Метла — Метлиха, Морозов — Мороз — Морозиха*. Интересно, что *Лысиха* и *Малышиха* перешли в разряд нарицательных и используются в говоре в качестве бранных слов, прилагаемых на основе сравнения к любой женщине со скверным характером (о настоящих Лысике и Малышике уже не помнят, ср. *Салтычиха*). В Краславском районе зафиксировано два женских прозвища: *Боксер — Боксери-ха; Царь — Царицыха*.

В ряде случаев причины появления немотивированных прозвищ установить не удалось (возможно, они достались по наследству, и нынешние жители объяснить их не могут):

Егор Стывра Дгв.; *Григорий Талейка* Крс.; *Иван Аюк* Крс.; *Терентий Меркуш* Крс.; *Васта Салак* Брс.; *Федор Лох* Брс.

Принципы мотивации, положенные в основу номинации человека при помощи прозвища, одинаковы во всех рассмотренных диалектных системах. Основанием послужили особенности внешнего вида, физические недостатки, сходство с кем-нибудь или чем-нибудь, черта характера, привычки, факт биографии, род занятий, социальное и экономическое положение.

1. Мотивация по внешнему виду (в основе номинации лежит цвет волос, лица, рост, поэтому в качестве прозвищ используются в основном цветочные и параметрические прилагательные):

Ванька Белый Брс.; *Ванька Красный* (краснолицый) Птл.; *Ванька Рыжий* Прл.; *Ефим Рыжков* (рыжеволосый) Дгв.; *Ванька Синий* Брс.; *Ванька Черный* Брс. Крс. Птл.; *Аршин* Птл.; *Большевик* Брс.; *Ванька Большой* Брс.; *Васька Длинный* Брс.; *Васька Долгий* Брс.; *Ванька Малый* Брс.

2. Мотивация, связанная с физическими недостатками, обычно отражающимися на внешнем виде (чаще всего используются прилагательные с отрицательной коннотацией):

Катька Белоглазка Брс.; *Кузьма Бескишкий* (сделана операция аппендицита) Крс.; *Иван Карнаус* (с короткими усами) Крс.; *Васька Кривой* Брс.; *Кузьма Однокрылый* (однорукий) Брс.; *Кирилл Рылатый* (длиннолицый, *рыло* — лицо) Крл.; *Санька Рэ* (по-особому произносящий звук “р”) Птл.; *Архип Толстопузый* Брс.; *Ванька Хрипачий* Крс.; *Антон Хромой* Брс.; *Митька Чикило* (имеющий лицо треугольной формы; *чикило* — треугольник) Брс.; *Трошка Шевка* (шепелявит) Дгв.

3. Мотивация на основе привычек и особенностей характера:

Павла Брыль (носит *брыль* — шляпу с широкими полями) Крс.; *Силан Бьющийся* (много работает) Брс.; *Федька Зябка* (всегда мерзнет) Крс.; *Изволь Цмок* (при встрече со знакомыми говорит: “Изволь цмок!” — и целует их) Брс.; *Нюта Белокрылка* (энергично жестикулирует руками) Брс.; *Калина* (любимая песня “Кали-

на красная”) Прл.; *Федор Коза* (часто делает “козу” характерным жестом руки) Брс.; *Каллистрат Любезный* Брс.; *Федор Моргузин* (по первой строчке “Эй, маргузин, пошевеливай вал!”, переделанной из “Эй, баргузин, пошевеливай вал!” песни “Славное море, священный Байкал!”) Прл.; *Фадей Моргун* Брс.; *Каноха Непутевый* Брс.; *Простокиша* (любит простоквашу) Птл.; *Семка Самазнаешь* (часто употребляет выражение *сама знаешь*) Брс.; *Игнат Самолюбец* Брс.; *Никита Сонный* Брс.; *Ванька Стукач* Крс.; *Топленка* (любит *топленку* — молочный суп) Птл.; *Егор Трях* (имеет характерную подпрыгивающую походку) Брс.; *Иван Хатуль* (всегда ходит с *хатулем* — рюкзаком) Крс.; *Шмотка* (носил старую одежду) Дгв.; *Шмутка* (носил старую одежду) Прл.

4. Мотивация на основе метафоризации или реже метонимии (в основном используются названия животных, что внешне отражает особенности древнего мышления эпохи тотемов-животных, веру в магическую силу слова, представление о том, что имя может воздействовать на природу и здоровье человека):

Астифей Барсук (ставил капканы на барсуков) Брс.; *Васька Блоха* (быстрая, энергичная по характеру мать) Крс.; *Анисий Зуй* (ловкий, быстрый человек, *зуй* — птенец чайки) Крс.; *Федор Коза* (все время делающий “козу” характерным движением руки) Брс.; *Петра Король* (богатый) Дгв.; *Олимпий Крюк* (сгорбленный) Крс.; *Ванька Курица* Прл.; *Домна Лось* (сильная) Брс.; *Наджибула* (похож на бывшего президента Афганистана) Брс.; *Налим* (скользящий характер: *Налим сильно такой был верткий, скользкий такой — не удержишь! Никогда матери его было не побить — вывернется!*) Птл.; *Петун* (гордый) Брс.; *Смоляк* (смуглый, черноволосый) Крс.; *Яков Тетерюк* (имеющий густые брови, *тетерюк* — тетерев) Крс.; *Ванька Туз* Птл.; *Сава Царь* Крс.; *Иван Цецар* (маленького роста) Брс.; *Никон Черток* (вертлявый) Брс.; *Ванька Шашок* (*шашок* — хореk) Брс.; *Ванька Шкурка* (скупой) Брс.; *Федька Штычок* (имеющий хорошую осанку, стройный) Крс.; *Воська Ястреб* (стремительный) Дгв.

В связи с этими примерами приведем такой факт: у родителей известного реформатора сербской письменности Вука Караджича все дети, родившиеся до него, умирали, поэтому родители дали Караджичу имя “волк” (Вук), желая сохранить его в живых.

5. Мотивация на основе факта биографии (отражает своеобразный персональный историзм имени):

Артеми́й Бах (однажды, упав, произнес: “*Ой, бахнул!*”) Брс.; *Егор Зимарь* (родился зимой и поэтому медленно рос) Брс.; *Ванька Пленный* (был в плену) Брс.; *Гиря Пятьяец* (объяснение такое: *Романский Ванька он, наверно, яйца вороват и носил продавать на конфеты, так его мать поймала и так прозвала Гиря Пятьяец*) Птл.; *Артюшиха Чертова матка* (споткнулась на лестнице и упала, а муж, увидев это, сказал: “*Вот черт свою матку кинул!*”) Брс.

6. Мотивация на основе рода деятельности:

Астифей Барсук (охотился на барсуков) Брс.; *Бобинка* (гадала на бобах) Птл.; *Боксер* Крс.; *Ерема Колдун* Брс.; *Гришка Машина* (ремонтировал телеги) Брс.

7. Мотивация на основе социального и экономического положения:

Бобыль (бедняк) Птл.; *Бутя* (батрак) Птл.; *Король* (богач) Дгв.; *Туз* Птл.; *Царь* Крс.

Прозвища представляют собой открытую, постоянно обновляющуюся систему, обслуживающую данный социум. На протяжении жизни человек может иметь разные прозвища, так как меняется его социальное и экономическое положение, меняются условия жизни, происходят какие-то перемены. Например, одного нашего информанта звали *Бобыль*, так как он был из очень бедной семьи, затем его прозвали *Ванька Красный* и, наконец, когда он женился на богатой невесте, — *Ванька Туз*.

Бытовое имя может носить переходный характер от имени к прозвищу. Например, отца по имени Иван, у которого было два сына Ивана, на протяжении всей жизни в семье и во всей деревне называли *Дед Ванечка* за открытый, ласковый, добрый характер. Девяностолетних жительниц Прейльского района все до самой смерти звали *Авдулька*, *Матрешка*. Экспрессивность в данном случае выражается не корнем, как во всех остальных случаях, а посредством суффикса.

Таким образом, наибольшим разнообразием словообразовательных моделей и сохранением особенностей древнерусского

языка (суффиксальное богатство и отсутствие сложения как способа словопроизводства прозвищ характеризует еще древнерусский период) отличаются прозвища Браславского района Белоруссии и Краславского района Латгалии, а также Пыталовского района Псковской области, что объясняется, по-видимому, влиянием белорусского языка. В меньшей степени прозвища распространены в Прейльском и Даугавпилском районах.

Завершая обзор прозвищ, хочется вспомнить слова Н. В. Гоголя из “Мертвых душ”: “Выражается сильно российский народ! и если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица. Произнесенное метко, все равно что писанное, не вырубляется топором. А уж куды бывает метко все то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а все сам-самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а вlepливает сразу, как пашпорт на вечную носку, и нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы, — одной чертой обрисован ты с ног до головы!”

ЛИТЕРАТУРА

- Селищев А. М. 1968 — Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. *Избранные труды*. Москва.
- Семенова М. 1997 — *Мы — Славяне!* Санкт-Петербург.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ (на материале художественного текста)

Е. КОСТАНДИ

Как уже отмечалось нами ранее [Костанди 1997, 1999], наблюдения над материалом показывают, что тип синтаксической связи, средства связи, отношения, устанавливаемые между словами, предложениями, частями текста, связь в целом — важнейшие средства реализации общей авторской установки в определенных коммуникативных условиях, средства формирования коммуникативно-прагматической направленности речи. В указанной выше работе [Костанди 1999] рассматривались наиболее общие функциональные свойства коммуникативно-прагматического аспекта сочинительной связи слов (в настоящей работе также речь пойдет о сочинительной связи между словами в рамках предложения): соотношенность сочинения с появлением дополнительной информации, скрытых пропозиций, отсылки к более широкому контексту и ситуации, с изменением актуального членения. Реализация данных показателей в значительной степени обусловлена типом текста, особый интерес представляет анализ функциональных особенностей сочинительной связи в художественном тексте, наиболее типичные из них и будут рассмотрены ниже. При всех индивидуальных признаках текстов разных авторов (в качестве материала для анализа были использованы произведения Л. Толстого, А. Чехова, В. Набокова, П. Романова, И. Шмелева, А. Платонова, М. Булгакова, М. Пришвина, В. Пелевина

и др.) можно выделить ряд общих для них закономерностей, характерных для использования сочинительной связи слов.

Прежде всего следует подчеркнуть, что стилистический, прагматический потенциал сочинительной связи хорошо ощущается и обыгрывается в целях создания особого эффекта писателями (особенности использования синтаксических связей, напр., Ф. М. Достоевским анализирует Е. А. Иванчикова — Иванчикова 1979). Такого рода примеры широко известны:

(1) *В Италии никогда не перестанут созреть апельсины и художники* [К. Паустовский]; *Она принуждена была встать с своего ложа, в негодовании и в папильотках, и, усевшись на кушетке ... все-таки выслушать* [Ф. Достоевский]; *С саркастической улыбкой и со шляпой в руках, Мозгляков воротился в большую залу* [Ф. Достоевский].

Подобное использование сочинительной связи (*апельсины и художники; в негодовании и в папильотках; с улыбкой и со шляпой*) именно в художественных текстах, то есть авторами, хорошо владеющими возможностями, предоставляемыми языком, свидетельствует о потенциальной способности сочинительной связи выполнять не только свою основную функцию соединения однородных компонентов, но и, при особом ее употреблении, вносить различного рода прагматические, стилистические коннотации, соотноситься с категорией субъективности и тем самым выходить за рамки связи собственно слов. Думается, этот момент был затронут, однако подробно не проанализирован В. В. Виноградовым, который, рассматривая в “Грамматическом учении о слове” союзы, в частности сочинительные, писал: “Преобладающее большинство союзов, устанавливающих связь между словами или сочетаниями слов, вдвигает их в структуру более крупного целого как связное единство” [Виноградов 1986: 577].

Анализ функционирования различных типов, средств сочинительной связи в разных стилях, типах текстов, разными авторами показывает, что их использование именно в художественных текстах регулярно соотносится с отсылкой к более широкому контексту и ситуации. Обратимся к примеру, который уже рассматривался нами ранее [Костанди 1999: 68–69]:

(2) *На Бронной уже зажглись фонари, а над Патриаршими светила золотая луна, и в лунном, всегда обманчивом, свете Ивану Николаевичу показалось, что тот стоит, держа под мышкою не трость, а шпагу* [М. Булгаков].

Та часть предложения, в которой используется сочинительная связь (*не трость, а шпагу*), содержит отсылку к обязательным предварительным знаниям автора, адресата и персонажа (Ивана Николаевича), знаниям о существовании трости, и, соответственно, отсылку к предшествующему контексту. Следовательно, и моделирование автором, и восприятие адресатом соотношения компонентов, связанных сочинительной связью, невозможно без опоры на предшествующий контекст. Одновременно здесь же присутствует и более скрытое предвосхищение последующего контекста, неизвестного пока адресату (читателю) и воспринимающему субъекту-персонажу (Ивану Николаевичу): сочинительная связь (*не трость, а шпага*) предваряет последующий образ Воланда. Таким образом, эта часть предложения, содержащая отсылку и к предыдущему, и к последующему контексту, выполняет текстовую функцию, обладает обратно- и прямонаправленностью. Такое использование аналогичного сочинительного ряда регулярно встречается в текстах самых разных авторов, напр.:

(3) *Пашенька уже давно была не Пашенька, а старая, высохшая, сморщенная Прасковья Михайловна, теща неудачника, пьющего чиновника Маврикьева* [Л. Толстой]; *Я написал сейчас выше, что окончательная решимость, которой недоставало мне для исполнения моего "последнего убеждения", произошла во мне, кажется, вовсе не из логического вывода, а от какого-то странного толчка, от одного странного обстоятельства, может быть, вовсе не связанного ничем с ходом дела* [Ф. Достоевский]; *Сейчас у меня было чувство, что опасность угрожает не мне самому, а моим представлениям о себе; ничего страшного я не ожидал, но вот тот я, который не ожидал ничего страшного, вдруг показался мне канатоходцем над пропастью, заметившим первое дуновение усиливающегося ветерка* [В. Пелевин].

Во всех приведенных примерах вторая часть сочинительного ряда (*не Пашенька, а старая, высохшая, сморщенная Прасковья Михайловна; не из логического вывода, а от какого-то странного толчка, от одного странного обстоятельства;*

не мне самому, а моим представлениям о себе) предваряет дальнейшее повествование, является своего рода свернутым его вариантом, первая же часть опирается на предшествующий контекст и требует предварительных знаний. Этими знаниями должен обладать некий субъект (см выше), тем самым сочинительная связь соотносится с категорией субъективности и становится одним из средств реализации коммуникативно-прагматической направленности.

Более скрыто связь сочинения с категорией субъективности наблюдается в тех случаях, когда введение в предложение сочинительного ряда предполагает наличие у автора и адресата предварительных знаний, не содержащихся непосредственно в предшествующем контексте, как в следующем примере:

- (4) *Весной мы их не бьем, но потешаемся; очень занято бывает, когда они по насту бегут, останавливаясь, прислушиваясь, и, бывает, набегут так близко, чуть что рукой не хватай* [М. Пришвин].

Непосредственно в данном тексте не представлена информация о возможности “бить дичь”, поскольку предполагается, что такая информация входит в знания о мире автора и адресата, то есть наличие сочинительной связи (*не бьем, но потешаемся*) требует определенной пресуппозиции, второй компонент сочинительного ряда, как и в приведенных выше примерах, дополнительно раскрывается в последующем контексте. Аналогично используется сочинительная связь и, напр., в следующих случаях:

- (5) *Июньскому дню требовалась вечность для угасания: небо, высокие цветы, неподвижные воды — все это как-то повисало в бесконечном замирании вечера, которое не разрешалось, а продлевалось еще и еще грустным мычанием коровы на далеком лугу или грустнейшим криком птицы за речным низовьем, с широкого туманного мохового болота, столь недосягаемого и таинственного, что еще дети Рукавишниковы прозвали его: Америка* [В. Набоков]; — *А как вы обращаетесь со своими служащими!* — *продолжал возмущаться доктор. — Вы их за людей не считаете и третируете, как последних мошеников* [А. Чехов].

Использование сочинительной связи (*не разрешалось, а продлевалось; за людей не считаете и третируете*) в данных

примерах также предполагает наличие определенной пресуппозиции (*вечер должен разрешаться; служащие являются людьми*) и дальнейшее развертывание текста. Следует отметить, что такая функциональная нагрузка появляется, как правило, в дополнительно субъективно окрашенных контекстах, при передаче размышлений, воспоминаний, оценок какого-либо субъекта, т.е. зависит от типа текста.

Таким образом, одной из важнейших особенностей функционирования сочинительной связи слов в художественном тексте является ее опора на более широкий контекст и / или ситуацию, известные некоторому субъекту / субъектам, и, следовательно, участие в построении этой связи текста.

Текстовые свойства, опора на предварительные знания непосредственно соотносятся с категорией субъекта, связь с которой прослеживается и в случаях, когда посредством сочинительной связи устанавливается возможность выбора одного из компонентов, выбор этот также осуществляется каким-либо субъектом: автором, адресатом, персонажем, субъектом глубокой или поверхностной структуры предложения, напр.:

- (6) *Маленькая княгиня не слыхала или не хотела слышать его слов* [Л. Толстой]; *Ночь шла тихо, но где-то в сенях или во дворе осторожно треснула древесина, сжимаемая морозом* [А. Платонов]; *И она потащила за руки Мастера к столу. — Я не уверен, что эта еда не провалится сейчас сквозь землю или не улетит в окно. — говорил тот, совершенно успокоившись* [М. Булгаков].

Сочинительный ряд, предполагающий возможность выбора (*не слыхала или не хотела слышать; в сенях или во дворе; не провалится или не улетит*), участвует в моделировании языкового события как инвариантного, обобщающего два или более возможных события, наличие нескольких свернутых пресуппозиций, их сопоставление и выбор, а следовательно, и наличие субъекта, осуществляющего эти действия. Однако следует отметить, что для рассмотренных нами художественных текстов такой способ моделирования языкового события менее характерен, чем, например, для официально-деловых текстов, где он является одним из основных. Художественный текст, с точки зрения функционирования сочинительной связи слов, больше тяготеет к иному варианту моделирования языкового

события и языковой действительности. В рассмотренных нами текстах преимущественно используются соединительные союзы (*и*), реже — бессоюзие и другие союзы, в большинстве случаев связь устанавливается между простыми глагольными сказуемыми, что способствует линейному развертыванию текста, формированию динамики, сюжетности. Приведем в качестве примера все случаи сочинительной связи слов в целом тексте:

(7) *не ложился и ходил; посмотрел, понял и показал; заплакала, хотела обнять, но сползла и села; встал и пошел; идя и вытирая; сказал и стал; держась и глядя; стояли и выбирали; просто и обыкновенно; полез и чуть не упал; указывал и распределял; рассматривал и одергивал; собрались и смотрели; поднял и переводил; молча и слабо; Захар и кузнец; посмотрел и сказал; подошла и приникла; подходили и прикладывались; тихие и задумчивые; приходили и заглядывали; строгий и мягкий; виднее и ярче; ни до мест, ни до земли; вышла и заплакала; не померла, а осталась* [П. Романов. Смерть Тихона].

Отмеченные выше особенности проявляются и, например, в следующем фрагменте текста:

(8) *Лесник достал из-под лавки бутылку, взболтнул на огонек и разлил по чашкам. Солдат понес, расплескивая, запрокинулся, поперхнулся и вскинул брови: стало его лицо сизым. Конторщик выпил и дернулся, словно его проткнули. Лесник покрестился и проглотил, выпучил глаза и крепко задумался — на стол* [И. Шмелев. Забавное приключение].

Необходимо подчеркнуть, что о некотором преобладании в художественных текстах соединения сочинительной связью сказуемых можно говорить лишь как об общей тенденции. В конкретных текстах разных авторов эта общая особенность может существенно изменяться и каждый текст требует специального анализа. То же самое можно сказать и о частоте использования разных союзов, о регулярности использования союза *и* (однако нередки тексты, в которых для соединения компонентов сочинительного ряда используется в основном только союз *и*).

Таким образом, сочинительная связь выступает как одно из средств передачи динамики, сюжетности и тем самым — моделирования языковой действительности.

Кроме отмеченных особенностей, коммуникативно-прагматическая направленность сочинительной связи проявляется и в том, что она регулярно выступает как средство актуального членения. Средством дополнительной актуализации могут быть союзы (*как... так и; не только..., но и; а*), однако и развертывание какого-либо компонента, его расчленение на ряд составляющих и их перечисление свидетельствуют о значимости данного компонента и становятся тем самым также средством актуализации, как, например, в следующем предложении:

(9) *Я оставляю вас в покое: живите как хотите, ворчите друг на друга, спорьте из-за подачек воды и оставайтесь вечно под стеклянным колпаком* [В. Гаршин].

Сочинительным рядом сказуемых в данном предложении не передается новая информация, а лишь обобщается то, что уже было в предшествующем контексте, однако при свертывании сочинительного ряда (*живите по-прежнему*) рема-тематическое членение было бы иным. Сам процесс членения чего-либо уже предполагает дополнительные действия автора, а при восприятии текста и адресата, и, следовательно, дополнительную субъективность. При делении целого на составные компоненты появляется, с одной стороны, признак квантификации, с другой, направленности, процессуальности, а это приводит к новым коннотациям, модалным изменениям, текстовым свойствам, что на основе анализа некоторых признаков предиката рассматривалось А. Тимберлейком [Тимберлейк 1993].

Таким образом, сочинительная связь слов выполняет целый ряд дополнительных коммуникативно-прагматических функций, основными из которых являются текстовая функция, реализующаяся, в частности, как отсылка к более широкому контексту, соотнесенность с определенной пресуппозицией, отсылка к дополнительным пропозициям, участие в определенном моделировании языковой действительности и в актуальном членении. Отмеченные свойства являются, как показывает анализ материала, наиболее общими, характерными для художественного текста в целом. Разумеется, в каждом конкретном тексте могут появляться свои особенности, более частные дополнительные функции. Прагматические свойства

синтаксической связи, очевидно, обусловлены тем, что эта связь всегда направлена на организацию предложения и текста, т.е. единиц коммуникативных, кроме того, синтаксическая связь, способ соединения — это одновременно и один из способов метаязыковой рефлексии, осуществляемой определенным субъектом в определенных коммуникативных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В. 1986 — *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва.
- Иванчикова Е. А. 1979 — *Синтаксис художественной прозы Достоевского*. Москва.
- Костанди Е. 1997 — Синтаксическая связь как средство реализации коммуникативно-прагматической установки. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. I*. Тарту. 94–104.
- Костанди Е. 1999 — Коммуникативно-прагматический аспект сочинительной связи. *Humanitārās fakultātes VII zinātniskie lasījumi*. Daugavpils. 67–75.
- Тимберлейк А. Предикат как текст (модальность как квантификация). *Категория сказуемого в славянских языках: модальность и актуализация. Slavistische Beiträge. 305*. München. 1993. 209–215.

ЭКЛЕКТИЗМ СТИЛЕВЫХ СРЕДСТВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ И ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ (на примере истории русского стиля “плетение словес”)

И. С. КОШКИН

В теории прагматики большое значение придается так называемой интенции (намерению) автора текста, устного или письменного. С этим связано и изучение механизмов эффективности речевого воздействия. Кроме того, в рамках прагматической теории исследуется внетекстовый фон, что позволяет наиболее адекватно понять текст как лингвистический объект. Функционирование единиц языка в тексте, особенности использования языковых и стиливых средств часто оказываются не раскрытыми до конца, если не учитывать, говоря словами Ю. М. Лотмана, “общение между аудиторией и культурной традицией” [Лотман 1981: 6].

Хотя прагматика, изучающая речевую коммуникацию и ее факторы, естественным образом обращена к синхронии, немаловажное значение имеет исследование прагматических факторов и в диахронии. И в истории стиливым моделям, отражением которых является диахронический текст, присуща динамика. При этом импульсы динамического развития стиля находятся вне текста. Например, стиливая модель “плетение словес”, бывшая значительным явлением в истории славянских литературных языков, часто предстает в описаниях как явление статичное. Между тем русское “плетение словес” по характеру функционирования релевантных с точки зрения стиливой модели единиц текста распадается, по меньшей мере, на

два этапа. Первый приходится на начало старорусского периода (конец XIV – начало XV вв.) и отражен в текстах самого яркого представителя этого стиля на русской почве — Елифания Премудрого (в дальнейшем Елиф. Пр.). Второй этап отражен в текстах авторов XVI в. При этом тексты XVI в. Характеризуются определенными инновациями в области языка и стиля. В целом эти инновации обуславливаются тремя факторами, которые, в свою очередь, отражают новый лингвокультурный контекст, новые целевые установки авторов текстов. Эти факторы следующие: 1) **эволюция языковой ситуации**; 2) **эволюция языкового сознания**; 3) **эволюция словесно-художественных принципов организации текста**.

Коротко говоря по поводу первого фактора, языковая ситуация в русском литературном языке XVI в. характеризовалась максимальным обособлением так называемой церковно-книжной разновидности литературно-письменного языка, ее ярко выраженной противопоставленностью разговорно-деловой разновидности и узусу. К этому времени в полной мере относится знаменитая фраза Генриха Лудольфа в его “Русской грамматике”: “Разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски” [Виноградов 1982: 11]. Причем эта противопоставленность декларировалась различными деятелями культуры. За чистоту “книжных речей”, “книжных пословиц” выступали, например, Андрей Курбский и Зиновий Отенский [Виноградов 1978: 32]. Это привело к переориентации в употреблении лексико-словообразовательных средств, значимых для данного стиля. В отличие от Елиф. Пр., допускавшего в структуре словесных рядов, т.е. единиц текста, релевантных в рамках стилевой модели, употребление сниженной, устно-разговорной лексики: *ужась, усъхнути, посул(а), повсяческы, кобение, баяти, обрыдати*, а также нейтральных, не маркированных как принадлежащих книжной норме, слов: *тужити, чюдити, постеля, льгота*,¹ — его последователи в XVI в. не просто избегали подобного словоупотребления, но ориентировались на те языковые средства, которые носили

¹ Графика древнерусских текстов упрощена; титла раскрыты.

редкий или даже окказиональный характер [Кошкин 1994: 308–311]. Редкий, так как были как бы реанимированы, извлечены на свет из корпуса старославянских текстов, напр.: *зълѡдѣство*, *радѡвание*; многие такие слова толкуются в древнерусских словарях и азбуковниках как “неудобъ познаваемые”. Некоторые лексемы, напр.: *чета*, *боголюбъзнь*, *стрѣмнины*, *врачевѣство*, — были введены в книжный обиход южнославянскими деятелями “плетения словес”, представителями Тырновской книжной школы. В этом плане показательны соответствия между словами одного семантического поля в словесных рядах текстов разных этапов “плетения словес”. Напр., лексемы *воплѣ* и *плищѣ*. Первая входит в словесный ряд *яръсть* — *гнѣвъ* — *воплѣ*, извлеченный из текста Епиф. Пр.: *нападаху на нь съ яръстѣю и съ гнѣвомъ и съ воплемъ* [Колесов 1989: 203]. Вторая входит в словесный ряд *плачь* — *плищѣ*, извлеченный из текста автора XVI в., предположительно Аникиты Льва Филолога: *стрѣлы сердца имъ прошедша наменишася, плища бо сихъ и плача исполниша* [ЖИВ 1903: 28]. Если у Епиф. Пр. Древнерусская традиционная формула-синтагма *яръсть–гнѣвъ* разбивается простым, обычным с точки зрения древнерусского узуса словом *воплѣ*, то во втором тексте традиционная синтагма разбита словом *плищѣ*, которое, кстати сказать, находим в номенклатурной части Азбуковника, т.е. которое подлежит толкованию как непонятное, редкое и т.п. Ср.: *плищѣ молва или скорбѣние о различны/х/ потреба/х/* [Ковтун 1989: 214].

Второй и третий факторы — эволюция языкового сознания и эволюция словесно-художественных принципов — не только взаимосвязаны друг с другом, но и в определенной мере обусловлены действием первого фактора. Языковая ситуация отражалась не только в быту и общественной жизни, но и в сфере интеллектуальной деятельности, на теоретико-идеологическом уровне. В самом деле, переориентация в употреблении языковых средств обусловила новый подход к слову и его форме. Словоформа осознается не только как единица синтагматики, что выражалось в тесной связи с контекстом, в “формульном”, традиционном характере словоупотребления, но и как единица парадигматического

плана. Именно в конце старорусского периода появляются восточнославянские грамматики, утверждающие, пусть и в описательно-примитивной форме, рационалистический подход к языку и тексту [Мечковская 1984: 140]. В это же время появляется новая, грамматическая теория перевода, нашедшая свое выражение прежде всего в переводческой деятельности Максима Грека [Матхаузерова 1976: 45–50]. Исследования показали, что за лексическими разночтениями в списках одного памятника может стоять развитие типа языкового мышления, а именно смена художественного типа мышления научным. Закономерными в этой связи являются как эволюция стилевой модели “плетение словес” в сторону большей семантизации, т.е. переход “плетения” с внешнего, формального на глубинный, смысловой уровень, так и семантические корреляции между лексемами при их дистантном употреблении, в рамках больших фрагментов текста (см. ниже анализ примеров).

Однако инновации как бы наталкиваются на стремление следовать уже сложившимся принципам словесной техники. В этом проявляется в известном смысле средневековый традиционализм. Язык текстов второго этапа “плетения словес” отражает как общую традицию построения древних и средневековых текстов, так и “епифаниевскую” традицию, связанную с этим стилем. Все это ведет к **эклектизму** стилевых черт и средств в этих текстах. Этот эклектизм вовсе не представляет из себя какое-то замкнутое в себе, ни с чем не связанное явление. Усиливающийся антиномизм между формализованностью, “окаменением” форм, употреблением “ради стиля”, с одной стороны, и семантизацией — с другой, означает не что иное, как движение к принципам **маньеризма**, маньеристского словесного искусства. Несмотря на то, что общепризнанным является тот факт, что маньеризм характеризовал европейские литературные языки XVI в., язык и стиль текстов второго этапа “плетения словес” являет собой черты типологически схожие со словесной техникой маньеризма. Известный исследователь этого явления Густав-Ренэ Хокке так определяет сущность маньеризма с точки зрения поступательного развития стилей вообще: “... so haben wir es

mit einer antiklassischen und antinaturalistischen Konstante der europäischen Geistesgeschichte zu tun" [Hocke 1987: 271] 'мы имеем дело с антиклассической и антинатуралистической константой истории европейского духа'. Он называет его стилем, который предпочитает нерегулярное гармоничному ("ein Stil, der das Irreguläre dem Harmonischen vorzieht" — Там же).

Обратимся к примерам и их интерпретации в свете сказанного. Контекст, взятый из Надгробного Слова Иосифу Волоцкому, автором которого является талантливый книжник XVI в. Досифей Топорков, отражает как традицию, так и инновации: *не точию пищею телесною препита ... но вся суцаа с нимъ въспита д/у/х/о/внымъ и телеснымъ брашно и прекорми негибнущею ядию* 'не только пищей телесной напитал ... но и всех бывших с ним воспитал духовной и телесной пищей и накормил негибнущей едой' [ЖИВ ДТ: 180б]. Налицо использование триад, что связано с епифаниевской традицией: *пища* — *брашно* — *ядь*, *прѣпитати* — *въспитати* — *прѣкърмити*. Триада, т.е. реализация специфического семантико-стилистического задания посредством трехкомпонентных рядов, является, как известно, индивидуально-творческой особенностью поэтики Епиф. Пр. Однако на долю инновации следует отнести наблюдаемое при функционировании лексем "переключение" традиционно закрепленного оценочного кода. Несмотря на то, что каждый из двух словесных рядов образуют языковые синонимы с общим значением соответственно 'пища вообще' в первом ряду и 'напитать, накормить' — во втором, различия между тремя синтагмами в структуре периода проходят по линии 'прямой смысл — переносный смысл'. При этом конкретизирующую функцию здесь выполняет определение: "телесная пища" — прямой смысл, "негибнущая ядь" — образный смысл. На уровне семантических оппозиций текста как бы происходит движение от материального к духовному; причем распределение "ролей" в тексте соответственно между лексемами *пища* и *ядь*, *прѣпитати* и *прѣкърмити* прямо противоположно их традиционно-речевому статусу. Согласно этому статусу, что видно по старославянским и древнерусским контекстам, памятники дают в основном прямое употребление

лексем *ядь*, *прѣкърмити* [Кошкин 1994: 122–129]. Если и наблюдается переносное употребление, например для слова *ядь* в контексте *ядию тьльняя* ‘едой тления’ [Срезневский 1989: 3, 2, 1641], то это употребление с негативной окраской. Напротив, для лексем *пища* и *брашьно* типично переносное употребление, причем эксплицируемый при этом оценочный компонент традиционно положительный: *душевная пища*, *брашьно нетьльнаго живота*, т.е. ‘пища нетленной жизни’ и т.п. Подобное внутреннее столкновение текста и традиционного словоупотребления как бы актуализирует выраженный смысл. Как видим, нейтральное место в этой оппозиции занимает лексема *брашьно*, что выражено в употреблении двух определенных: *духовное* и *телесное брашно*.

Подобный пример “переключения” традиционного оценочного кода, естественно, не единичен. Например, контактность употребления лексем *путь* — *стѣзя* (совр. *стезя*) задана традицией библейского текста. Епиф. Пр. лишь видоизменяет в соответствии со своим стилистическим заданием словоупотребление этого традиционного ряда или лексически варьирует его, заменяя одно из слов: *указаа имь путь истинныи и наставляя ихъ на стею праву; на благыи онъ путь и на нравоумьшленное шествие* [ЖСП 1862: 131]. Но даже при введении новой лексемы весь контекст в целом сохраняет традиционно положительную оценочную маркировку. В тексте автора XVI в. “переключению” оценочного кода в немалой степени способствует и дистантное употребление данных слов. Ср. употребление в разных периодах: с одной стороны, отрицательно маркированный в плане оценки контекст *мы немощнии остахо/м/ бли/з/ совращения укланяющеса къ стропот/м/ны/м/ стезя/м/* ‘мы, немощные, остались близ совращения, уклоняясь к кривому пути (в переносном смысле)’ [ЖИВ ДТ: 22]; с другой стороны, положительно маркированный контекст *и предводитель в крат/цѣ/м/ пути живота нашего и наставникъ всѣхъ добродѣтели цръственаго пути* ‘и предводитель в кратком пути жизни нашей, и наставник всех добродетелей царственного пути’ [ЖИВ ДТ: 21об]. Действительно, в старославянских текстах прилагательное *стрѣпѣтънь* ‘кри-

вой, искривленный' имело пейоративную семантику [ССС 1994: 631].

Если возвратиться к первому контексту, то можно заметить, что он связан еще с одной традицией — традицией употребления риторических приемов и фигур. Хотя сами по себе риторические средства являются типичной особенностью древнерусской и византийской поэтики, в текстах “плетения словес” они становятся обязательным атрибутом построения текста, их количество и функциональная роль неизмеримо возрастают. Однако для второго этапа “плетения словес” характерно отражение инновации в рамках этой риторической традиции, что и приводит к известному эклектизму стилевых черт и средств. Епиф. Пр., как известно, любил риторические приемы, связанные с эвфонией, эксплицирующие смысл в рамках линейного отрезка текста. Очевидно, это обусловлено большим вниманием у Епиф. Пр. к операциям с формой слова, нежели со смыслом. Например, известный контекст, построенный на сочетании аллитерации и ассонанса *ба-бы-ба-ба-бы-бя-ба: но точию у нихъ баснотвориы были, иже басньми баяху о бытьи и о миротворении, и о Адамѣ, и о раздѣлении языкъ, и прочая бяху баяюща* ‘но только у них баснотворцы были, которые притчами говорили о бытии, и о создании мира, и об Адаме, и о разделении народов, и о других вещах рассказывали’ [ЖСП 1862: 151]. В отличие от Епиф. Пр., авторы XVI в. используют риторические фигуры, “играющие” на парадигматическом уровне, чему способствует и дистантное функционирование слов, словесных рядов как релевантных единиц стилевой модели. Общий смысл первой и третьей синтагм — *пищею телесною препита + прекорми негибнущею ядию* — равен смыслу второй, срединной синтагмы *въспита духовнымъ и телесным брашномъ*, т.е. налицо риторическая фигура — эндиадион (“одно через два”), но эксплицируется она посредством трех синтагм (традиция епифаниевской триады!).

Данная особенность также не исчерпывается одним примером. В тексте Досифея Топоркова усложнение семантических корреляций между вариантами слова *миру* — *мирови*, между однокоренными словами *миръ* — *умирение* одновременно со-

проводится распределением всех четырех лексем в тексте по принципу хиазма — также риторической фигуры [Кошкин 1995: 30–35].

“Окаменение” форм, обусловленное пиететом перед традицией, выражается в текстах второго этапа “плетения словес” в том числе и в характерном тяготении к классической, т.е. бинарной, структуре традиционных формул-синтагм типа *плакати — рыдати, радоватися — веселитися, красьна дѣвица* и т.п. Но от прежних формул-синтагм остается именно только формальная двухкомпонентная структура. В остальном же тексты XVI в. отражают развитие формул-синтагм, выразившееся прежде всего в их разрушении. Епиф. Пр., как известно, также разрушает многие традиционные формулы-синтагмы и вообще традиционные языковые средства, так что сам факт разрушения связан с эволюцией единиц текста. В текстах Епиф. Пр. разрушение происходит преимущественно на формальном уровне — посредством превращения в триаду, посредством изменения части речи и т.д. [Колесов 1989: 188–215]. При подобном лексическом варьировании наблюдается, конечно, и семантическое варьирование, так как любое разрушение традиционной формулы означает реанимацию внутренней формы составляющих ее слов, смысловые различия между которыми актуализируются в микросистеме текста. При этом, как показали исследования, если ряд построен у Епиф. Пр. на основе градации семантического признака, то это либо варьирование на коннотативной основе, так как актуализируется тема интенсивности, либо варьирование по принципу гипер-гипонимического различия [Рогожникова 1987: 104–110]. Последнее есть варьирование на понятийной основе, и именно оно типично для текстов XVI в., но часто в рамках бинарной формулы. Например, контексты из Тучковской редакции Жития Михаила Клопского, встречающиеся на протяжении большого тематического фрагмента, восхваляющего жизнь святого: *несупружно и дѣвственно житие възлюби, безименно и дѣвственно житие проходит* [Дмитриев 1958: 142]. Употребление в обеих синтагмах лексемы *дѣвственно* указывает на то, что опорным для языкового сознания автора являлось именно это слово. Его мы часто и находим в составе традици-

онных формул-синтагм, оно классически выражало понятие непорочности, целомудрия. Семантическую спецификацию, причем на основе понятийных, а не коннотативных сем, реализуют две другие лексемы. Если оппозиция *несупружбно* — *дѣвственнѣно* уточняет довольно обширное по объему значение второго слова, то оппозиция *безименнѣно* — *дѣвственнѣно* вычленяет из семантической структуры второй лексемы сему 'чистый, непорочный' и дальше развивает ее: '*непорочный* > *скромный* > *безвестный*'. И это развитие выходит за рамки одного понятия.

ИСТОЧНИКИ

- Дмитриев 1958 — *Повести о житии Михаила Клопского*. Москва — Ленинград.
- ЖИВ 1903 — Житие Иосифа Волоцкого, составленное неизвестным. *Чтения в Обществе истории и древностей российских*. Кн. 3. Отд. 2. 1-47.
- ЖИВ ДТ — *Житие Иосифа Волоцкого*. РНБ, Соф.451/1. Л. 1-88об.
- ЖСП 1862 — Житие Стефана Пермского. *Памятники старинной русской литературы*. Вып.4. Санкт-Петербург.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В. 1978 — *Избранные труды. История русского литературного языка*. Москва.
- Виноградов В. В. 1982 — *Очерки по истории русского литературного языка XVI-XIX вв.* Москва.
- Ковгун Л. С. 1989 — *Азбуковники XVI-XVII вв. (старшая разновидность)*. Ленинград.
- Колесов В. В. 1989 — *Древнерусский литературный язык*. Ленинград.
- Кошкин И. С. 1994 — *Стиль "плетение словес" и его эволюция в русской алиографии XVI в.* Канд. дис. (машинопись). Санкт-Петербург.
- Кошкин И. С. 1995 — *Формальное варьирование и стиль "плетение словес" в истории русского литературного языка. Valoda-1994*. Даугавпилс.

- Лотман Ю. М. 1981 — Семиотика культуры и понятие текста. *Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам*. 12. Тарту.
- Матхаузерова Св. 1976 — *Древнерусские теории искусства слова*. Прага.
- Мечковская Н. Б. 1984 — *Ранние восточнославянские грамматики*. Минск.
- Рогожникова Т. П. 1987 — Функции близкозначных слов в тексте “Жития Стефана Пермского”, написанного Епифанием Премудрым. *Функционирование языковых единиц в синхронии и диахронии*. Ленинград.
- Срезневский И. И. 1989 — *Словарь древнерусского языка*. Т. 1–3. Москва.
- ССС 1994 — *Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.)*. Москва.
- Hocke G.-R. 1987 — *Die Welt als Labyrinth. Manierismus in der europäischen Literatur*. Hamburg.

ВИДОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ АКТУАЛЬНОГО НАСТОЯЩЕГО

Й. КРЕКИЧ

1. Современная лингвистика различает семантические и прагматические значения, пересекающиеся друг с другом в своем проявлении. Итак, кроме семантического значения имеется и прагматическое, выражающее отношение говорящего (или пишущего) к знакам и воздействие знаков на людей. Сопоставляя три уровня семиотики (синтактику, семантику и прагматику), М. Петер ставит прагматику на достойное ее место, когда утверждает, что прагматический уровень — это не просто еще один уровень в языковой структуре, это — уровень языковой деятельности, который на более высокой ступени объединяет все остальные уровни в одно целое [Péter 1991: 130]. Присоединяясь к этому меткому замечанию М. Петера, мы хотели бы подчеркнуть, что там, где в осмыслении ситуации семантика отказывается служить, прагматика способна еще помочь.

В компетенцию прагматики входят такие вопросы, как отношение говорящего к содержанию сообщения, его отношение к адресату, оценочная характеристика значения, иллокутивная функция, иллокутивная сила высказывания, интенционал, смысл, пресуппозиции и т.п. [Апресян 1995: 136, 158].

2. Прежде чем приступить к рассмотрению частных видовых значений глагольных форм в актуальном настоящем, мы считаем очень важным выяснить некоторые терминологические вопросы, касающиеся употребления форм настоящего несовершенного, так как при исследовании видовых значений глаголов НСВ аспектологи называют основную видовую позицию глаголов НСВ по-разному. Это не случайно. По нашему мнению, разные термины выражают разный смысл.

2.1. А. В. Бондарко называет основную видовую позицию глаголов НСВ позицией “конкретно-процессного значения” [Бондарко, Буланин 1967: 55]. М. Я. Гловинская именует основное видовое значение глаголов НСВ “актуально-длительным” и приводит к нему примеры: *И — трое мы бредем. Лежит пластами пыль* [Гловинская 1982: 14]. Л. Ясаи отождествляет конкретно-процессное значение с актуально-длительным, когда говорит, например, о глаголе *уходить*: “Выделенный глагол употребляется в своей основной, наиболее типичной позиции НСВ, выражая актуально-длительное действие, иначе актуальный процесс” [Ясаи 1996: 85]. М. Я. Гловинская в одной из своих более поздних работ различает “актуально-длительное” и “процессно-фактическое значение НСВ” (названное ею и “собственно процессным значением”) [Гловинская 1989: 88, 89].

2.2. Встает вопрос, каково содержание понятия “процессность”? **Процессность** трактуется А. В. Бондарко как “представление протекания неограниченного пределом действия в фиксируемый срединный период, когда оно уже начато, но еще не закончено” [Бондарко 1987: 85]. В семантике процессности он выделяет два важных элемента: **динамичность** (динамику протекания действия от более ранних моментов к более поздним) и **срединность**: “в фокусе оказывается лишь фиксируемый срединный период” [Там же: 85]. Мы полностью согласны с М. Я. Гловинской, которая утверждает, что актуально-длительное и процессное значения противопоставлены друг другу [Гловинская 1982: 127]. Эти значения действительно различаются, их нельзя отождествлять. Но трудно согласиться с ее интерпретацией этих двух аспектуальных значений. По ее мнению, при актуально-длительном значении описывается “разворачивающийся процесс” [Там же: 128]. В другом месте М. Я. Гловинская пишет следующее: «Длительное действие, не разворачивающееся во времени — это процессно-фактическое значение НСВ. Если **актуально-длительное** значение НСВ мы условно обозначили как действие “в протекании”, то **процессное** значение условно назовем действие в его длительности» [Гловинская 1989: 89]. Мы не можем согласиться с М. Я. Гловинской, когда она утверждает, что позиция

актуально-длительного значения передает “разворачивающийся во времени процесс”, а позиция “собственно процессного значения” фиксирует “длительное, не разворачивающееся во времени действие” [Там же: 88]. Выявляется, что “собственно процессное значение” трактуется как длительность, а “актуально-длительное значение” — как процессность. Это употребление терминов представляется нам противоречивым: термины объясняются противоположными понятиями. Слово *длительность* имеет два значения. В словаре С. И. Ожегова слово *длительность* имеет, кроме значения продолжительности, еще и значение “протяжение (протяженность) во времени”. Слово “*длительный*” может указывать и на характер проявления действия, и на то, что состояние “длится”, а не разворачивается во времени (в состоянии исключен элемент динамики, который предполагает развитие, развертывание действия во времени). Итак, “состояния длятся, а не протекают” [Лухт 1982: 341]: в позиции *актуально-длительного значения* развивается (движется) *время*, а не действие, то есть растягивается время состояния, а состояние остается тождественным самому себе:

- (1) — *А ты сияешь счастьем и здоровьем!* [Л. Толстой. Анна Каренина. 1¹] — *Отдыхаешь, вальсируя с вами.* [Л. Т. 1] — *И не для себя, — я вижу, что вы страдаете.* [Л. Т. 1]

Актуально-процессное значение предполагает динамику, динамичность проявления действия — действие развивается, развертывается во времени:

- (2) Коломийцев. *Разъясняю суду: мое дело выделено в отдельное производство, мы сейчас занимаемся этими вопросами, и было бы преждевременно...* Судья. *Ясно, Коломийцев.* [А. Гребнев. Киноповести разных лет] — *Вы что пьете, чай или кофе? — Ни то, ни другое. Я завтракаю.* [Л. Т. 1] — *Я теперь умираю, я знаю, что умру, спроси у него.* [Л. Т. 1]

2.3. На наш взгляд, в значении глаголов НСВ актуальность может сочетаться не только с признаками длительности и процессности, но и с признаком **фактичности**. В грамматике фак-

¹ В дальнейшем — Л. Т. 1.

том называют реальное событие, происшествие. А **событие** толкуется в словаре как “то, что произошло, случилось” [СРЯ 1984]. Ю. С. Маслов обращает внимание на т.н. моментальные глаголы типа *приходить // прийти, приносить // принести, приезжать // приехать* и т.д., которые обозначают «факт скачкообразного, “точечного” перехода к новому качеству, причем указанием на “критическую точку” собственно и исчерпывается семантика соответствующей формы» [Маслов 1948: 315]. Венгерский аспектолог Л. Ясаи, применяя диагностическую фразу типа *Смотри, вот он...*, на основании нижеследующих правильных примеров приходит к неправильному, на наш взгляд, заключению, что “указанные собственно не-процессуальные глаголы при выполнении определенных контекстуальных условий могут обозначать процесс, а именно его специальную результативную разновидность” [Ясаи 1996: 88]:

(3) *Смотри, вот он приходит ко мне уже в третий раз.* [Пример из — Ясаи 1996: 88]

(4) *В этот момент почтальон приносит мне уже третью телеграмму.* [Там же]

М. А. Шелякин отметил, что приведенные Л. Ясаи высказывания “вполне возможны, хотя и редки из-за редкости самих ситуаций” (письмо автору статьи от 11-го ноября 1996 г.).

Ю. Д. Апресян, рассматривая вышеприведенные глаголы в темпоральном значении “настоящего репортажа”, приходит к заключению, что они «обозначают факт скачкообразного, “точечного” перехода к новому качеству не только в формах совершенного, но и в формах несовершенного вида» [Апресян 1988: 65]. Выявляется, что в процитированных выше примерах Л. Ясаи глаголы типа *приходить* приобретают, на наш взгляд, **актуально-фактическое значение**, поскольку действие моментальных глаголов НСВ в момент речи доведено до результата, поскольку их формы НСВ (как и формы СВ) в таких случаях выражают скачкообразный точечный факт, приуроченный к моменту речи. В приведенных Л. Ясаи примерах (3), (4) — по его мнению — “из конкретного процесса вычленяется определенная фаза действия с указанием на результат” [Ясаи 1996: 88]. В высказываниях Л. Ясаи скрывается противоречие, так как доведение действия до результата оказыва-

ется, на наш взгляд, не актуально-процессным, а актуально-фактическим значением. Поскольку речь идет о глаголах НСВ, само собой разумеется, что перфективное значение они выражают имплицитно. Как указывает Л. Н. Шведова, в определенных контекстных условиях глаголы НСВ, относящиеся к общерезультативному способу действия, передают не направленность на достижение результата, а обозначают целостные, доведенные до результата действия [Шведова 1984: 35]. Следовательно, признак целостности, согласно высказыванию Л. Ясаи, в глаголах НСВ типа *приходить* конкретизируется как реальное достижение результата: говорящий констатирует, что моментальное действие, выраженное формой настоящего времени, результируется в настоящем, то есть в момент речи. Глаголы НСВ типа *приходить* в такой ситуации выражают не приближение к говорящему, а актуальный факт, констатируемый говорящим в момент речи. Вопрос, выдвинутый Л. Ясаи, в конечном счете решает прагматика: говорящий хочет, чтобы адресат “представил себе действие, как развертывающееся” на глазах в момент речи, поэтому Ю. Д. Апресян такое действие моментальных глаголов типа *приходить* называет “псевдопроцессуальным” [Апресян 1988: 68].

Подобным образом (ср. вышеприведенные примеры Л. Ясаи) ведут себя моментальные глаголы в ситуации репортажа о футбольном матче, когда формы настоящего времени в плане повествования (“*écrit*”) передают *события*, которые воспринимаются говорящим “в настоящем момента речи” и которые уходят в прошлое, переходя таким образом на позицию “настоящего исторического” [Поспелов 1966: 27], короче говоря, здесь события актуализируются в настоящем. Приведем пример Ю. Д. Апресяна, в котором моментальный глагол *приходить* имеет не актуально-процессное (в его терминологии “актуально-длительное”), а перфективное значение [Апресян 1988: 68], то есть значение актуально-фактическое:

(5) *Сюда с левого края приходит с мячом Блохин, обводит защитника и сильно бьет по воротам.* [Пример из — Апресян 1988:68]

Что касается прагматического значения “исторического настоящего”, Л. Ясаи в одной из своих статей приходит к правильному заключению, отмечая, что действия, выраженные фор-

мой НСВ, “протекают как бы на наших глазах. Именно **черта процессности придает повествованию ту образность** (выделено нами — *И. К.*), которая отличает действие НСВ настоящего времени от СВ прошедшего” [Ясаи 1995: 216]. Как в историческом настоящем говорящий (или пишущий) желает, хочет, чтобы слушающий (или читающий) представил действие в его динамике, то есть в его развертывании “как бы на глазах”, так и в диагностических примерах Л. Ясаи в плане речи (“discours”) говорящий хочет этого же, только не “как бы на глазах”, а просто “на глазах” или “перед глазами”.

2.4. Как в темпоральном, так и в аспектуальном отношении считаем необходимым определить место перформативного настоящего, одного из вариантов ситуации актуального настоящего. Выясняется, что перформативное настоящее относится к актуальному настоящему. Оно отличается лишь своим видовым значением от других аспектуальных вариантов актуального настоящего: от актуально-процессного, актуально-длительного и актуально-повторительного значений. Ю. Д. Апресян указывает на сходство глаголов моментального действия (глаголов типа *приходить*) с перформативами [Апресян 1988: 57]: они объединяются в актуально-фактическом значении форм НСВ. Актуально-процессное, актуально-длительное, актуально-фактическое и актуально-повторительное значения характеризуют действие или состояние аспектуально, то есть изнутри, с внутренней стороны: «Если аспектуальность представляет собой “внутреннее время” действия, то есть внутреннюю характеристику протекания и распределения действия во времени, то темпоральность — это “внешнее время” с явной дейктической характеристикой» [Бондарко 1990: 5].

2.4.1. В аспектуальном отношении необходимо провести различие между **дескриптивным** (процессным, длительным и повторительным) **актуальным настоящим** и **перформативным актуальным настоящим**. Выявилось, что в актуально-процессном и актуально-длительном настоящем протекающее действие или длящееся состояние не определены: нельзя зафиксировать ни начало, ни конец действия или состояния (ср.: у Э. Кошмидера [1930: 353] “Der Sachverhalt ist im Wahren”).

Фигурирующие в перформативных высказываниях глаголы описывают не протекание действия или длительность состояния (“Währen”), а наступление действия (“Eintritt”). “Наступление” предполагает целостное, тотальное действие, имеющее начало, продолжение и конец (“opus ab initio usque ad finem”). Действие канонических эксплицитных перформативов осуществляется в речевом плане коммуникации, где опорой высказывания является не момент речи, а **целостная ситуация настоящего**.

В дескриптивном настоящем, где в объем конкретного временного значения вовлекаются и прошлое и будущее, настоящее оказывается **открытым**:

(6) *Сейчас (в данный момент, сейчас именно) я пишу письмо брату.*

В перформативном высказывании в объем актуального временного значения не вовлекаются ни прошлое, ни будущее; настоящее оказывается **закрытым** — время закрытого настоящего начинается и заканчивается в настоящем:

(7) *Евгения Дмитриевна. Я прошу вас разменять эту квартиру на трехкомнатную и однокомнатную отдельно, если это не очень сложно...* [Г. Мдивани. Большая мама. III]

Эксплицитные перформативы, таким образом, выражают определенное (от слова *предел*) во времени перфективное действие, продолжающееся до завершения соответствующего высказывания. В перформативных высказываниях внимание обращено не на момент речи (МР), а на продолжительность (Dauer) речи (ПР), на определенное внутреннее время речевого акта, на целостную ситуацию закрытого настоящего. “Время перформативного высказывания, и следовательно выполняемого тем самым действия, — подчеркивает Ю. Д. Апресян, — это период, а не момент” [Апресян 1988: 78].

Выявляется, что форма перформативного настоящего передает не процесс, а наступление действия в аспектуальной позиции **актуального факта**: она описывает **возникновение новой ситуации**, то есть определенное во времени единичное, актуальное и целостное (имплицитно перфективное) действие, приуроченное к одному соотносимому отрезку или моменту

времени [Крекич 1993: 19–20]. Е. В. Падучева подчеркивает, что у перформативного глагола НСВ возникает значение завершенности действия, свойственное совершенному виду. По ее мнению, перформативные формы НСВ имеют значение СВ: “... сказав *Благодарю вас!*, человек, тем самым, **поблагодарил**” [Падучева 1996: 164].

2.4.2. Известно, что в русском языке имеются и перформативные глаголы СВ, как например: *попросить, посоветовать, порекомендовать, предложить, пожелать и потребовать*:

(8) Кузьмин. *Так вот что. Я предложу* (ср. порекомендую) *бург-мистром Дитриха*. [Братья Тур. Губернатор провинции] Вентура. *Можно мне получить номер?* Тереза. *Пожалуйста! Номеров сколько угодно!* Вентура. *А пока* (= а сейчас) *попрошу кофе*. [Г. Мдивани. День рождения Терезы. III]

Э. Кошмидер подчеркивает, что в ситуации перформативности надлежит ожидать форм совершенного вида: „theoretisch in der Koinzidenz der perfektive Aspekt zu erwarten ist” [Koschmieder 1930, 356]. Возникает вопрос, что помогает перформативным глаголам НСВ развить значение перформативности. На наш взгляд, семантические (то есть видо-временные) различия в перформативах НСВ и СВ сглаживаются, поскольку семантика перформативов НСВ “представляет называемые в основе действия как завершенные, то есть признак целостности, завершенности выражен в них на лексическом уровне (*предупредить, приглашать, приказывать* и др.)” [Шведова 1984: 101]. Но не нивелируется прагматическое значение формы НСВ и СВ: форма СВ перформативного глагола оказывает более сильное иллокутивное воздействие на адресата; выражаясь словами Ф. Ф. Авдеева, “просто здесь мы имеем дело с проявлением ингерентной (внутренней) экспрессивности форм совершенного вида” [Авдеев 1977: 76]. По-другому высказывается в этом вопросе А. В. Бондарко, который утверждает, что в перформативах СВ “футуральный оттенок может ослабляться, но... он все же полностью не устраняется” [Бондарко 1990: 36]. Приведем удачный пример А. В. Бондарко, в котором перформативные глаголы “прошу” и “попрошу” выражают настоящее время и отличаются лишь своим прагматическим значением:

- (9) Сазонов сказал: — **Убедительно прошу**. Вероятно, другой человек на его месте сказал бы сейчас: “Милая Лида!”... Но вместо этого Сазонов повторил: — **Убедительно попрошу**. [Меттер. Обида. Пример из — Бондарко 1971: 222]

На наш взгляд, как форма НСВ (*прошу*), так и форма СВ (*попрошу*) фиксирует наступление, возникновение новой ситуации, то есть актуальный факт. Обе формы “описывают единичную и притом реальную ситуацию, размещенную строго в настоящем” [Апресян 1986: 220].

2.5. Довольно редко используются глаголы НСВ в повторительном значении в актуальном настоящем. Повторяется монотемпоральное неопредельное по своей природе действие, приуроченное к одному узкому отрезку времени, к одной ситуации. Нерегулярно повторяющееся монотемпоральное действие выполняется в одно время и в одном месте. Особенно часто в позиции **актуально-повторительного значения** выступают глаголы прерывисто-смягчительного способа действия:

- (10) *Рядом тихо постукивает мотор, и сердце мое постукивает.* [Ч. Айтматов. Тополек мой в красной косынке]; *Зайка со стола убирает, а я курю да поглядываю, как она по избе бегаёт, ногами круглыми вертит* [В. Астафьев. Пастух и пастушка].

Необходимо подчеркнуть, что глаголы прерывисто-смягчительного способа действия, передающие монотемпоральное действие в позиции актуально-повторительного значения, обозначают (подобно остальным видовым позициям актуального настоящего) непосредственно воспринимаемое или **наблюдаемое** действие, часто в сочетании с другими актуально-процессными или актуально-длительными действиями.

3.1. В заключение нам хотелось бы подчеркнуть, что исследование видо-временной системы русского глагола предполагает подход к изучению видов не только с семантической, но и с прагматической точки зрения.

3.2. Выявилось, что в **актуальном настоящем** кроме актуально-процессного значения обнаруживается и актуально-длительное (в нашем понимании), актуально-фактическое и актуально-повторительное частновидовые значения.

3.3. **Актуально-процессное, актуально-длительное, актуально-фактическое и актуально-повторительное** значе-

ния объединяет “внешний” (то есть темпоральный) элемент **актуальности**, элемент актуального проявления действия в **настоящем**.

3.4. Процессность, длительность, фактичность и повторяемость характеризуют действие или состояние “изнутри”, то есть с точки зрения отношения говорящего (или субъекта) к развитию действия, что все более и более убеждает нас в том, что “вид” представляет собой не только семантическую, но и прагматическую категорию.

3.5. Наконец подчеркнем: если мы не хотим ошибаться в пользу языкового кода, то мы должны обратиться к прагматике, которая изучает не только словесный контекст, но и всю ситуацию, в которой осуществляется речевой акт.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев Ф. Ф. 1977 — О выражении повторяющихся действий глаголами совершенного вида в историческом настоящем. *Вопросы русской аспектологии*. II. Тарту.
- Апресян Ю. Д. 1986 — Перформативы в грамматике и в словаре. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. 3.
- Апресян Ю. Д. 1988 — Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке. *Русистика сегодня*. Москва.
- Апресян Ю. Д. 1995 — *Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва.
- Бондарко А. В., Буланин Л. Л. 1967 — *Русский глагол*. Ленинград.
- Бондарко А. В. 1971 — *Вид и время русского глагола*. Москва.
- Бондарко А. В. 1987 — Лимитативные ситуации. *Теория функциональной грамматики. Введение; Аспектуальность; Временная локализованность; Таксис*. Ленинград.
- Бондарко А. В. 1990 — Темпоральность. *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Ленинград.
- Гловинская М. Я. 1982 — *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. Москва.
- Гловинская М. Я. 1989 — Семантика, прагматика и стилистика видовременных форм. *Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект*. Москва.
- Крекич И. 1993 — *Побудительные перформативные высказывания*. Szeged.
- Лухт Л. И. 1982 — Предикаты состояния. *Семантические типы предикатов*. Москва.

- Маслов Ю. С. 1948 — Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. *Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка.*
- Падучева Е. В. 1996 — *Семантические исследования.* Москва.
- Поспелов Н. С. 1966 — О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в современном русском языке. *Вопросы языкознания.* 2.
- Шведова Л. Н. 1984 — *Трудные случаи функционирования видов русского глагола.* Москва.
- Ясаи Л. 1995 — К критике и защите семантического инварианта в зеркале обучения видам. *Slavica Quinqueecclesiensia.* Pécs.
- Ясаи Л. 1996 — Изучение вида с учетом лексической семантики глагола. *Вестник филиала Института русского языка имени А. С. Пушкина.* Будапешт. 3.
- Koschmieder E. 1930 — Durchkreuzungen von Aspekt- und Tempus-system im Präsens. *Zeitschrift für slavische Philologie,* Leipzig. 7.
- Péter M. 1991 — *A nyelvi érzelemkifejezés eszközei és módjai.* Budapest.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ РАЗРЯД МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В MORFOЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ю. С. КУДРЯВЦЕВ

К числу важных прагматических средств языка относятся модальные глаголы. Поскольку они выражают желание, дают оценку возможности действия или передают волевое побуждение к нему, эти глаголы своей функциональной стороной обращены к личности. Некоторые из модальных глаголов (*мочь, хотеть, велеть*) относятся к наиболее частотным лексемам русского языка.

Модальные глаголы как семантическая группа сравнительно хорошо исследованы. Меньше внимания в русистике уделялось формальным свойствам данной группы. В РГ-80 модальные глаголы упоминаются в разделе “Несоотносительные глаголы несовершенного вида” и характеризуются как непредельные [РГ-80: 592–593]; таким образом, *захотеть, пожелать, понадеяться* и т.п. из данного разряда выводятся, что создает серьезные затруднения в семасиологическом плане. Допустим, что *захотеть* не является видовой парой к *хотеть*; в таком случае, по-видимому, этот глагол относится к начинательному способу действия [Там же: 596–597]. Это, однако, не устраняет чрезвычайной семантической близости *захотеть* и *хотеть* (как и *расхотеть*), и тезис о лексической обусловленности видовой характеристики *хотеть* (“действие, называемое этими глаголами, не может иметь предела в том наиболее абстрактном значении, о котором говорится в § 1386” — Там же: 592) повисает в воздухе.

Наблюдения показывают, что ряд глаголов с модальной семантикой (см. список 1 в конце статьи) обладают в русском языке оригинальными морфологическими свойствами, не отмеченными в РГ-80. Данные свойства связаны с функционированием категорий времени и наклонения. В совокупности они позволяют нам в предлагаемой работе выдвинуть тезис о существовании в морфологической системе русского языка особого лексико-грамматического разряда (в дальнейшем — ЛГР), предварительное описание которого выносится на суд читателя. Необходимо заметить, что наша работа не является лексикологической или синтаксической, а целиком относится к разделу морфологии современного русского языка.

ПОНЯТИЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО РАЗРЯДА

Данное понятие наряду с понятиями грамматической категории и лексико-грамматического класса (“часть речи”) относится к числу основных инструментов описания морфологической системы флективных языков. “В пределах каждой знаменательной части речи выделяются лексико-грамматические разряды слов. Это такие подклассы данной части речи, которые обладают общим семантическим признаком, влияющим на способность слов выражать те или иные морфологические значения или вступать в противопоставления в пределах морфологических категорий” [РГ-80: 459]. Из этого определения видно, во-первых, что ЛГР является собственно грамматическим явлением, обладающим обоими планами: выражения и содержания — и указывающим на корреспонденцию этих планов (в отличие, напр., от типов склонения, которые являются чисто формальными единицами описания). Во-вторых, ЛГР предстает перед нами как классификационная единица, однородная с частями речи, хотя и более низкого ранга. Это позволяет добавить к числу возможных формальных признаков ЛГР “общность основных синтаксических функций” [Там же: 457].

Понятие ЛГР имеет не только важное теоретическое, но и большое практическое значение. Общие сведения о парадигме данной части речи корректируются сведениями об ограничениях, накладываемых на парадигму слов данного разряда. Например, для изучающих русский язык как иностранный необходимо знать, что относительные и притяжательные прилагательные

тельные не образуют не только степеней сравнения, что прямо следует из семантики, но и кратких форм, что не может быть непосредственно выведено из их лексического значения.

Состав ЛГР обусловлен спецификой данного конкретного языка, хотя некоторые ЛГР проявляют тенденцию к универсальности, или, лучше сказать, являются фреквенталиями. Специфично также лексическое наполнение ЛГР. Отметим здесь, что понятия ЛГР и лексико-семантической группы не совпадают: слово может иметь данный семантический признак, но не обладать соответствующими формальными. Так, в русском языке *армия*, *полк* лексически собирательны: обозначают совокупность однородных “предметов”, но не относятся к ЛГР собирательных существительных, поскольку имеют множественное число с типовой семантикой: *армии* = много армий. Это главная причина, по которой понятие ЛГР относится к грамматическим (морфологическим), а не к семантическим категориям.

В русистике применение понятия ЛГР является давней традицией для описания имен и местоимений. Хорошо известны разряды абстрактных, вещественных, собирательных существительных, качественных, относительных и притяжательных прилагательных, количественных, порядковых и собирательных числительных, личных, притяжательных, вопросительно-относительных и т.д. местоимений. Из изменяемых частей речи только глагол долгое время по неясным для нас причинам оставался категорией, к которой данное понятие не применялось. Попытка единообразной методики описания морфологии русского языка предпринята в РГ-80. Здесь выделяются многочисленные ЛГР глагольных лексем [Там же: 459, 582–583]. Однако интересующий нас разряд, как уже сказано, и в РГ-80 не выделен.

ПРИЗНАКИ ЛГР МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Семантическим признаком разряда выступает модальность значения его членов: соответствующий глагол обозначает не действие, а интенцию субъекта, адресата либо предмета речи. Это выдвигает на первый план в данном разряде прагматические аспекты функционирования лексического знака. Это также

приводит к тому, что некоторые представители ЛГР относятся к числу чрезвычайно частотных лексем русского языка. Впрочем, сразу же полезно отметить, что для принадлежности к разряду, т.е. для обладания специфическими формальными свойствами, достаточно наличия **модальной семы**, которая может сочетаться в конкретной лексеме с другими семами, вплоть до одновременного обозначения глаголом действия и интенции. Как указал при обсуждении на семинаре проф. В. С. Храковский, *велеть* сочетает в себе элементы обозначения интенции (волеизъявления): *велю*, т.е. хочу, чтобы ты сделал, и конкретного действия: *велю*, т.е. выражаю свою волю здесь и сейчас. Кроме того, здесь наличествует сема каузативности.

Иными словами, в различных семантических классификациях *велеть* будет входить в разные группы в соответствии со сложностью состава своего лексического значения. Но это не отменяет того факта, что при наличии в системе соответствующего языка (в нашем случае — русского) ЛГР модальных глаголов *велеть* может войти в данный ЛГР, если оно обладает его формальными свойствами. Для принадлежности к ЛГР достаточно наличия семантического признака и не требуется исчерпанности лексического значения данным признаком. Ср. *тряпье* и *студенчество*, обладающие, по-видимому, только одной общей семой 'совокупность', но входящие на равных правах в ЛГР собирательных существительных.

Верно и обратное: не все глаголы, имеющие сему модальности, входят в русском языке в ЛГР модальных глаголов. См. список 2.

Важнейшим синтаксическим признаком выделяемого разряда выступает его типовая сочетаемость с инфинитивом другого глагола, хотя она и не является единственно возможной, ср. *хочу сказать*, но и *хочу рыбки*. В сочетании с зависимым инфинитивом, которое оценивается как синтаксически нераздельное, модальный глагол реализует прагматическую компоненту смысла, тогда как инфинитив основного глагола способен передавать любые его оттенки, включая как частный случай и прагматику, ср. *Я не мог этого хотеть*. Таким образом, модальный глагол, как и некоторые другие разновидности глагольной лексики, способен сливаться с другим глаголом в не-

раздельное целое, обозначающее не два действия или состояния, а одно действие или состояние в различных его прагматических модусах. Видимо, из этой слитности происходит и его сильный морфологический признак в русском языке — отсутствие формы будущего сложного времени.

Принципиальное значение сочетаний модальных глаголов с инфинитивами выявляется и этимологией их названия: от лат. *modus* ‘образ, род, способ’. Как видим, изначально подчеркивалась грамматическая функция видоизменения (“образ”) предиката¹. Связь модальности с интенцией и прагматикой была осознана позднее.

Исходя из этих соображений, мы проверяли глагольную лексику на наличие сложного будущего времени в сочетании с инфинитивом. Этот признак ЛГР в одних случаях имеется у глагола как в связанном, так и в свободном употреблении. Напр., нельзя не только *я буду мочь сделать, но и *я буду мочь (можно я смогу). В других случаях глагол входит в ЛГР только одним своим употреблением, а именно в сочетании с инфинитивом. Напр., нельзя *буду хотеть учиться, но можно Хотел, хочу и буду хотеть (шутл.) Аналогично масло ‘вещество’ имеет только единственное число и относится к ЛГР вещественных существительных, а масло ‘сорт вещества’ изменяется по числам: *растительное масло* — *растительные масла*, и, строго говоря, в разряд собирательных не входит. Разница в морфологических свойствах разных лексико-семантических вариантов слова постоянно подчеркивается Ю. Д. Апресяном и И. А. Мельчуком.

Переходим к морфологическим признакам, которые являются основными формальными показателями ЛГР как морфологического явления, а во многих грамматических описаниях даже единственно возможными. Эти признаки в нашем разряде обнаруживаются в сфере категорий времени и наклонения.

¹ Это, по-видимому, относится не только к термину *модальный*. Характерна также “неопределенность” значения слова *modus* как грамматического термина: и ‘залог’, и ‘наклонение’. В сущности *modus* здесь означает грамматическую форму, характер которой не уточняется. То же можно сказать по поводу первоначального смысла славянского грамматического термина *вид*. В результате перевода на латынь (*аспект* — конечно, калька) этот смысл был одновременно уточнен и изменен.

Предварительно выявлено отсутствие у данного ЛГР форм будущего сложного времени и повелительного наклонения или их нестандартное использование.

Сложен вопрос о сослагательном наклонении. Соответствующие сочетания строятся по модели модальный глагол + контактное бы + дистантный инфинитив, которая может быть интерпретирована трояко. **А.** Сослагательное наклонение модального глагола + инфинитив без *бы*. **Б.** Сочетание двух вспомогательных форм (модальный глагол + *бы*), относимое по контексту к основному глаголу в форме инфинитива. **В.** Две формы сослагательного наклонения с “вычеркиванием” тавтологического *бы*. Решение **Б** означает отсутствие у модального глагола форм сослагательного наклонения. Однако такого рода коллизии в описаниях весьма трудно преодолимы, и мы предпочли оставить в стороне вопрос о сослагательном наклонении модальных глаголов.

Опишем морфологические признаки ЛГР более подробно.

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

Этот признак мы называем сильным, потому что на него наложено меньше ограничений и потому, что глаголы, обладающие другим признаком ЛГР — отсутствием или отклонениями в употреблении императива, — обладают и первым признаком. Разумеется, исключением являются глаголы *perfectiva tantum*, у которых будущее сложное не образуется по определению. Отнесение этих глаголов к выделенному нами разряду возможно только по проявлению у них категории наклонения. Еще одна причина выделять признак времени у данных глаголов как сильный — отсутствие очевидной обуславливающей связи между значением разряда и спецификой проявления категории времени.

Члены ЛГР модальных глаголов в русском языке, как правило, не образуют будущего сложного времени в сочетании с инфинитивом. Они часто также не образуют этой формы и в изолированном употреблении. Некоторое число глаголов, входящих в ЛГР, образуют данную форму только с отрицанием или в конструкциях, не утвердительных по смыслу (напр., условных, вопросительных):

Ребенок не будет давать тебе спать по ночам. Не будут дозволять общаться между собой. Если будут позволять общаться между собой... Будут ли позволять общаться между собой? В случае, если он будет дерзать появляться...

Неупотребление формы в утвердительном смысле рассматривается нами как отклонение от нормы и, следовательно, признак принадлежности глагола к выделяемой ЛГР, на следующих основаниях. Утвердительная конструкция является в русском языке немаркированной во всех отношениях, поскольку она а) проще по смыслу (не содержит дополнительных сем отрицания, условия, вопроса); б) проще по форме (отсутствуют формальные показатели *не, если, ли*, вопросительная интонация); в) употребляется в речи чаще неутвердительных (последнее, впрочем, устанавливается по интуиции). Если бы в языке отсутствовала маркированная конструкция при наличии немаркированной, то такое обстоятельство можно было бы трактовать как случайную лакуну в системе. Наблюдаемое же нами положение не может являться случайным и каким-то образом связано с принадлежностью глагола к данному ЛГР.

Специфика реализации категории времени, в качестве сильного признака, была положена нами в методическую основу данного небольшого исследования. А именно, любое подозрение в возможности употребления формы будущего сложного в утвердительном смысле служило основанием для вывода глагола, несмотря на его лексическое значение, за рамки выделяемого ЛГР. Методика, таким образом, заключалась в проверке (в предварительном исследовании — интуитивной) возможности соответствующего употребления будущего сложного. Некоторые придуманные нами контексты могут показаться искусственными. Напр.:

Будем готовиться отплыть. Останавливай его, как он будет приниматься подпрыгивать. Он будет разрешать мне брать свои книги. Каждый миг она будет рваться излить свои страсти. Долго ли, наконец, он будет решаться открыть свою тайну? Посмотрим, как ему будет удаваться теперь надуть нас.

Однако мы хотели избежать упрека в раздувании объема выделяемого нами разряда и поэтому предпочли во всех подобных случаях выводить соответствующий глагол за рамки списка 1.

Разумеется, окончательное установление объема разряда требует применения более строгих методик.

Из сказанного следует, что список 2 есть список глаголов, для которых принадлежность к разряду не доказана. Многие из них бесспорно содержат сему модальности, и в ряде случаев причины различий в морфологических свойствах совершенно непонятны. Ср., напр., *желать* — член ЛГР — и *жаждать* — не относится к разряду. Это еще раз демонстрирует отсутствие параллелизма в языке между планами выражения и содержания. В ходе работы большие затруднения создавало отсутствие в нашем распоряжении полного списка глаголов русского языка с модальной семой. Сбор материала проводился различными, иногда кустарными путями. В качестве одного из полезных источников укажем работу [Шелякин 1996]. Таким образом, публикуем список 2 не только как свидетельство нашей непредвзятости, но и как предварительный очерк границ семантической группы модальных глаголов в русском языке, разумеется, не претендующий ни на исчерпывающую полноту, ни на надежность отнесения каждого данного глагола к семантической группе модальных. В конце концов, мы просто хотели показать, что из материала мы уже проверили.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Более очевидным, хотя и менее распространенным морфологическим признаком нашего ЛГР выступает отсутствие формы императива или ограничения на ее употребление. В редких случаях императив отсутствует вообще (у безличных *надоедает / надоест, не терпится, следует, приходится / придется, стоит*). Значительно чаще его употребление ограничено а) формами т.н. квазиимператива; б) формами с отрицанием; в) положительными формами с отрицательным смыслом (*Замысли только меня ограбить!..* = ‘не замышляй’). Легко видеть, что все три случая характеризуются определенной семантической общностью: если императив в основной функции означает побуждение к действию, то вышеназванные употребления объединяются отсутствием такового (как частный случай — побуждением к отказу от действия).

Особое функционирование императива является слабым признаком данного ЛГР по сравнению с функционированием

БС, потому что ряд глаголов образует императив свободно. Анализ показывает, что это глаголы, требующие объектного инфинитива, напр., *велеть*. В то же время слабость данного признака относительна, поскольку у глаголов *perfectiva tantum* принадлежность к ЛГР может быть установлена только по нему (нет БС по определению).

В заключение несколько слов о возможных причинах образования ЛГР модальных глаголов в русском языке. Ограничения на употребление императива очевидно связаны с семантикой. Как указала при обсуждении доклада М. Д. Воейкова, данные глаголы обозначают не контролируемые субъектом действия или состояния. Труднее понять отсутствие БС. Возможно, оно связано с перестройкой видо-временной системы модальных глаголов в сочетаниях с инфинитивом другого глагола. 5 видо-временных форм модального глагола и 2 видовые формы основного глагола дают 10 возможных комбинаций, ряд из которых мог оказаться избыточным. Чем теснее модальный глагол связан с инфинитивом, тем вероятнее вытеснение из системы отдельных форм, а также изменение их семантики. Обращает на себя внимание перфективное значение прошедшего НСВ у таких глаголов, как *хотеть*: *Я хотел (сказать)...* ситуативно по смыслу может совпадать с *Я хочу (сказать)...* Поскольку модальные глаголы обозначают, как правило, состояние, расплывчатый характер семантики их временных форм вполне естествен. Однако остается неясным, почему все это вызывает решительный сдвиг именно в будущем сложном времени. На данном этапе ЛГР модальных глаголов должен быть просто зафиксирован в синхронных описаниях русского языка, особенно в описаниях для иностранцев.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список 1. ГЛАГОЛЫ ЛГР МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ.

Видовые пары определены по [Ожегов 1984].

В первом разделе приводятся глаголы с семей 'хочу', во втором — с семей 'могу', в третьем — 'надо'.

Сокращения: БС — будущее сложное, Имп — императив, Инф — инфинитив, НСВ — несовершенный вид, СВ — совершенный вид.

I

1. *Вздумать* — только СВ. Имп в собств. знач. с отриц.: *Не вздумай только смеяться*. Имп в несобств. знач.: *Вздумай он только противоречить...* Инф субъектн.
2. *Вознамериваться / вознамериться*: нет БС, нет Имп в собств. знач. Имп в несобств. знач.: *Вознамерься он только покинуть ее...* Инф субъектн.
3. *Догадываться / догадаться*. Нет БС в утвердит. констр. с Инф. БС с отриц.: *Если не будет догадываться сказать, то подтолкни...* Нет Имп в собств. знач. с Инф. Имп в несобств. знач.: *Догадайся он признаться в собственной неопытности, все пошло бы иначе*. Инф субъектн.
4. *Думать / подумать*: нет БС. Имп в собств. знач. с отриц.: *Не думай возражать*. Инф субъектн.
5. *Желать / пожелать кому*: нет БС. Имп образуется свободно: *пожелай мне сдать экзамен*. Инф объектн., также при себе: *пожелай себе стать генералом*.
6. *Желать / пожелать что*: нет БС, нет Имп в собств. знач. Имп в несобств. знач.: *Пожелай он только научиться...* Инф субъектн.
7. *Замышлять / замыслить*: нет БС в утвердит. констр. В других констр.: *Если ты когда-нибудь еще будешь замышлять меня ограбить...* Нет Имп в констр. с положит. смыслом. С отрицат.: *Замысли только меня ограбить...* Инф субъектн.
8. *Захотеть* — только СВ. Нет Имп в собств. знач. Имп в несобств. знач.: *захоти он признаться...* Инф субъектн.
9. *Изволить* — только НСВ. Нет БС в утвердит. констр. БС в вопросит. констр.: *Будет ли государь изволить танцевать со мной на завтрашнем балу?* Имп образуется свободно: *Извольте кушать*. Предполагаем, что *изволить* = 'велеть себе', поэтому Инф объектн.
10. *Намереваться* — только НСВ. Нет БС, нет Имп в собств. знач. Имп в несобств. знач.: *Намеревайся он покинуть ее, она бы это заметила*. Инф субъектн.
11. *Намечать / наметить*: нет БС. Имп в собств. знач. с отриц.: *Не намечай идти туда в понедельник*. Имп в несобств. знач.: *Намечай он поехать в Москву, она об этом бы догадалась*. Инф субъектн.
12. *Нравиться / понравиться* — безл. Нет БС в утвердит. констр. с Инф. В другой констр.: *Кому будет нравиться получать тычки!* Нет Имп в собств. знач. с Инф. Имп в несобств. знач.: *Понравься он ей серьезно, она бы поступила по-другому*. Инф субъектн.

13. *Планировать / запланировать*: нет БС, нет Имп в собств. знач. Имп в несобств. знач.: *Планируй он поехать в Москву, она об этом бы догадалась.* Инф субъектн.
14. *Помышлять (помыслить)* не сочетается с Инф): нет БС. Имп в собств. знач. с отриц.: *Отблагодаришь его и не помышляй!* Имп в несобств. знач.: *Не помышляй он завоевать весь мир...* Инф субъектн.
15. *Предполагать (предположить)* не сочетается с Инф): нет БС, нет Имп в собств. знач. Имп в несобств. знач.: *Не предполагай он встретить Семенова в парке, не пошел бы туда гулять.* Инф субъектн.
16. *Приохотиться* — только СВ; нет Имп в собств. знач. Имп в несобств. знач.: *Вот и приохотится лиса по курочек ходить.* Инф субъектн.
17. *Приспичить* — безл., только СВ. Нет Имп в собств. знач. Имп в несобств. знач.: *Приспичь в туалет сходить — некуда.*
18. *Пристраститься* — только СВ; нет Имп в собств. знач. Имп в несобств. знач.: *Вот и пристрастись лиса по курочек ходить.* Инф субъектн.
19. *Раздумывать / раздумать*: нет БС, нет Имп в собств. знач. в утверд. смысле. В неутвердит. констр.: *Не раздумай только поступать в университет!* Инф субъектн.
20. *Расхотеть* — только СВ; нет Имп в собств. знач. В несобств. знач.: *Расхоти он идти в военную службу — наследства от меня не получит.* Инф субъектн.
21. *Собираться / собраться*: нет БС, нет Имп в собств. знач. Имп в несобств. знач.: *Не соберись он отдыхать на юге, не пошел бы в агентство и не познакомился с ней. Соберись только вздремнуть, и сразу...* Инф субъектн.
22. *Соглашаться / согласиться* — нет БС в утвердит. констр. В других констр.: *Если она не будет соглашаться выйти за тебя замуж...* Нет Имп в собств. знач. без отриц. Имп с отриц.: *Не соглашайся у них работать.* Имп в несобств. знач.: *Согласись ты тогда со мной поехать, дело обернулось бы иначе.* Инф субъектн.
23. *Соизволять / соизволить*: нет БС, нет Имп в собств. знач. Имп в несобств. знач.: *Соизволь даже государь наказать меня, принял бы как должное.* Инф субъектн.
24. *Хотеть* — только НСВ. Нет БС, нет Имп в собств. знач. Имп в несобств. знач.: *Хоти не хоти...* Инф субъектн.

II

25. *Дерзать / дерзнуть*: нет БС в утвердит. констр. В другой: *В случае, если он будет дерзать появляться на глаза...* Нет Имп в

- констр. с положит. смыслом. С отрицат.: *Держни только отказаться!* Инф субъектн.
26. *Доводиться / довестись* — безл. Нет БС. Нет Имп в собств. знач. Имп в несобств. знач.: *Такой человек — не доведись встретиться!*
27. *Мочь / смочь*: нет БС, нет Имп в собств. знач. Имп в несобств. знач.: *У Фаддей Семеныча уж так: не могли дворянства слова вымолвить.* Инф субъектн.
28. *Надоедать / надоесть* — безл. Нет БС. Нет Имп.
29. *Не преминуть* — признаком принадлежности к ЛГР является невозможность употребления положит. формы.
30. *Случаться / случиться* — безл. Нет БС. Нет Имп в собств. знач. Имп в несобств. знач.: *Раз случись ему гулять по Невскому.*
31. *Сметь / посметь*: нет БС, нет Имп в собств. знач. в констр. с положит. смыслом. С отрицат.: *не смей противоречить; посмей только убежать.* Имп в несобств. знач.: *посмей он возразить...* Инф субъектн.
32. *Не терпеться* — безл., только НСВ. Нет БС без отриц. Нет Имп. Инф субъектн.
33. *Умудряться / умудриться*: нет БС в утвердит. констр. В другой констр.: *Если они и дальше будут умудряться проигрывать каждый второй матч...* Нет Имп в собств. знач. Имп в несобств. знач.: *Умудрись он даже...* Инф субъектн.

III

34. *Велеть / велеть* (двувидовой глагол): нет БС. Имп образуется свободно, т.к. Инф объектн.: *Вели накрывать на стол.*
35. *Давать / дать*: нет БС в утверд. констр. В отрицат.: *Ребенок не будет давать тебе спать по ночам.* Имп образуется свободно, т.к. Инф объектн.
36. *Дозволять / дозволить*: нет БС в утверд. констр. В других констр.: *Не будут позволять общаться между собой. Если будут позволять общаться между собой... Будут ли позволять общаться между собой?* Имп образуется свободно: *Дозволь им только это сделать*, т.к. Инф объектн.
37. *Не замедлить* — только СВ. Признаком принадлежности к ЛГР является невозможность употребления положит. формы в модальной функции, т.е. с Инф.
38. *Надлежать / Ø* — безл. Нет БС. Нет Имп в собств. знач. Имп в несобств. знач.: *Даже надлежи ему являться в присутствие каждый день, он все равно бы...*
39. *Повелевать / повелеть*: нет БС. Имп образуется свободно, т.к. Инф объектн.: *Цари и повелевай подданными.*

40. *Приходиться / прийти́сь* — безл. Нет БС. Нет Имп.
 41. *Распоряжаться / распорядиться*: нет БС в констр. с Инф. Имп образуется свободно, т.к. Инф объектн.
 42. *Решать / решить*: нет БС в констр. с Инф. Нет Имп в собств. знач. Имп в несобств. знач.: *реши он призваться...* Инф субъектн.
 43. *Следовать / ∅* — безл. Нет БС. Нет Имп.
 44. *Стоить* — безл. Нет БС, нет Имп. Констр. *стоит, стоило мне...* функционально равнозначна квазимперативу с условным знач.
 45. *Требоваться / потребоваться* — безл. Нет БС в констр. с Инф. Нет Имп в констр. с Инф.

Список 2. ГЛАГОЛЫ, НЕ ВХОДЯЩИЕ В ЛГР МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ.

Бояться: Ты всегда будешь бояться сказать правду. *Брезгать / -овать*: Он не годится для этой должности: будет брезговать черной работой. *Воздерживаться*: Мы будем воздерживаться говорить об этом. *Вынуждать*: Новые правила будут вынуждать чиновников каждый день являться в присутствие. *Готовиться*: Будем готовиться отплыть! *Дернуть* — безл., только СВ. Доказать принадлежность к ЛГР невозможно. *Жаждать*: Наверняка он будет жаждать тебя увидеть. *Заботиться* + инф. — нет; СВ имп.: позаботься предупредить его. *Забывать*: Он будет забывать пообедать. *Замышлять*: Они будут замышлять покорить весь мир. *Запрещать*: Будет запрещать курить. *Заставлять*: Новые правила будут заставлять чиновников каждый день являться в присутствие. *Затягивать* + инф. — устар. *Избегать*: Мы будем избегать говорить об этом. *Ладить*: Опять будет ладить к нам пристроиться. *Любить* — Твой муж будет любить покушать. *Мечтать*: Каждый день ты будешь мечтать вырваться отсюда. *Мешать*: Приду и буду мешать тебе работать. *Надеяться*: Каждый будет надеяться выжить в одиночку. *Научиться*: Здесь они будут научиться водить машину. Имп.: Научись читать. *Научить* — нет НСВ, имп.: научи их сначала читать. Инф. объектный, поэтому доказать принадлежность к ЛГР не представляется возможным. *Неволить*: Батюшка будет неволить замуж идти. *Ненавидеть*: Будет ненавидеть работать. *Обещать*: Я его знаю: будет обещать озолотить тебя. *Обучать*: Буду вас обучать читать. *Обучаться*: Здесь они будут обучаться водить машину. *Обязывать*: Новые правила будут обязывать чиновников каждый день являться в присутствие. *Опаздывать*: Я его знаю: каждый месяц будет опаздывать платить за квартиру... *Опасаться*: Ты будешь опасаться выйти из дому. *Осмеливаться*: Это такой человек: будет вести себя нагло, будет осмеливаться вам перечить! *Остается*: Что нам будет оставаться делать? *Отваживаться*: И ты еще будешь отваживаться мне перечить! *Отговаривать*: Будет отговаривать жениться. *Отказываться*: Она будет отказываться сделать это. *Повезти* — НСВ не употребляется с инф. СВ не образует имп. в собств. знач., т.к. глагол безличный. *По-*

вестись — НСВ не употреб. с инф. Отсутствие имп. связано с безличностью. *Повременить* — нет НСВ; имп. свободно: повремени делать выводы. *Подобать*: Стану я майором — будет мне подобать знаться с важными персонами. *Позволять*: Новый царь будет позволять дворянам жить в имениях. *Полагается*: Гимназистам будет полагаться носить форму. *Помогать*: Будешь помогать ему нести его крест. *Поручить*: На этой службе будут поручать тебе делать грязные дела. *Порываться*: Каждый раз, когда он будет порываться встретиться с ней... *Посчастливилось* — нет НСВ; имп. не образуется, потому что безличный глагол. *Поучиться* — нет НСВ, имп.: поучись сначала читать. *Предлагать*: Буду предлагать им вступить в переговоры. *Привыкать*: Будешь привыкать надеяться на себя. *Призывать*: Будет призывать сдаться. *Приказывать*: На военной службе будут приказывать стрелять. *Приневолять*: Батюшка будет приневолять замуж идти. *Приниматься*: Останавливай его, как он будет приниматься подпрыгивать. *Принуждать*: Тебя будут принуждать изменить родине. *Приняться*: Когда будет приниматься читать... *Приспособиться*: Будем приспособливаться писать в стол. *Приходится* — нет НСВ, нет имп. по причине безличности. *Пробовать*: Завтра буду пробовать пробиться к нему. *Просить*: Будет просить отдать долг. *Пытаться*: Будем пытаться отклонить его от этого решения. *Разрешать*: Он будет разрешать мне брать свои книги. *Рассчитывать*: Будем рассчитывать убедить его. *Рваться*: Каждый миг она будет рваться излить свои страсти. *Решаться*: Долго ли, наконец, он будет решаться открыть свою тайну? Решись признаться, что...; *Рисковать*: Каждый раз, когда он будет рисковать вмешиваться... *Советовать*: Будет советовать сдаться. *Спешишь*: Будем спешить жить. *Стараться*: будем стараться справиться с трудностями. *Страшиться*: Ты будешь страшиться выйти из дому. *Стремиться*: Мы будем всеми силами стремиться помочь. *Стыдиться*: Ты будешь стыдиться выйти из дому. *Торопиться*: Будем торопиться жить. *Требовать*: Будет требовать заплатить. *Убеждать*: Будет убеждать сдаваться. *Уговаривать*: Будет уговаривать приехать. *Удаваться*: Посмотрим, как ему будет удаваться теперь надувать нас. *Уметь*: Будете уметь читать и писать. *Упрашивать*: Будет упрашивать приехать. *Успевать*: И я все буду успевать делать. *Устроиться*: И опять каждый день будет устраиваться работать на уголке стола. *Ухитряться*: Посмотрим, как он будет ухитряться теперь платить за квартиру. *Учить*: Буду вас учить читать. *Учиться*: Буду учиться читать. *Хотеться*: Больному все время будет хотеться пить.

ЛИТЕРАТУРА

- Ожегов С. И. 1984 — *Словарь русского языка*. Москва. РГ-80 — *Русская грамматика*. Т. 1. Москва.
 Шелякин М. А. 1996 — О функциональной сущности русского инфинитива. *Словарь. Грамматика. Текст*. Москва. 288–302.

ФУНКЦИИ И ЗНАЧЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ КНИЖНОМ ЯЗЫКЕ XI–XIV ВВ.

А. М. КУЗНЕЦОВ

Количественные местоимения в старославянском и церковнославянском языке представлены следующими лексемами:

указательные	—	СЕЛНКЪ ТОЛНКЪ
относительное	—	КЛНКЪ
вопросительное	—	КОЛНКЪ
неопределенное	—	НЪКОЛНКЪ

В древнейших памятниках не фиксируется отрицательное местоимение с частицей-приставкой *нн-*. Эти местоимения являются производными от соответствующих указательных, относительно-анафорических и вопросительных местоимений *сѣ*, *тѣ*, *н*, *кѣ* (*тѣ*). Что касается формантов, участвующих в словопроизводстве, то этимологи предлагают, например, форму *колнкѣ* рассматривать как сложение **ko li ko*, в котором вторая местоименная частица **ko* расширяет первоначальное сложение **ko li* [ЭССЯ 10 1983: 135–136], ср. польские количественные местоимения *ile*, *tyle*; вероятно, процесс подобен развитию *сѣдесѣ* < *сѣде*. Развитие согласования переводит образовавшееся сложение в тематические основы *колик-ѣ*, *-а*, *-ѣ*. Благодаря соотносительности в синтаксически парных конструкциях возникают остальные формы по образцу местоимения *колнкѣ*: *колнкѣ* — *клнкѣ*, *колнкѣ* — *толнкѣ*, заполняя свободные клетки данного разряда. Редкие случаи использования *клн* в количественном значении отмечаются еще в рукописях XII в. [СДРЯ III 1990: 206]. Специализация

данных образований как количественных слов (предшествующие сложения **ko li*, **je li*, **to li* имели более широкий круг значений, ср. с этим фактом современное русское местоимение *что* в причинном, качественном и временном значениях в разговорной речи: *Что не пошел? Что мать? Что мне 100 рублей? Что ни день, в театр ходит*) рождает представление о "количественном" суффиксе *-(о)нк-/-(-ел)нк-*. В связи с этим даже количественное прилагательное *кѣлнн*, представляющее собой отнаречное образование (ср. польское *wiele*) с суффиксом **-ij-*, как в *третнн*, перестраивается по их образу и подобию в *кѣлнкъ*.

Хотя перечисленные местоимения наследуют корни соответствующих непрямых местоимений, их функции и значения, как будет показано ниже, не вполне соответствуют функциям и значениям производящих. Толкование значений этих местоимений в исторических словарях при помощи перевода на современный русский язык, к сожалению, является недостаточным, чтобы представить все особенности их функционирования в древних текстах.

Известно, что указательные местоимения в диалогической речи могли сохранять связь с грамматическим лицом: 1 л. *азъ* — *сѧ*, 2 л. *ты* — *тъ*, 3 л. *онъ* — *онь*. Правда, соблюсти подобную привязку к лицу даже в диалоге не всегда удается, поскольку не всякое предметное и тем более не-предметное существительное четко вписывается в трехчленную систему отношений. Иногда позиция говорящего и слушающего противопоставлена как одно целое какой-либо другой позиции в плане расстояния: *сѧ полъ* — *онъ полъ*, *се врьма* — *оно врьма*, т.е. используется бинарная оппозиция. В повествовании о третьих лицах в репликах диалога и в монологической речи указательные местоимения получают функцию анафорическую, из-за чего система их употребления перестраивается: все они становятся синонимичными друг другу, да еще к ним добавляется относительно-анафорическое местоимение *н* (они могут и противопоставляться в контексте как 'этот' и 'тот').

Интересно, что на базе указательных местоимений возникают только два указательно-количественных местоимения — *СЕАНКЪ* и *ТОЛНЪ*, а основа *ОНЪ* не используется. Почему? Эти два новых местоимения соединяют в себе идею указания и идею количества. Однако подобное соединение не означает указания на предмет через его количество, оно означает только указание на само количество. Количество есть признак предмета, этот признак мог быть выражен в индоевропейских языках лексическими и грамматическими средствами. Но выраженный отдельным словом в высказывании, признак количества тем самым актуализируется, образует самостоятельную рему: например, высказывание *Три мальчика опоздали* имеет смысл такой, что опоздавших было трое. Даже замещение номинативно-количественного слова местоименно-количественным не может привести к слиянию количественного признака и названия предмета в единую номинативную группу, поэтому идея указания в составе данных местоимений никак не может быть отторжена от идеи количества и перенесена на сам предмет. Значения указания никак не могут быть построены в системе личных отношений, и местоимения *СЕАНКЪ* и *ТОЛНЪ* становятся либо синонимами, либо контекстуальными антонимами (если одно количество противопоставлено другому, подобно 'этот' и 'тот'). Третье местоимение оказывается лишним.

Когда же местоимения могут указывать на количество, т.е. выполнять дейктическую функцию? Вероятно, только в реальном диалоге, в дискурсе, когда речь сопровождается указательными жестами, например: *Я беру (вот) столько муки и добавляю (вот) столько молока*. Такая реплика может служить ответом на вопрос, и тогда указательные местоимения соотносятся с вопросительным местоимением *КОАНЪ*. В письменной речи простая (дословная) передача такой фразы невозможна, поскольку дискурс превращается в текст без соответствующей обстановки, жестов и интонаций. Приходится давать словесный комментарий:

(1) *Прнде| къ женѣ радоуѣ сѣ. она же видѣвъши рече к|моу. на колнцѣ прода. мьнѣвъши яко нан на| патн. нан на ·Т·*

мѣдѣннѣ продаста н. онъ же| нзнесъ трн съта
сребрѣннѣ велнкѣ дастъ кѣн рекъ. на толнцѣ продано
взыѣ (о продаже драгоценного камня) *Син.пат. 132об.*

Таким образом, в древних текстах (письменной речи) мы редко можем найти примеры на употребление указательных местоимений в собственно дейктической функции: не так часто передается диалог. Но даже когда диалог передается автором, в ответах на вопросы о количестве у этих местоимений обнаруживается вовсе не дейктическая, а “примерно-указательная” (экземпляривная) функция:

(2) онъ же рече. се внжу все| кже кста въ трнклннѣ. она же
хотащн нзвѣстн|тн сѣ. показа прѣстѣи своѣ глѣщн.
колнко се кста. онъ же рече селнко. тогда вѣдн ставъше
чюднша сѣ (об исцелении слепого) *Син.пат. 167.*

Рассказчик не считает себя обязанным сообщать нам конкретное число, и *селнко* здесь значит ‘столько-то’. Так же используются в языке не отмеченные грамматиками местоимения *тот-то* и *такой-то*; *то-то* и *такой-то* (ср. *имярек*); *такой*, *мол*; *так-то* и *так*, *мол*, и *так*. В обобщающей работе [Шведова, Белоусова 1995: 88] приводится только *тот-то*, приписанное к определенным местоимениям, но нет других подобных. Их можно встретить в контекстах, представляющих собой передачу чужой речи в составе или реального события, или воображаемого (риторический пример).

Указательные местоимения в диалоге могут использоваться и в указательно-анафорической функции, отсылая к предшествующей реплике, где число выражено номинативными средствами:

(3) глѣ кмоу онъ. възъмн патѣ сребрѣннѣ.| продаан же
манѣвъзъ нако нграктѣ кмоу. глѣ кмоу то даен лн селнко
на немѣ (о продаже драгоценного камня) *Син.пат. 132;*

(4) колнко лѣтѣ нмашн въ ма|настѣрн. глѣ ен братѣ семѣ на
десѣте лѣтѣ ... отвѣща дѣвн|ца вратоу. то хоцешн лн
одногоу члѣ| дѣла. погоувѣтн толнка лѣтѣ дѣло.
колншадзѣ| аще нзлнмѣш ен слѣзѣ: да без грѣха| пѣтѣ не
осквѣрѣнѣноу поставншн прѣ|дѣ хрнстосомѣ (речь девицы к
соблазняющему ее монаху) *Син.пат. 26;*

- (5) рѣ|хъ кмоу сътворн лювѣвд колнко лѣтѣ имате (в греч. — глагол в ед. ч.) вѣзмъвдствоуѣще сѣде ... мало же помлѣуавѣ рече мн. нмама| ·л̄· лѣтѣ н трн ... Ыногда пакзи прншдѣзъ къ нмоу въпроснхъ кго ... рѣцн| мн въ толнцѣхъ лѣтѣхъ везмълѣвнн. н въздра|жаннн ѹдто нсправнсте (в греч. — ед. ч.) (Син.пат. 119об;
- (6) аще сѣмѣрншн мн| авне оудавленнкмѣ себе погоублю. н обрацешн|са н развон сътворнѣвѣ. н на соудѣ ако развон|ннкъ осоудаемѣ. прѣже не боудешн толнкамъ| зѣлобамъ внннѣвѣ. нѣ ндн съ мнрѣмъ въ мана|стѣръ сѣон (речь девицы к соблазняющему ее монаху) (Син.пат. 26об.

Обращает на себя внимание факт использования местоимений сѣлнкъ и толнкъ в однотипных контекстах, причем толнкъ в примере 1 относится к *сребреникам хозяина*, т.е. соотносится с 1-м лицом, а сѣлнкъ в примере 2 относится к *перстам себе-седницы*, в примере 3 — к *сребреникам покупателя*, т.е. соотносится со 2-м лицом. Так что на выбор того или иного местоимения связь с грамматическим лицом, действительно, не влияет.

Редко анафорическое местоимение в монологе предшествует антецеденту, выполняя катифорическую функцию:

- (7) гл̄аше анастасъ|| патрнарѣхъ. ѹдто толнко ако мѣннхъ| нѣкъто въ мана|стѣрн. авѣзи севнрн|гана. поуценѣ въстѣ въ слоужѣвоу ... (Син.пат. 25–25об.

Анафорическая функция местоимения толнкъ в монологической речи может вбирать в себя смысл заключительного обобщающего слова, когда рассказ заканчивается каким-либо выводом:

- (8) н се създа са банѣ въ мана|стѣрн. н нзмѣ тѣчню авнн (в греч.: *один раз*) крѣстѣннѣ. н авн||к нсѣше. тако вън толнкън вѣгомѣ. дарованъ|н кладазѣ (об источнике, дарованном Богом монастырю, и созданной на нем бане) (Син.пат. 56об–57;
- (9) нѣкъто| оцѣ растомѣ (т.е. болезнью селезенки) сѣонмѣ болѣ. н ѹашнцѣ| оцѣтѣ нскавѣше не обрѣтоша въ ·д̄·хъ лавра|хъ сквѣскъхъ. толнко кѣтѣ въ ннхъ нсѣз|ннсканнн н въздѣрѣ|жаннн (Син.пат. 8.

Наиболее широко в древней письменности представлены примеры использования указательных местоимений в усиленной (эмфатической) функции со значением или 'очень много; очень большой', или 'очень мало; очень незначительный'. Собственно, уже в приведенных примерах 3–6, 8–9 можно заметить совмещение анафорической (заклучительной) и эмфатической функций. Причем значение недостаточного количества обычно выступает в вопросительных конструкциях. Так, в примере 3 вопрос продающего драгоценный камень **ТО ДАСН ЛН СЕЛНКО НА НЕМЪ** был понят покупателем в смысле 'очень мало', поэтому далее говорится: **СРЕВРОПРОДАВЦУНН ЖЕ... МАНЪВЪ. НАКО РЖГАНТЪ СЯ ТАКО | ШВЪЩАВЪ ГЛА КМОУ. ТО ВЪЗЪМН ·Г· СРЕВРАННЦА** *ibid.* Ср. также в примере 16 употребление местоимения **УАТО** в смысле 'очень мало' в риторическом вопросе. В восклицательных же высказываниях обычно выступает значение избыточности, чрезмерности.

Именно в этой функции количественные указательные местоимения получают возможность сочетаться с различными классами существительных и разделяются на собственно количественные со значением 'очень много' (в сочетании со счетными существительными, например: **ТОЛНКО ЛЪТЪ**) и на параметрические со значением 'очень большой, значительный' (в сочетании с несчетными существительными, абстрактными: **СЕЛНКА ТОУГА**). Второе значение приближается к качественным значениям (см. пример 8 с парой **ТАКОВЪИН — ТОЛИКЪИН** и 19 с парой **ТОЛИКЪ — ТАКЪ**), однако резкой грани между первым и вторым значением нет: у собирательных существительных типа **НАРОДЪ** "внешне" параметрическое значение представляет собой "внутренне" количественное значение.

Фиксируемые в диалогической речи формы местоимения **СЕЛНКЪ** в эмфатической функции часто употребляются рядом с местоимением 1-го лица, а формы **ТОЛНКЪ** сопровождают 2-е лицо:

- (10) **АЗЪ МНЪ | ХЪ ВЪВЪРЪЗЪ ОУЗАРЪТН ЛНЦЕ | ТВОК АНГЛЪСКОК · ТН
СЕ СЕЛНКА ТОУГА СЪСТНЖЕ МЪ** (слова Глеба по поводу убийства Бориса) *Усп. сб. 1368–11*;

- (11) БѢГДТѢ ТН НМАМЪ ЖЕНО. НМЪ ЖЕ СЕЛНКОУ МН К|СН ВЛГЪИГЮ.
 НЗОБРѢЛА Н СЪТВОРНЛА (слова господина к предавшей его на
 смерть рабыне) (*Син.пат.* 168об);
- (12) НО ХВАЛЮ БѢ Н ПРОСЛАВЛАЮ МЛѢТѢ КГО· НЖЕ МА ГРѢШНАГО
 Н ХЪДАГО СЕЛНКО ЛѢТЪ СВАЮА Ѡ ТѢ|ХЪ УАСЪ СМРТНЪИХЪ
 (*Почв. Влад. Мон.*) ПСРЛ-1 83(251);
- (13) ГЛАХЪ КМОУ РАЦН| МН УНМЪ ПРДЕ ВЪ ТОЛНКО СЪМЪРЕННК
 (слова монаха к пришедшему покаяться юноше) (*Син.пат.* 52об).

Однако и в диалоге можем найти случаи употребления этих местоимений безотносительно к грамматическому лицу. Напр., в речи слуг в “Мучении св. Ирины” местоимение СЕЛНКЪ определяет поступок, входящий в сферу царя-отца и его дочери Ирины (т.е. третьих лиц):

- (14) Н НМЪ|ШЕ ЖЕ СТОУЮ ДѢОУ СЛОУГЪИ| СЛЪЗЩЕ· ВЕДОША НА
 ОУРОУДНОУЮ СЪМЪРТЪ· Н ПОСТА|ВНЪВЪШЕ Ю ОУ КОНЪ ВЪПН|АХОУ
 КЪ СЕВѢ· ЗЪЛЪ СОУДЪ| ЦѢРЕВЪ ДА СЕЛНКО НЕМЛѢРЪ|ДНК
 СЪТВОРН НА СВОЮ ДЪЦЕРЬ (*Усп.сб.* 73а22–30);

а в следующем примере местоимение ТОЛНКЪ используется по отношению к 1-му лицу:

- (15) ГЛА КМОУ ЖЕНА КГО·| СНИЖ ТЪУНИЖ ДЪУБКЖ НМАВѢ. Н ТОЛНКО
 ДОБРО| ДАСТЪ НАМА ГЪ (о богатстве) (*Син.пат.* 151).

Уже в евангельских текстах отмечаются случаи взаимозамены местоимений СЕЛНКЪ и ТОЛНКЪ, хотя предмет имеет отношение к 1-му лицу (диалог между учениками и Иисусом о насыщении народа, который сопровождает их):

- (16) П. 6, 9 КСТА ОТРОУНЦА СД|ДЕ НЖЕ НМАТЪ ·Ѣ· ХЛѢВЪ
 НА|УДМЕНАНЪ· Н ДВѢ РЪИВѢ· НЪ| СН УТО СОУТЪ СЕЛНКОУ НАРОДЪ
 АМ 1762–5; НЪ СН УДТО СЖТЪ ВЪ СЕЛНКО Зогр., Мар.; УДТО
 СЖТЪ СЕЛНКОУ Ас.;
- (17) Мт. 15, 33 Н ГЛАША КМЪ ОУЧЕНН|ЦН· ОТЪКОУДѢ ВЪЗЪМЕМЪ|
 НА ПОУСТЫИГН ХЛѢВЪИ НАСЪ|ТНТН ТОЛНКО НАРОДА АМ 4867–
 10, Зогр., Мар., Ас.; НАРОДЪ КОЛНКЪ Сав.

И дело заключается в том, что эмфатическая функция только имитирует собственно дейктическую функцию (т.е. значение “вот столько”): указать на предмет часто не удастся, предмет несубстанциален (чтобы указать на степень чувства, прихо-

дится бить себя в грудь; а самый простой жест — воздеть руки к небу). На первое место выходит имплицитная мысль о чрезмерности. В результате возможными становятся и взаимозаменяемы с вопросительным местоимением *КОЛНКЪ*, которое используется в риторическом восклицании с той же эмфатической функцией. Это видно в параллельных чтениях из примера 17, а также:

(18) *М. 15. 29* онъ же отъвѣщаваъ рече оцю своемоу· се| колнко лѣтъ работахъ тебѣ н ннколн же заповѣдн| твою не престоупнхъ· н мнѣ ннколн же не далъ к|сн коздалте *АМ 112в3 9*;

(19) чюжю| сѧ брате колнкъ трюдъ пострада. н толн|къ поутъ нзмѣрн. да прнде къ мнѣ. члкоу| грѣшмоу. такы оца нмзи въ лаврѣ своен (слова Симеона Столпника к пришедшему из далекой обители монаху) (*ин.пат. 83*).

Восклицательная эмфатическая функция наиболее характерна именно для местоимения вопросительного:

(20) ѡ колнка радости· ѡ колнка тѣхъ слаба· кзын лн то| свѣтъ шдѣвактѣ сѣина на| нѣсѣхъ (покаянный возглас Нифонта) *ЖН 27об*;

(21) глагола· о колнко блгостынна твою| гїи како показалъ ксн та|къ свѣтнлннкъ въ мѣстѣ|| семѧ (о свете над монастырем Феодосия) *Усп.сб. 39г29–40а1*.

Риторическое восклицание обычно предполагает в следующей (или предыдущей) фразе фигуру противопоставления уступительного характера, см. примеры 16, 18–19 и следующие:

(22) се| же пречюдно възста н днвдно н паматн достонно| како н колнко лѣтъ лежа|въ тѣло сѣго то же не вреже|но превзста (о теле Бориса) *Усп.сб. 16в1–6*;

(23) чѣто оубо възста| кмоу· како колнко лѣт ходн дря|хлз н оунзлз· а нзынѣ веселн|тѧ сѧ н радочкѣ сѧ· *ЖН 8*;

(24) н глѣста. мнлзн гнѣ наю н драгзн колнко блгостн исплнненъ възста·| како не възхотѣ протнвн|тн| сѧ любзвѣ радн хѣзї а колнкзи| воѣ дѣржа въ роукоу свою *Усп.сб. 11г2 7*;

- (25) УД|ТО ОУВО УЛВКЪ· КЕСТДСТВО| ПРЕХОДНОМОН· Н СЪМЪРНО·
КОЛНКА ЖЕ СЪ ДОСТОННСТВА·| Н БЛГОДАТН ПРННТЕЛЪ (мысли
Феодора о человеке) ЖФ 56;
- (26) ОТЪ <а>|ДАМА ПРАОЦА НАШЕГО· ДО|| СЕГО НАШЕГО ВЪКА·
КОЛНКО| МНОЖДСТВО ВЪСТА ЧЛОВЪ|КЪ ПО ЗЕМЛ<Н>· Н ВСН
БЕС ПА|МАТН ВЪША И-76 б.

Но уступительные-противительные отношения характеризуют также высказывания и с местоимением **ТОЛНКЪ** во многих приведенных выше примерах и следующих:

- (27) КАКО СЪДНШН ВЪ ОСТРОВЪ СЕМЪ. ТОЛ|КОУ ЗНОЖ СОУЩЮ. Н
МЪШНЦАМЪ. (ин.пат. 98;
- (28) НАКО ПОМОЩН НН Ѡ| КОГО ЖЕ. ВЪ ТОЛНЦЪХЪ ЛЪТЪХЪ
ЗЪЛОСТРАДАНИЕМЪ [искажено: = после злострадания в по-
движничестве столько лет]. КЪ НСХОДОУ НАПАДЕ НА МА БЕЗ
МНОСТН. (слова обращены к бесу-собеседнику, т.е. 2 л.) (ин.
пат. 127об;
- (29) ТАКО АН ТН ГОДЪ ВЪСТА СЪ ТОЛНЦЪМН ТРОУДЫ Н| ВЪ
ТОЛНЦЪ ПОСТЪ. ВЪНЪ МА ОСТАВНТН ЦРКВН Ю|ЖЕ ЗНЖДЕШ
(речь усопшего старца, привидевшегося во сне строителю церкви)
(ин.пат. 64;
- (30) НА ВСЕМЪ ЖЕ ТОМЪ Н ТОЛНЦЪ ПОУТН. ТЪКМО| ТРНШДЪ
НАСТЪ СТАРЪЦА. (ин.пат. 69;
- (31) Н ПЕУАЛАНЪ ВЪСТА ЗЪЛО. НАКО РЕКЪШЕ Ѡ| ТОЛНКА ПОСТА Н
ВЪЗДРЪЖАННА. ВЪ КОНДУННЪ| КГО ЗАКОЛЕНА ВЪКОУСН. (речь
белоризца о вкушении мясного постившимся пресвитером)
(ин.пат. 42.

Причина использования указательных местоимений, а не вопросительного местоимения **КОЛНКЪ** в большинстве данных примеров заключается в том, что вторая часть противительной конструкции уже оформлена в виде вопроса. В других случаях конструкция, включающая местоимение, не является синтаксически самостоятельной, а потому не может содержать вопросительное **КОЛНКЪ**.

Конструкции, включающие союз **АЩЕ** и указательное местоимение **ТОЛНКЪ**, могут соединяться с последующими вопросительными конструкциями риторического характера. Таким образом создаются градационные отношения:

- (32) аще въ мнрѣ семѣ толнкоу слава| бѣ дароуѣтъ равомъ
свомъ. коужъ въ боудоу|щнма вѣцѣ. кгда рекъше
просвѣтитѣ лица| нхъ. яко слнце. *Син.пат. 45об;*
- (33) помзисн же жноша. яко аще съ толнко нмѣннѣ
прнноснтѣ| хоу. по что н азъ не смѣшю мзды можа въ|
крстѣ съ (слова юного мастера по поводу изготовления заказа —
золотого креста) *Син.пат. 149об.*

Наконец, эмфатическая функция местоимения толнкъ может осложняться функцией соотносительного катафорического слова в сложных конструкциях с определительно-пояснительными отношениями и отношениями следствия. Значение местоимения при этом определяется как 'достаточно много' или 'достаточно большой, значительный; в достаточно высокой степени':

- (34) толнкоу оубо| влгодата дастъ кмоу гд. яко| же здрѣтн
кмоу уювдствѣ|нзнма шунма всѣхъ снхъ ЖН 24;
- (35) толнка же ваше мнлостѣ. яко же домъ свон сътворитн
уюжн|мъ на крзмлю. н прнмаше вса пауе же урѣ|нца (о
боголюбивом муже, принимавшем всех странников) *Син.пат.
169об;*
- (36) толнкы| же въша. аданаснж семоу къ еретнкомъ тжгы|
црквѣнзѣ. яко мѣнѣтн писаноу вѣтн реуѣ|ноумъ. азъ
покажу семоу канко же кмоу до|стонно можа нмене
дѣла пострададн (о борьбе Афанасия против еретиков)
Син.пат. 148;
- (37) н толнкоу тѣснотѣ пжтѣ нмѣ. яко кдннмоу|
комжѣдо пѣшемоу ннудсо же нослщю одѣва пронтн.
Син.пат. 126об.

В следующем примере наблюдаем контаминацию определительно-отождествительных отношений и отношений следствия:

- (38) н уюднвъ са о прѣсладнѣ|мѣ уюдсн анатолнн. дарова
кмо (так!) толнко дрѣ|во въ потрѣвѣ. кмоу же н хоташе.
Ѡ него же| не тѣунж реуѣноуж клѣтѣцю покрѣ. нъ нна|
мнгогана же въ манастрн сътворн Ѡ него| дѣла. (о том,
как отшельник сумел поднять огромное бревно, данное ему
Анатолием в ответ на просьбу о небольшом бревне) *Син.пат.
138.*

Редко, но все же встречаются и примеры конструкций с отношениями следствия (цели), включающие местоимение **КОЛНКЪ**:

(39) **СНМЪ**· **НЖЕ** **ВЪ**рою **Н** **БЕСОУМНЕННА** **ПРОСА**лтъ· **КОЛНКО** **СН** **НМАШН** **ПО**трудоу^{дтн} **ДА** **ЗАСТОУПАНН**ка **ОБРАЩЕШН** (о заступничестве святых перед Богом за нас) *Усп.сб.* 18в21–25.

Как было уже указано, местоимение **КОЛНКЪ** обычно используется в вопросительной и эмфатической функции. Но вопрос и восклицание могут передаваться как чужая речь, т.е. оформляться в виде зависимых конструкций с косвенной речью. Таким образом, местоимение **КОЛНКЪ** сближается с относительным местоимением **КАЛНКЪ** (см. также пример 22):

(40) **ПОМЫСЛН** (аор. 3 л. ед.) **ЖЕ** **КОЛНКЪ** **К**лмъ **МЪЗДАЖ** **ВЪЗДАТН**· **Н** **ВЪЗДАМЪ** **ВЪМЪСН** **ВЪ** **КРЪ**стъ (о юном мастере, решившем добавить от себя золота в крест заказчика, см. пример 33) *Син.пат.* 149об–150;

(41) **НЪ** **ВНДѢХЪ** **КОЛНКО** **НМѢННА** **ПРННЕСЕ** **Х**ж· **ПОМЫСЛНХЪ** **ПРНЛО**житн **МЪЗДАЖ** **МОЖ** (тот же мастер оправдывается перед заказчиком) *Син.пат.* 150;

(42) **ТОГО** **РАДН** **ХОТНАЩНМЪ** **РАЗОУ**мѣтн **КОЛНКЪ** **СЪДЕ** **СЛАВЪ** | **СЪПОДОВН** **СН** **ДНВЪНЪ**и· **Н** | **ДА** **НЕ** **ШНОК** **Г**лю *ЖФ* 34;

(43) **Й** **КЖЕ** **НПЪРВА** **ЖИТНК** **НХЪ** | **ВЪ** **ПЕЩЕРѢ** **Н** **КАЛНКО** **СКЪРВН** | **Н** **ПЕЧАЛН** **ПРННАША** **ТѢСНО**тзи **РАДН** **МѢСТА** **ТОГО**· **Б**оу | **КАДНОМОУ** **СЪВЪДОУЩЮ**· **А** | **ОУСТОМЪ** **УЛВУЗКОМЪ** **НЕ** | **МОЩНО** **НПОВѢДАТН**· *Усп.сб.* 35г21–27;

(44) **НН** **НАЗЫКЪ** | **НЕ** **МОЖЕТЪ** **НЗДРЕЩН**· **НН** **СЛОВО** **СЪПОВѢДАТН** **КАЛНКО** **ЖЕ** | **ВЪЗМЪЗДНК** **ТРОУДОУ** **СВОК**моу **ПРЪМО** **ОТЪ** **Г**а **ВЪСПРН**лаша· *Усп.сб.* 18б14–19.

Обращает на себя внимание тот факт, что и местоимение **КАЛНКЪ** может выступать в эмфатической функции со значением ‘очень много’, ‘очень значительный’. В отличие от вопросительного местоимения, относительное местоимение **КАЛНКЪ** позволяет восклицательную часть располагать впереди — перед частью с глаголами речи и мысли. На относительную функцию местоимения **КОЛНКЪ** в изъяснительных конструкциях указывается в [СДРЯ IV 1991: 240].

Употребление же относительного местоимения **ѠАНКЪ** значительно шире, чем вопросительного **КОЛНКЪ** в относительной функции. Это местоимение вводит в высказывание конструкции, получающие в составе главного предложения значение предметно-количественных групп. Причем предметно-количественные группы вводятся в высказывание по разным причинам и разными способами.

Если в главном предложении есть указание на какое-либо число, то между предметно-количественной группой, включающей местоимение **ѠАНКЪ**, и главной частью устанавливаются отождествительные отношения:

- (45) БѢ ЖЕ НХЪ УНСЛЪМЪ **ѠАНКО** | ЖЕ Н ЪДОУЩНХЪ (об ангелах, явившихся Нифонту рядом с обедающими бедняками) *ЖН 11об*;
 (46) Н НЕ МОЗН МАЛЪИ ЖАЪДН ДѢЛА. | ПОГОУБИТИ ТАЦѢХЪ ДѢЛЪ. **ѠАНКЪ** | ЖЕ НМАШН. Н | АНШЕНЪ ВЪИТИ БѢУАНЪИХЪ БЛАГЪ (слова девицы к соблазняющему ее монаху) *Син.пат. 154об*.

В выражении отождествительных отношений принимает участие частица **ЖЕ** в постпозитивной части. В главной части может быть соотносительное местоимение **ТОЛНКЪ**:

- (47) НЕ БЕСЕЛН СЪ ЦѢБТОУШТНМН | МРА СЕГО. НАКО ТРАБАНЪИ | БО КСТА ЦѢБТЪ. **ѠАНКО** БО | НМЪ ВАРПЕШН (т.е. *рвань*) **ТОЛНКО** ЖЕ | ОУВЛАДАКТЪ *И-76 63об*.

В соотносительно-отождествительных конструкциях речь может идти не только об определенном, известном количестве, но и о неопределенном воображаемом количестве (в контексте наставления). Невозможно провести резкую границу между предметно-количественной группой и обстоятельственно-количественной, поскольку переход от одного значения к другому идет в следующем направлении: количество предметов — количество действий — количество признака. Таким образом, местоимение **ѠАНКЪ** может получать значения количества и степени признака 'сколько; сколь, насколько':

- (48) ЯЛКОТОУ Н ЖАЖДЪ ХЪ ДѢЛА ЛЪВН. **ѠАНКО** БО ПАКО | СТА ТѢЛОУ ТВОРНШИ. ДШН | БЛГДѢТЪ ЗНЖДЕШН *И-76 49-49об*;
 (49) ПНН МЕДЪ ПО МАЛОУ. **ѠАНКО** БО К СЪКРАУАШН. ТО | БЛГОДѢТЪ ТН К *И-76 65об*;

- (50) Ёанко же кен сзгрѣшнаѡ | то стenanнѣма помннѣн·
взѣбактѣ во ѿтоудоу | отъпоуштеннѣ II-76 65;
- (51) Ёанко же въ законѣ прѣдн ндешн· толнко же
недо|статъуѣнъ сѣ сзвращен|д|нѣма бѣжѣ II-76 62об-63;
- (52) Пнн внно по малоу· кѣнко | во скоудо пнктѣ сѣ· толнко |
блго творн пннцннмъ II-76 236об;
- (53) Ёанко снаю прѣвзшнн | кен вбсѣхъ толѣма н | дѣлзи
добрзшнн свд|тѣтн тн подбнзан сѣ | пауѣ бсѣхъ II-76 26-
26об;
- (54) Ёко кѣнко веанкзшнмъ сѣ | подобнѣ сѣ кен отъ бѣ· |
благзшнмъ· толѣма н | большана длъжанъ кен въ|здатн
II 76 24об.

Этот переход от предметно-количественного значения к другим интерпретируется в морфологии при помощи терминов *местоимение* — *наречие* — *союз*, что отражается и в словарях. Наречная функция местоимения *кѣнко* влечет употребление в качестве соотносительного слова наречия *толѣма*.

В случае, когда речь идет о волеизъявлении в отношении количества предметов, т.е. модальность предложения оказывается нереальной, предметно-количественная группа с местоимением *кѣнкъ* может вводить идею количества в ограниченном, партитивном смысле ‘ровно столько; не больше и не меньше’:

- (55) гла корабельнн|вомъ· блннъ бѣ поурѣпѣте водзи еанко взи
к трѣ|вѣ (об опреснении морской воды по молитве отшельника,
путешествующего на корабле) *Син.пат.* 120;
- (56) нъ ндн н носн кѣнко тн | на потрѣвоу кѣназю н
соуцннмъ сѣ ннма (чудо с медом, сотворенное Феодосием,
когда у него гостил князь) *Усп.сб.* 54a29-31;
- (57) прнде же веуеръ хлѣба трѣвоуѣ. оврѣте | же на трапезѣ.
акзи мзшѣми. нан пѣсзи нде|нъ. н остатъкъ ѿ срѣдъ. (в
греч.: *остаток какой-то сухих*) бѣнѣ тогда стегна | н плака.
нъ недостатъуѣно. нн кѣнкомъ взи | ставтн (т.е. оставить,
забыть грешные помыслы) грѣхъ. н коуенъ не кѣнко
хоташе | лежѣ поунтн (о старце, который стал грешить в
мыслях, отчего Бог ему подавал хлеб нечистый) *Син.пат.* 177об.

Конструкция может оформляться соотносительной парой местоимений **ТОЛНЪЗЪ — КАНЪЗЪ**:

(58) Толнко тъзую дан тѣлоу | канко же трѣвоукта · а | не канко же похочетъ II-76 64об;

(59) толнко дан уревоу кже на до|вѣзъ · а не канко хочетъ II 76 236об-237.

При этом предметно-количественное значение группы может через переходные случаи преобразовываться в обстоятельно-количественное:

(60) азъ зрю того же шбразъ хѣа | надъ главою ннцнхъ стоа|ща · да тѣмъ страхъмъ шдѣ|рѣжнмъ творю · канко же | могу по слѣ ннцемоу да|ти ЖII 14об;

(61) Рє^v авѣа макарни · мѣзун · своа дѣлан · канко | мѣзѣ дръжн азъикъ Син.пат. 181об.

В значении местоимения **КАНЪЗЪ** появляется идея предела, которую в словарях пытаются передать в переводе союзами *насколько, до тех пор пока* и т.п. Соотносительная пара местоимений **ТОЛНЪЗЪ — КАНЪЗЪ** фиксируется и в этом употреблении:

(62) Толнко троужан са канко | мошн науднешн въ|схлѣстнтн пѣтъскъ|на похотн II-76 67.

Особый случай отождествительных отношений составляют примеры, в которых речь идет о реальных событиях, и количественная группа получает значение совокупности, целостности, всеохватности 'все, кто; всё, что', т.е. значение определенности количества. Соотносительное местоимение **ВЪСЪ** в главной части может быть, а может и не быть:

(63) да | канко слышахоу слова кго | отъ слъзъ не можадоху ни сло|весе рещи отъ страха же н пѣ|уалн гордкы н мѣногъ|хъ | слъзъ (о предсмертной молитве Бориса) Усн.сб. 12630-1263;

(64) напнсѣхъ канко вндѣ|хъ н слышахъ ѿ нкго ЖII 1об;

(65) н рече кмѣ | жена · молю тн са еанко же нмамамъ (так!) възъ|мн н даждь Син.пат. 155об;

(66) н не тѣкѣмо оанко | рече (т.е. все, что ты сказала) творю · нъ н ѿ днншднгдаго дане не вънн|доу въ домъ мон · нъ въ

манастѣръ ѿсоудѣ| ндоу (слова юноши ожившей в могиле девице, схватившей его в момент воровства) *Син.пат.* 55;

(67) н всн клнко вѣше множдство людннн| кдннъ же беслзъ не вѣстѣ| ѿ радости же н многоаго вѣселна (о перенесении мощей Бориса и Глеба) *Усп.сб.* 25г3-5.

И здесь возможен переход от предметно-количественного значения группы к обстоятельству-количественному, а именно временному «всякий раз, как: сколько бы раз ни». События при этом могут быть как реальными, так и предполагаемыми:

(68) нарославъ не тдрпа| сего зълааго оувнства двн| же сна на братооувннца он||го оканднааго стѣоплзкѣ| н бранн мъногѣ съ ннмѣ| съставнвѣ. н вдегда посо|внкмѣ бжнкмѣ н поспѣшенинкмѣ стѣоу повѣдн|вѣ. клнко бранн съставн *Усп.сб.* 15в2-6;

(69) братъ жнвѣи въ манастѣрн. поушакмъ вѣ въ сзлѣ... вѣ же| нѣкѣто говѣннъ вѣлца въ всн нѣкон. н прннма|ше кго вѣрож клнко же прндаше въ вѣсѣ. *Син.пат.* 154;

(70) вѣ же н не съвнрланвѣ. въ вѣсемѣ во| домоу кго. нного не вѣ вндѣтн тзунж кнннѣ. н| прѣстолѣ н одрѣ. н трапезоу. клнко же вѣсакомоу| члкоу вѣходнтн. н вѣпрашатн ѣже на полззоу. н| проунтатн *Син.пат.* 119;

(71) клнко бо аце камо ндешн| азъ шедѣшн н оврѣтѣшн| ты съвѣзана внѣшн прн|ведоу въ снн градъ (угрозы матери Феодосию, пытавшемуся убежать из дома) *Усп.сб.* 30а26-30;

(72) н клнко же вндаше н въ свкрн|тѣ. въ свокн дшн тоужаше. внда рнзоу гнѣ|снвоу н лице драхло нмоуца (о чувствах папы александрийского Аполлинария при виде знакомого разочлившегося и опустившегося юноши) *Син.пат.* 139об.

Как видно из этих примеров, временное значение местоимения клнко (скорее наречия, чем союза) не является редкостью. При этом данное местоименное наречие имеет синоним клншдѣи (ср. колншдѣи): Клншдѣи вѣстѣжншн| помѣслн клнко тн прѣ|в<д>днннмъ прнходнтѣ| пакостнн. н прндѣтѣ| тн дарѣ кго *И-76 71*. Странно, что количественно-временное значение союза и местоимения очень невнятно отражается в исторических словарях [СДРЯ III 1990: 209; СРЯ-5 1978: 46; Срезневский I 1958: 823-824].

С моей точки зрения, в словарных статьях перемешаны примеры с разными значениями.

Особняком стоит местоимение *нѣколнкъ*, которое используется в неопределенно-партитивном значении в сочетании с предметными существительными 'часть, небольшое количество; некоторый':

(73) *н скоро | шедъ възвѣстн нѣколнкоу | вратнн. нже н съ тѣщанн | кмѣ прнтекъше. Усп. сб. 42630–42в1.*

Чаще же оно используется с существительными, обозначающими меру времени, со значением 'немного':

(74) *н въ то възпадъшн. сътворн нѣколнко лѣтѣ владѣшн. Син. пат. 164об;*

(75) *н прншедѣ | превѣваше оу црѣвѣ сѣою мѹкоу дннн нѣколнко. Усп. сб. 22в12–15;*

(76) *н се по дндхѣ | (нѣколн)цѣхѣ съпѣшю кмюу въ полоуднѣ | въ храмннѣ свонн. Усп. сб. 47с24–27 (ср. Л. 15.13 н | не по мнозѣхѣ дндхѣ съвѣравѣ все мдннн снѣ н отнде | на страну далее АМ 111с).*

Редко отмечается оно при глаголах движения, обозначая количество — длину и время пути — 'немного':

(77) *нде же двѣа лѣвѣ нѣколнко съ ва | рѣварѣ. н нзнемогъшоу кмюу кмюу (второе слово зачеркнуто) оу сѣкнѣша н (об авве Льве, отдавшем себя в заложники, спасая иноков) Син. пат. 81.*

Таким образом, оно имеет не просто значение неопределенности, но значение малого количества, части от целого. Поэтому оно сближается с прилагательными и наречиями и не имеет специфических синтаксических функций, отмечаемых у других количественных местоимений.

Итак, функции и значения количественных местоимений следующие (см. таблицу на следующей странице):

Местоименные функции (значения):	СЕЛИКЪ	ТОЛИКЪ	КОЛИКЪ	КЛИКЪ	НЪКОЛИКЪ
вопросительная			+		
дейктическая	+	+			
экземплярная	+				
анафорическая	+	+			
заключительная		+			
катафорическая		+			
соотносительная		+			
относительная			+	+	
			(изъясн.)		
неопр.-партитивное 'немного'					+
эмфатическая:					
'мало' (вопрос)	+				
'много' (воскл.)	+	+	+	+	
Синтаксическ. связи:					
против.-уступительные	+	+	+		
градац.-сопоставительные		+			
определ.-пояснительные		+			
определ.-следственные		+	+		
соотносит.:					
отождеств.		+		+	
колич. и степ.		+		+	
признака					
партит.-огранич. предела		+		+	
всеохватности		+		+	

ИСТОЧНИКИ

АМ — Апракос Мстислава Великого. Москва. 1983.

И-76 — Изборник 1076 г. Москва. 1965.

ЖИ, ЖФ — Выголексинский сборник. Москва. 1977.

- Мар., Зогр., Асс., Сав.* — Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. С.-Петербург. 1883.
- Син.пат.* — Синайский патерик. Москва. 1967.
- Усп.сб.* — Успенский сборник XII–XIII вв. Москва. 1971.
- ПСРЛ* — Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. Москва. 1962.

ЛИТЕРАТУРА

- СДРЯ 1990 — *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Москва.
- СРЯ 1978 — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Москва.
- Срезневский И. И. 1958 — *Материалы для словаря древнерусского языка*. Москва.
- Шведова Н. Ю., Белоусова А. С. 1995 — *Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий*. Москва.
- ЭССЯ 1974 — *Этимологический словарь славянских языков. Пра-славянский лексический фонд*. Москва.

О ПРАГМАТИКЕ СЛЕНГОВОЙ ЛЕКСИКИ

И. П. КЮЛЬМОЯ

Лексика молодежного сленга представляет собой наиболее динамичный, изменяющийся пласт в языке. До недавнего времени сленг, как и диалекты, существовал только в устной форме; в последние годы ситуация изменилась, в Интернете появились сказки, рассказы, написанные на сленге. Правда, это все же не приводит к возникновению нормы, как в литературном языке, в этом сленг схож с диалектом, который также не нормирован. Диалект является источником пополнения литературного языка, и хотим мы этого или нет, но и сленг тоже питает литературный язык: как известно, слова *шпаргалка*, *настрой*, *очковтирательство* происходят из сленга. Границы сленга диффузны, в него вкрапливаются и слова из уголовного жаргона, из просторечия.

Наблюдения над записями сленга русских школьников Эстонии, сделанными студентами-русистами (в том числе заочниками, работающими в школе) и учащимися субботней гимназии при отделении русской и славянской филологии Тартуского университета, позволяют сделать некоторые выводы о прагматических функциях сленговой лексики. Материал собирался отчасти методом непосредственного наблюдения, отчасти методом анкетного опроса. В последнем случае информантам предлагалось “перевести” слова или выражения с русского литературного языка на сленг. Информантами были школьники г. Тарту, Таллинна, Кохтла-Ярве, Силламяэ, в меньшей мере сами студенты. Типичный носитель и “созидатель” школьного сленга — учащийся 8–10 класса, 13–16 лет, в имеющемся материале в речи именно этой возрастной группы

встречается больше всего сленгизмов и наблюдается самое большое число новообразований.

Внеязыковые условия употребления сленга сходны с ситуацией, в которой используется разговорная речь: неподготовленность речевого акта, его непринужденность, непосредственное участие говорящих в речевом акте [Земская 1973: 9]. К ним следует добавить такие факторы, как возраст и социальная принадлежность: употребление сленгизмов возможно тогда, когда говорящие относятся к одной возрастной и социальной (школьники, студенты; молодые рабочие или бизнесмены) группе, межличностные отношения участников общения, их иерархия не играют существенной роли. При этом мы имеем дело с диглоссией; сленг используется в общении со “своими”, в других случаях употребляются разновидности разговорной речи, происходит ситуативно-обусловленное переключение с одного кода на другой. Каковы интенции говорящего, почему он выбирает сленг? Каковы прагматические функции сленга?

Следует согласиться с определением Э. М. Береговской, опирающейся на рассуждение Е. Д. Поливанова о доминировании репрезентативной, а не коммуникативной функции сленга. Е. Д. Поливанов писал: “Когда ученик говорит “нафик” или “напсик” вместо “зачем”, он ведь мыслит в качестве коммуницируемого комплекса идей не одно только переводное значение слова (т.е. значение “зачем” или “почему”), а еще кое-что. И если попробовать передать это “кое-что”, то это окажется следующего приблизительно содержания мыслью ... — мыслью, содержащей характеристику обоих участников языкового обмена (диалога): “Оба мы с тобой дескать, — хулиганы или вернее, играем в хулиганов” [цит. по: Береговская 1996: 40]. Таким образом, молодежный сленг выполняет прежде всего **корпоративную**, или **репрезентативную**, функцию, объединяя использующих его по возрастному признаку. Студенты и школьники образуют свои обособленные группы, стремятся противопоставить себя взрослым, сленг — их коллективная маска, языковой пароль, указывающий на принадлежность молодого человека к определенному кругу.

В то же время внутри этого круга носитель сленга стремится подчеркнуть свое “я”, привлечь к себе внимание сверстников. Необходимость самоутверждения в этом социуме побуждает его самого создавать новые номинации, стимулирует языковое творчество, чтобы показать оригинальность, нетривиальность своего мышления через посредство форм вербального выражения. В этом проявляется **демонстративно-аттрактивная функция** сленга, которая во взаимодействии с репрезентативной функцией обеспечивает развитие и быструю смену номинаций. Обе функции проявляются, разумеется, не только на лексическом уровне; стремление подчеркнуть значимость своего “я” может порождать у подростков намеренную грубость в речи, иногда особое произношение (некоторые слоги растягиваются, другие, напротив, почти совсем “съедаются”).

Сленг — сфера языка, где наиболее ярко проявляется языковое творчество, которое реализуется прежде всего в языковой игре — со словами, фразами, словообразовательными моделями. “За каждым выражением абстрактного понятия прячется образ, метафора, а в каждой метафоре скрыта игра слов” [Хейзинга 1992: 14]. Игровое слово смешит своей новизной, привлекает внимание необычностью, это тоже проявление демонстративно-аттрактивной функции.

Языковая игра, представляющая собой особый род комического, кроме демонстрации своего “я”, используется говорящим с тем, чтобы не быть скучным, усилить непринужденность общения, создать комический эффект, вызвать улыбку, смех или ироническое отношение. По мнению авторов главы “Языковая игра” в серии коллективных монографий о русской разговорной речи, языковую игру, при которой намеренно создается какой-либо окказионализм и при этом преследуется эстетическая функция или имеется установка на комический эффект, можно рассматривать как реализацию поэтической функции языка [Земская 1983: 172], если иметь в виду определение Р. Якобсона “направленность на сообщение как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого — это поэтическая функция языка. Любая попытка ограничить сферу поэтической функции только поэзией или свести поэ-

зию только к поэтической функции представляет собой опасное упрощенчество” [Яacobсон 1975: 202]. Думается, что это действительно и по отношению к сленгу, подтверждением служит, по выражению Э. Береговской, “воспаленная метафоричность сленга”.

По нашим наблюдениям, метафоры и метонимии в сленге чаще всего используются в наименованиях лица (учитель музыки — *рояль, соловей*; человек, который не знает, чего хочет — *медик-космонавт*), в соматической сфере (ноги — *костыли, протезы, клюшки*; рот — *хлебозрезка, варешка, мусорный ящик*; лицо — *картинка, бампер, шайба*; зубы — *подушки ОРБИТ, камешки, частокол*), для обозначения понятий, связанных с досугом (вечеринка — *банкет*; дискотека — *баня, дрыгалки*), для наименования школьных реалий (педсовет — *суд присяжных*, звонок с урока — *райская музыка, благовест*, дневник — *красная книга, книга жалоб*, отвечающий у доски — *живой труп*, учитель со старостой — *дама с собачкой*). Встречаются они и в глаголах и глагольных сочетаниях (потерять рассудок — *зашуришать шифером, с дуба рухнуть, с дуба на кактус упасть*, вариант: *упасть с кактуса на дуб, притяпать в маразм, потерять извилину*; бездельничать — *грызть гантели*). Глагольные метафоры часто образуются путем изменения типа актантов при глаголе, например, неодушевленного на одушевленный: *убежать — слинять, смыться, испариться*; в основе некоторых глагольных метафор, характеризующих ментальные процессы, лежат аналогии с процессом движения: *понять суть дела — доехать, дойти, доплыть, допереть, догнать*. Нередко для того, чтобы показать ироническое отношение к предмету речи, используют прием иронического возвеличивания (школьная столовая — *ресторан, бар, кафе*; учитель пения — *Моцарт*) или принижения (школьная столовая — *забегаловка, тошиловка*; классное помещение — *сарай, хибара, конюшня*).

Шутливая тональность речи, к сфере которой относится сленг, широко использует прием построения необычных языковых единиц; такая языковая игра, как и в разговорной речи, проявляется в двух разновидностях — балагурстве и острологии [Земская 1983: 175].

Балагурство не связано с передачей содержания речи, а направлено лишь на ее форму, оно встречается реже и представлено метатезой (*красная пашечка*), переносом ударения (*очки, буфет, портфель, алгебра*), отсечением начальных звуков или слогов (*физика — изика, алгебра — гебра, библиотека — тека*), эпентезой (*дисккач, дри/ыскотека* вместо: *дисккач, дискотека; журатва, жиращка*), протезой (*мучитель, мучительская*), в результате которой появляется каламбурное образование. Встречается также замена одних звуков другими (*шизика — физика*), в том числе и прием “фокус-покус” (*шахла-махла — драка*), наконец, элементы приема речевой маски (напр., *яканья: любовь*, или просторечия: *варюжка* в значении *рот*). С целью балагурства может преобразовываться и грамматическая форма слова — изменяться родовая принадлежность существительного (*тройбана* в отличие от распространенного *тройбан — тройка*), неправильно образовываться падежная форма (*толкать мыслью*).

При **острословии** необычная форма выражения связана с более образной, экспрессивной передачей содержания [Земская 1983: 175]. Пример острословия — прежде всего, метафоры (в том числе и приведенные выше): урок — *митинг, тусовка, отстрел*, учить уроки — *напрягать мозги*, первая парта — *лобное место*.

Острословие проявляется особенно ярко в условиях языковых контактов, когда на русский молодежный сленг оказывает влияние иноязычная среда, добавляющая к гротеску яркие и оригинальные черты. В сленге идет активный процесс заимствования слов одного языка другим, когда в каких-либо новообразованиях в качестве производящих используются иноязычные основы. Иноязычные заимствования и различные образования на их основе — явление, характерное для сленга в значительно большей мере, чем для литературного языка. Правда, вряд ли правомерно утверждение о том, что они занимают первое место по продуктивности [Береговская 1996: 33]. Даже в сленге русской молодежи Эстонии, где к заимствованиям из английского прибавляются еще и эстонские, варваризмы и образования на их основе составляют не более 8% сленгизмов. Тем не менее, несмотря на относительную немно-

гочисленность, такие образования бросаются в глаза своим специфическим видом и являются особенностью сленга, бытующего в условиях языковых контактов.

Сленг русской молодежи Эстонии отличается от сленга молодежи в России прежде всего эстонскими заимствованиями и образованиями на их основе, по крайней мере, если судить по словарям, которыми мы располагаем. Так, в школьном сленге имеется ряд варваризмов в наименованиях школьных предметов: *фюзика*, *кемия*, *музик*, *мусик*, *реалий*, связанных со школьным бытом: *пенал* — *пиналь*, *тетрадь* — *вихик*, *контрольная работа* — *контрольтё*.

Хотя исследователи сленга справедливо отмечают в качестве наиболее характерных его черт метафоричность и преобладание семантической деривации над аффиксальной [Ермакова 1996: 192], все же значительная часть наименований от иноязычных основ образуется путем присоединения аффиксов, и именно русских аффиксов, при помощи которых происходит освоение слова языком. Чаще всего используются диминутивные суффиксы: *исик* ('отец' *isa+ик*), *лапсик* ('ребенок' *laps+ик*), *каксик* ('оценка "два" *kaks+ик*), *пликушка* ('девчонка' *plika+ушк*). Иногда этот процесс сопровождается грамматической адаптацией к системе русского языка по аналогии с русским словом *plurale tantum* (*келл+ик+и* 'часы'). Реже встречаются универбы: *каубушка* (*kaubamaia* 'универмаг'), *эстикельша* (*eesti keele õpetaja* 'преподаватель эстонского языка').

Глагольное образование возможно только путем суффиксации: *мытлить* ('думать' от эст. *mõtlemä* 'Что ты мытлешь?'), *кыйкнуться* (1. кончить(ся); 2. сойти с ума; 3. разбить(ся); 'все' — *kõik+ну+ть+ся*), *магать* ('спать' — *magama*), *максовать* ('платить' — *maksma*). Последний глагол настолько органично вошел в русский сленг, что даже перфективируется: *замаксовать*, *отмаковать*. Среди глаголов есть несколько весьма своеобразных универбов: *сайтарить* (*said aru* 'понял' в форме 2 лица ед.ч.), ср. *айльбиякнуть* ('вернуться' от англ. *I'll be back*). Любопытен тот факт, что в сленге молодежи северо-восточной части Эстонии, в основном русскоязычной, число заимствований из эстонского почти такое же,

как в Тарту, где преобладает эстонское население и русские школьники, несомненно, лучше владеют эстонским языком, чем на северо-востоке страны. Возможно, что достаточно высокая продуктивность заимствований в сленге школьников северо-востока объясняется тем, что эстонский язык в этом регионе по степени мотивированности его изучения, с одной стороны, и степени “экзотичности”, с другой, близок к английскому, что и подтверждается примерно одинаковым количеством английских и эстонских варваризмов и их производных в сленге. Демонстративно-аттрактивная функция реализуется в условиях иноязычного окружения в весьма своеобразной морфолого-деривационной игре на основе двух или трех языков.

Э. Береговская назвала третью важную прагматическую функцию сленга **депрециативной**. Она проявляется в едкой иронии, объектом которой чаще всего становятся родители, учителя, школьная администрация — все, кто олицетворяют власть. Об этом свидетельствует целый ряд номинаций, напр.: родители — *предки, шнурки, черепа, огрызки, надзиратели, ботинки, кеды, домогатели*; прозвища учителей — *погоняло, курадиха* (учитель эстонского языка), *канистра, классуха, крыса, рыбий глаз, вобла, жаба, клюшка, свинья, старуха, удав*; учительская — *зжималовка, комната мучителей, мучительская, сбор придурков, опасная зона, комната пыток*; директор школы — *дирик, бес, черт*. Лексемы с ироническим и пейоративным оттенком используются и по отношению к соученикам, и даже к друзьям, но удельный вес их среди других номинаций невелик, в названных же семантических группах такие пейоративно-иронические наименования явно доминируют. Причиной этого является реализация сленгом депрециативной функции. По мнению Э. Береговской, она проявляется в критическом, ироническом отношении ко всему, что связано с давлением государственной машины. «Здесь ощущается резко выраженный идеологический момент — “системный” сленг с самого своего возникновения противопоставляет себя не только старшему поколению, но прежде всего прогнившей насквозь официальной системе» [Береговская 1996: 38]. Следует отметить, что в нашем ма-

териале не оказалось лексики, прямо отражающей сопротивление давлению государственной машины, depreciативность школьного сленга направлена на посредников этого давления — родителей, школу.

По всей вероятности, в начале своего существования сленг, как и другие аргы, выполнял **криптолалическую** функцию. Во всяком случае, в эпоху “Очерков бursы” Н. Г. Помяловского (50–60-е годы прошлого столетия) эта функция сленговой лексики была гораздо более значимой, чем в наше время, когда сленг широко используется в художественной прозе и особенно в средствах массовой информации, когда издаются словари сленга. Тем не менее, нельзя говорить о полном исчезновении криптолалической функции до тех пор, пока существуют, например, метонимии, имеющие эвфемический характер с целью затушевать негативную суть денотатов (*травка* — наркотик для курения).

Рассмотренные функции сленговой лексики связаны друг с другом и взаимодействуют между собой. Выше уже отмечалось взаимодействие репрезентативной и демонстративно-аттрактивной функций, обеспечивающее развитие и быструю смену номинаций в сленге; тесная взаимосвязь между depreciативной и криптолалической функцией может быть прослежена на примере прозвищ учителей, где ирония сочетается с желанием утаить от непосвященных истинный объект номинации. Таким образом, взаимосвязь и взаимодействие функций часто проявляются даже в рамках одного слова.

ЛИТЕРАТУРА

- Береговская Э. М. 1996 — Молодежный сленг: формирование и функционирование. *Вопросы языкознания*. 3. 32–40.
- Ермакова О. П. 1996 — Семантические процессы в русском молодежном жаргоне. *Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокура*. Москва. 190–199.
- Земская Е. А. 1973 — Введение. *Русская разговорная речь*. Москва. 5–39.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова И. И. 1983 — Языковая игра. *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*. Москва. 172–214.

- Хейзинга Й. 1992 — *Homo ludens. В тени завтрашнего дня*. Москва.
Якобсон Р. О. 1975 — Лингвистика и поэтика. Структурализм “за”
и “против”. Москва. 193–230.

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ И ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (на материале болгарского, польского и русского языков)

И. ЛИКОМАНОВА

1. В данной статье анализируются только те явления речевого этикета (в дальнейшем — РЭ), которые самым прямым образом отражают и называют взаимоотношения между собеседниками. Это те формы РЭ, которые являются системными, конвенциональными в отличие от факультативных, контекстуально зависимых, текстовых, окказиональных. Интерес к рассматриваемым формам РЭ спровоцирован тем, что в отличие от остальных форм РЭ (приветствие, прощание, приглашение, пожелание и т.д.) именно формы, обозначающие человеческие взаимоотношения, подверглись в последнее десятилетие в славянских языках некоторым изменениям. Это касается различных славянских языков в большей или меньшей степени в зависимости от протекающих в стране процессов и от употребления языковых форм в период до общественных перемен.

Изучение славянского РЭ связано, с одной стороны, с регистрацией типично национальных, культурных особенностей, с другой стороны — с очерчиванием границ неграмматических знаний о языке, необходимых при обучении иностранному языку, поскольку каждый человек, изучающий иностранный язык, рассчитывает на корректное общение на этом языке. А каждый диалог, каждый разговор начинается с обращения. Обращения находятся в основе всех остальных форм РЭ.

Системы форм обращения к присутствующему собеседнику можно описать при помощи конкретных параметров, что даст представление об общих элементах в системе обращения

и о межъязыковых различиях. Каковы категории форм обращения в трех славянских языках, каковы принципы организации системы обращения и ее функционирования в каждом из них, какова иерархия тех признаков, которые определяют использование той или иной этикетной формулы? Особенно интересно проследить изменения, которые произошли в этих категориях за последние десять и более лет. Несомненно, эти изменения основываются на исторически более отдаленных процессах, и их исследование кажется нам очень любопытным, но здесь мы ограничимся микродиахронной перспективой.

1.1. Материалом для настоящих наблюдений послужили записи устной речи, главным образом, непринужденного общения, но также, неизбежно, и публичного, официального. Некоторые из них записаны от руки, значительная часть — это наблюдения коллег-лингвистов. Для болгарского языка, кроме этого, представлены результаты социолингвистической анкеты, проведенной К. Цанковым из Великотырновского университета, ответы на которую довольно четко представляют болгарский РЭ и изменения, произошедшие в нем.

1.2. Следует подчеркнуть, что представлен главным образом городской РЭ. В настоящий момент в Болгарии по данным “Статистического справочника” в городах живет больше 68 % [Ликоманова 1993: 201], в Польше — около 62 % населения [RS 1994], данные о России свидетельствуют, что в конце 60-х годов в городе проживало 55 % населения страны, сейчас этот процент, по всей вероятности, выше [Крысин 1997: 31]. Эти факты убеждают в необходимости наблюдения в первую очередь городского РЭ, тем более, что изменения происходят прежде всего именно в нем.

1.3. Одна из последних оговорок в этом тексте: нам кажется важным дескриптивный подход — как адресант говорит, как это адресатом воспринимается, а не то, как люди должны говорить. Прескрипция не входит в цели данного изложения.

Описание и анализ отдельных форм РЭ проводится по трем (по [Формановская 1982]) основным параметрам, из которых два нам кажутся более важными: [+/- официальность] и ролевые отношения говорящих [+/- равнопоставленность]. Третий

признак — степень знакомства — выглядит подразумевающимся и проистекающим из двух остальных (это, кстати, градуированная характеристика участников коммуникации), он особенно значим при наблюдении диалога в ситуации [– равнопоставленность]. Соответственно организованы и схемы к тексту.

2. Параметр [+/- официальность] общения в качестве основного влияет на выбор формы РЭ и на выбор речевого кода — литературный язык vs. разговорная речь. Наличие эксплицитного маркера переключения кода — тоже одна из мотиваций для подробного анализа РЭ.

При этом первый член оппозиции [+ официальность] дает разные обращения в разных языках, тогда как второй — частное общение — различается лишь межъязыковыми словарными соответствиями. В этом фрагменте интересно распределение форм типа [– официальность] по социальным параметрам; в чисто языковом плане не видно сложностей и принципиальных различий между анализируемыми языками.

2.1. В аспекте параметра [– официальность] следует отметить, что в польском языке активно функционирует форма звательного падежа имени существительного: *Marku, co robisz? Katarzyno, nie pisz tak!*, тогда как в болгарском языке употребление звательных форм неустойчиво. Это видно и по результатам анкеты. Причиной, по всей вероятности, является как инвазия неславянских собственных имен (типа *Марията, Жаклина, Денис*), так и практика употребления неизменными слишком длинных имен славянского типа (*Светозара, Бранимир, Димитър*).

2.1.1. Формы обращения на *ты* — “тыканье” — характерны для общения в болгарской деревне, где существуют специальные лексические средства выражения уважения: *бай*, в прошлом — *чорбаджи, майсторе* и, по профессиональному признаку, — *учителю, кмете, (дядо) попе*. Все эти архаичные обращения без исключения сохраняют свои звательные формы.

2.2. В польской языковой ситуации важно отметить широкое применение обращения на *ты* среди молодежи, в том числе незнакомой между собой, т.е. среди студентов на террито-

рии университета, в общежитии, на спортплощадке, в молодежных лагерях, спортсекциях, везде, где подразумевается присутствие только студентов. Иностранца, не привыкшего к такой “фамильярности”, в первый момент это может смутить, даже шокировать. В то же время переход от официальной формы обращения к неофициальной для поляков сопровождается некоторым ритуалом и наблюдается не так часто, как можно было бы ожидать, исходя из описанного выше.

3. Официальное обращение в устной речи можно охарактеризовать инвариантом *Wy*. Это *Wy*, однако, имеет разные проявления в разных языках и поэтому будет рассмотрено в отдельности для каждого из них.

3.1. В польской речи параметр [+ официальность] делил обращения на две различные по частотности употребления группы форм, в зависимости от социальных сфер, которые они обслуживают: *pan pizze* и *towarzyszu / towarzyszko pizcie!* Не случайно эти формы представлены в контексте глагольных форм, т.к. они различны при различных обращениях. Для привативного члена оппозиции обращения, а именно *pan pizze / państwo pizzą* (реже *państwo piziecie*, как, кстати, в чешском языке), глагольная форма находится в 3 л. ед. ч. и омонимии с существительным *pan* ‘господин’ не возникает (кроме как на занятиях по польскому языку для начинающих), поскольку само существительное редко выступает самостоятельно в речи и сопровождается обычно различными модификаторами: *ten pan* ‘этот господин’, *wysoki pan* ‘высокий господин’ и т.д. С формулой *pan* можно обратиться к каждому поляку, и недоразумения не возникнет. Эта форма несколько парадоксально звучит, но употребляется, например, между людьми, знакомыми более 15 лет, постоянно встречающимися на именинах или праздниках у друзей, между уборщицами на предприятии, между швейцарами в гостинице и т.д. Она может сочетаться как с именами, так и с фамилиями, это свидетельствует о ее универсальности и способствует таковой.

У второго члена польского инварианта *WY*, выраженного обращениями типа *towarzyszu, obywatelu*, была ограниченная и замкнутая сфера функционирования: в (бывшей) милиции, в армии и в ПОРП. Он сочетался с глаголом во 2 л. мн. ч.

Таким образом, польский РЭ оформлял трехчленную систему, в которой доминирующую роль исполняло обращение *pan*. Оно употребляется довольно широко и в неожиданных для болгарина речевых ситуациях, например: *panie kieroweo*, букв. 'господин шофер', *panie woźny* 'господин портье'; в каждом учреждении к человеку с подразумеваемым высшим образованием обращение будет *panie magistrze* / *pani magister* или *panie inżynierze* и т.п. Поляки, как писала К. Писаркова, любят величать друг друга, поэтому к подполковнику обращаются *panie pólkowniku*, к заместителю директора — *panie dyrektorze*, к проректору — *panie rektorze* и т.д. Повсеместное употребление обращения *pan* + 3л. ед. ч. глагола не имеет аналогов в славянских языках.

3.2. У русского языка свои особенности — кроме форм *товарищ*, *Вы* существует типично русское обращение по имени-отчеству. Первое обращение, подобно польскому *towarzysz*, характеризуется внутрипартийностью. Но кроме этого, особенно в сочетании с фамилией, оно имело четкий оттенок официальности [Формановская 1982: 111] — *товарищ Петров*, *товарищ Николаева*. Некоторыми авторами отмечалось, что оно наиболее универсально по отношению и к незнакомым, и к знакомым, хотя в последнем случае рекомендовалась форма имени-отчества [Земская 1987: 220–226] именно из-за официальности обращения *товарищ*. Эта официальность поддерживалась, вероятно, и отсутствием формы для жен. р.: *товарищ профессор* может быть обращением и к *профессору Иванову* и к *профессору Ивановой*.

3.3. В болгарском языке аналогичное обращение, т.е. *другарю* / *другарко* (звательная форма) + глагол во 2 л. мн. ч. было официально введено в 1948 г. Им заменили функционировавшие до этого *господин*, *госпожа* (не в звательной форме), *госпожица* 'барышня'. В официальном общении, для обращения к незнакомым, к старшим по службе, возрасту и званию это обращение некоторое время существовало как единственная возможная форма: *другарю Стефанов*, *другарко Тодорова*, также с названиями профессий: *другарю инженер* и с названиями должностей: *другарю директор*, *другарю министр*, *другарю начальник*. Не привилась форма **другарю доктор* по от-

ношению к врачу, а скорее *доктор Илиев*, очень дистанцированно и по-партийному звучали обращения **другарю професор* в отличие от нейтрально-уважительного *професор Иванов*. В большинстве ситуаций говорящие пользовались обращениями без этикетных формул, это видно и из анкеты [Цанков 1994].

В то же время в болгарском языке в отличие от русского, а тем более от польского, формы *другарю Стефанов*, *другарко Тодорова* были наиболее употребительными в школах и в межколлегиальном общении. Как показывают результаты анкеты 1984 г., более половины учеников пользовались этими формами: *другарю Иванов* — 54 %, *другарю учител* — 40,5%. Любопытно, что для параллельных форм обращения к учительницам соотношение цифр другое: 71,5% для *другарко Иванова*, *другарко учителко* — только 2%, и целых 21,5% учеников обращались к учительнице прямо *другарко*. Такое обращение выглядело, по-видимому, слишком коротким — у устной речи свои ритмические особенности, — и к нему добавлялось часто вступительное *моля* (приблизительно соответствующее русскому *пожалуйста* или *прошу*). Получилось сочетание *моля, другарко*, настолько устойчивое и фреквентное, что оно анекдотически субстантивировалось и в функции подлежащего получало определенный артикль; при этом предложение звучало следующим образом: *моля другарката каза...*, *моля другарката ни разреши...*

4. Изменения, наблюдаемые в 80-е и 90-е годы.

4.1. Особые изменения в польском РЭ не произошли. Даже в период тоталитаризма поляки сохранили довоенные, восходящие к аристократическим временам шляхты обращения *pan*, *pani*, *państwo*. Более того, они сохранили и продолжили традицию обращаться в семье к старшему поколению по этой же формуле: *czego babcia się napije? co tata kupiła? czy tata wie, że...* О высокой частотности обращения *pan* в сочетаниях с названиями профессий — более или менее престижных — было упомянуто выше.

4.2. В болгарском языке *другарю / другарко* после ноября 1989 г. автоматически заменено обращениями *господин*, *госпожа*, *госпожица*. При самостоятельном употреблении “но-

вые” старые обращения выступают в звательной форме: *господине, госпожо, госпожице*. В сочетании с именем, фамилией или профессией обращение к мужчинам сохраняет свою основную форму, тогда как обращения к женщинам употребляются преимущественно в звательной форме, ср. *господин Стефанов, господин архитектор vs. госпожо Стефанова, госпожо (архитектор)*. Это можно проследить по результатам анкеты. Она показывает и различия в частотности разных женских и мужских форм обращения. Единственный остаток прошлого в обращении *другарко* — это звательная форма [Николаев 1995]. Из других результатов анкеты узнаем, что в 1984 г. обращение к незнакомцу в 70% было бы безлично, типа *извинете..., бихте ли..., може ли...*, а сегодня та же социальная группа респондентов в 53% употребила бы формы РЭ *господине, госпожо, госпожице*. Вновь наблюдается невозможность сочетаний **господин доктор* или **господин депутат*, **господин профессор* вместо *доктор Стефанов, профессор Иванов* или *господин Стефанов, госпожо Тодорова*. Правда, это в большей степени характеризует обращение к женщинам, студент скорее скажет *госпожа Иванова*, чем *ассистент Иванова* или *доцент Иванова*. Поэтому выше я поставила название профессии женщины в скобках. Иными словами, у “нового” старого обращения *господин, госпожа, госпожица* полифункциональное употребление.

4.3. Широкая гамма специфических обращений в русском языке привела к некоторым смещениям сфер употребления формул РЭ *товарищ, гражданин* в пользу более нейтральной “имя-отчество” в плане [+/- равнопоставленности], кроме того, появились и новые, заимствованные, как *дамы и господа* (так же как и в болгарском языке, но в отличие от польского *panie i panowie*).

5. В заключение отметим проблемы, которые связаны с РЭ, но остались за рамками этого изложения.

Часть представленной схемы содержит место переключения и проведения разговора между неравнопоставленными партнерами, т.е. *ВЫ-ты* (в польском *Pan-ty*). Для диалога время, место и ритуал переключения особенно интересны с точки зрения социальных взаимоотношений и профессионального

престижа. В значительной степени это относится к поведенческим, речевым стереотипам и поэтому представляет особый интерес при обучении иностранному языку.

Общение между родственниками хотя и не изменилось в плане выражения, представляет исследовательский интерес в сопоставительном плане, поскольку дополняет картину обращений в РЭ данного языка и, находясь в общей с ним системе, подвергается ее влиянию.

Также ценны в сопоставительном плане и речевые ситуации без эксплицитного обращения, к которым исследователи разных языков в качестве иллюстрации приводят вопрос о времени: рус. *Извините, не скажете, который час?* болг. *Извинете, колко ви е часът?* польск. *Przepraszam, która godzina?* Безличность, однако, в последнее время ввиду изменения РЭ в значительной мере снизилась.

Эта проблематика с учетом ее значимости для межлических, межкультурных, межнациональных отношений заслуживает изучения и в будущем.

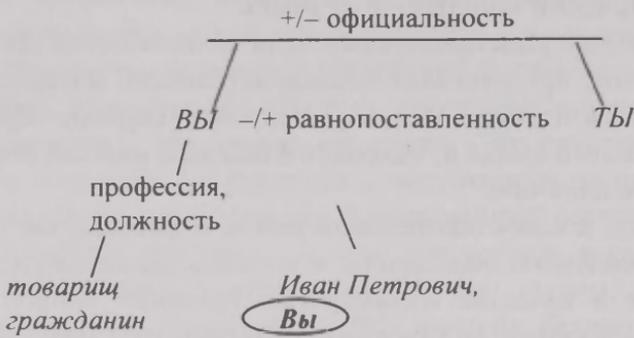
ПРИЛОЖЕНИЯ

1. РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТЫ СРЕДИ СТУДЕНТОВ И УЧЕНИКОВ

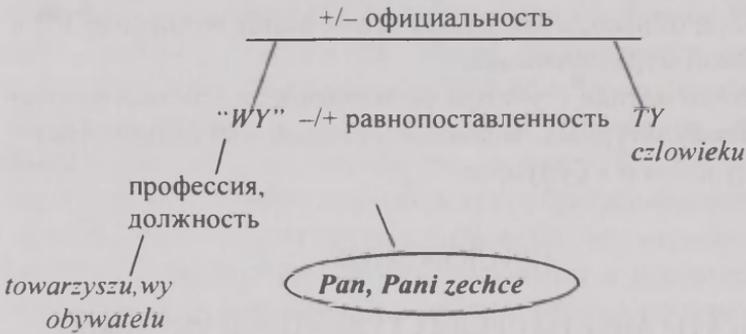
1984 г.			
другарю Иванов	54%	другарко Иванова	71,5%
другарю учител	40,5%	другарко учителко	2%
другарю	5,5%	другарко	21,5%
1994 г.			
господин Иванов	56%	госпожо/а	47,5%/19%
господин	32%/1,5%	госпожа учителка	1%
учител/ю			
господине	10%	госпожо	32,5%

II. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ФОРМ РЭ В ОТДЕЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ

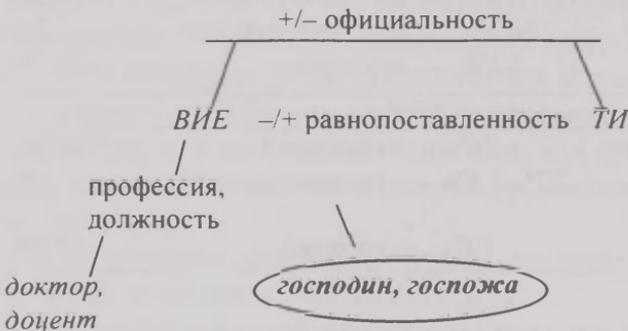
РУССКИЙ ЯЗЫК

ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

ЛИТЕРАТУРА

- Земская Е. А. 1987 — *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*. Москва.
- Крысин Л. Н. 1997 — *Русский язык*. Ополе.
- Ликоманова И. 1993 — *Езиковата ситуация в България днес. Socjolingwistyka*. Т. 12/13. Kraków. 199–209.
- Николаев Б. 1995 — *Обръщенията в контекста на учтивите форми. Проблеми на социолингвистиката*. София. 149–151.
- RS 1994 — *Rocznik statystyczny GUS*. Warszawa.
- Формановская Н. И. 1982 — *Вы сказали: "Здравствуйте!" Речевой этикет в нашем общении*. Москва.
- Цанков К. 1994 — *Социолингвистика и речев этикет*. Велико Търново.

О ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ
(КИНЕТИЧЕСКИХ) КОМПОНЕНТОВ
КОММУНИКАЦИИ ПРИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ
АНАЛИЗЕ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

А. ЛИПОВСКА

То же — да не то.
Г. Гачев¹

“Я схватывал памятью, когда взрослые называли какую-нибудь вещь, и по этому слову оборачивались к ней; я видел это и запоминал: прозвучавшим словом называлась именно эта вещь. Что взрослые хотели ее назвать, это было видно по их жестам, по этому естественному языку всех народов, слагающемуся из выражения лица, подмигивания, разных телодвижений и звуков, выражающих состояния души, которая просит, получает, отбрасывает, избегает. Я постепенно стал ображать, знаками чего являются слова, стоящие в разных предложениях на своем месте и мною часто слышимые, принудил свои уста справляться с этими знаками и стал ими выражать свои желания” [Августин. *Исповедь*. 1.8]. Этими словами выдающегося философа своего времени Аврелия Августина начинаются “Философские исследования” Людвига Витгенштейна [Витгенштейн 1985: 79], где автор, комментируя цитату, пишет о сущности человеческого языка и о том, как слова обозначают предметы.

Хотелось бы выделить другой момент в приведенных рассуждениях: в описываемом процессе, кроме слов, естествен-

¹ [Гачев 1995: 209]

ным образом участвуют выражение лица и телодвижения, и они являются его неотделимым элементом. Еще античные авторы интересовались кинетическими средствами в процессе общения. Однако следует указать, что этот неослабевающий интерес был связан до недавнего времени в основном с вопросами риторики, происхождения языка и проблемами сурдопедагогики. Лишь в наше время специализированным исследованием мимики, жестов и поз стали заниматься психологи, психиатры, биологи, этнографы (см. обзор теорий в — Вальсинер, Миккин 1974). Важным этапом в изучении этих средств являются работы в области психо-, социо- и паралингвистики, а также в рамках семиотики, теории коммуникации, этнокультурологии. Обратим внимание и еще на один момент в “Исповеди” св. Августина, где говорится о том, что мимика и жесты являются естественным языком всех народов. По всей вероятности, имеется в виду естественная, т.е. присущая человеку, врожденная способность совершать определенные телодвижения в процессе речевого общения. Следует подчеркнуть, однако, что эта естественная способность имеет разные проявления в рамках разных культур и социумов.

В эпоху бурного развития непосредственных международных контактов во всем многообразии их форм не вызывает никакого сомнения необходимость исследования мимики, жестов и поз в процессе общения между представителями разных народов с целью обеспечения взаимопонимания.

Эта необходимость вызвала появление немалого количества работ, посвященных описанию отдельных кинетических систем или их элементов, см. работы [Акишина 1991; Алексова 1995; Балтова, Предоева 1997; Верещагин, Костомаров 1981; Алликметс 1994; Волос 1972; Горелов 1980; Григорьев, Григорьева, Крейдлин 1995; Колшанский 1974] и др., а также сравнению некоторых из них, см. работы [Акишина, Кано 1992; Андриянов 1977; Верещагин, Костомаров 1976; Капанадзе и Красильникова 1983; Николаева, Успенский 1966; Райнов 1993; Смирнова 1977; Фаст 1993; Ходина 1981; Холл 1993; Якобсон 1970] и др.

Нам не известны сопоставительные исследования мимики и жестов в сфере общения на близкородственных языках. Бли-

зость языков и культур, сходные условия жизни и деятельности ведут к допущению о том, что кинетические системы также обнаруживают высокую степень сходства. Мы не отрицаем правомерность такого мнения, но хотелось бы, во-первых, проверить факты, а во-вторых, продемонстрировать наличие, наряду со сходством, расхождений разного характера, которые, как правило, очень трудно уловить. Это позволяет пренебрегать ими, и, в свою очередь, приводит к нарушениям в коммуникации.

Объектом нашего анализа являются кинемы² в русской речи и их корреляты в болгарской речи. Перед нами стояла задача сопоставить их, вывести существующие сходства и различия.

Цель предпринятого исследования — лексикографическое представление русской кинетической системы в сопоставлении с болгарской. Она подчинена общей в современной лингвистике тенденции к “ословариванию” языкового описания [Караулов 1981: 38]. Хотя у Ю. Н. Караулова речь идет о языковом описании, а не о невербальных объектах, но следует подчеркнуть, что противоречия здесь нет: кинемы рассматриваются не отдельно от вербального выражения, а во взаимодействии с ним; это сосуществующие элементы единого процесса непосредственного общения.

Материалом для анализа служат данные словаря *Жесты и мимика в русской речи* [Акишина 1991]. Аналогичного словаря, представляющего болгарскую кинетическую систему, не существует, поэтому для сопоставительного анализа используются наблюдения автора, который является носителем болгарского языка.

В работе применяется метод сопоставительного анализа. Основой конкретной методики сопоставления является разработанная И. Червенковой [с опорой на — Сятковский 1976] методика попарного сопоставительного анализа лексических единиц [Червенкова 1982]. В рамках этого подхода сопоставлению подвергаются и план выражения, и план содержания

² “Кинема — значимый жест, мимическое и пантомимическое движение, входящее в коммуникацию в качестве невербального компонента при непосредственном общении коммуникантов” [ЛЭС 1990: 221].

анализируемых единиц. В нашем случае сопоставляется план выражения русских и болгарских кинем и их содержательная структура. Исходным пунктом анализа является русская кинетическая система. Единица объекта анализа — русско-болгарская пара кинем. Используемая методика предполагает двунаправленность анализа: сравнение каждой пары проводится сначала в направлении от русской кинемы к ее болгарскому корреляту, а потом от болгарской кинемы к русскому корреляту. В результате сопоставления между анализируемыми единицами выявляются отношения сходства, включения, пересечения и отсутствия общей части в формальном и содержательном аспектах. В рамках формального аспекта исследуется, с одной стороны, конкретное телодвижение, физическая реализация жеста, а с другой — его вербальное представление в устной и письменной речи. Содержательный аспект выявляет отношения сходства и расхождения в области семантики, прагматики, системных связей кинем.

Представленный подход оправдал себя при сопоставлении вербальных единиц близкородственных языков, какими являются русский и болгарский, он работает и при сопоставлении невербальных кинетических средств общения в рамках русской и болгарской языковой среды. Следует, однако, обратить внимание на тот факт, что ярко выраженный прагматический аспект большинства кинем является важной предпосылкой второго этапа сопоставления, ведущим аспектом которого будет прагматический. Этот аспект, по всей вероятности, в будущем окажется определяющим и при составлении русско-болгарского словаря мимики и жестов, в котором расположение материала будет зависеть не от названий частей тела, являющихся активными или пассивными органами в реализации телодвижения, а от цели употребления данной кинемы в ходе непосредственной речевой коммуникации, т.е. от иллокутивной силы речевого акта, в котором определенное телодвижение участвует.³ При этом нужно иметь в виду, что одни кинем

³ “Иллокутивные акты конвенциональны; ... могут выполняться и невербально, но даже в этом случае только конвенциональный невербальный акт может заслужить имя иллокутивного акта. скажем предупреждения” [Остин 1986: 100]. “Условия успешности предполагают, что адресат спо-

мы дублируют своим участием цель речевого акта, другие выступают вместо вербальных средств, а третьи вносят некоторые коррекции в вербальный текст.

Далее остановимся на отдельных моментах результатов сопоставления, интересных с точки зрения прагматики.

Попытаемся представить сначала вопросы, появляющиеся в связи с русскими и болгарскими кинетическими *да* и *нет*. Это довольно часто эксплуатируемый пример, см. работы [Акишина 1991; Верещагин, Костомаров 1976; Гребенев 1996; Якобсон 1970] и др. Он удобен тем, что очень “легко” авторами указывается, что эти кинемы противоположны, и тем самым заканчивается объяснение. У Якобсона эта противоположность уточняется более подробным описанием движений головы, с которым можно в принципе согласиться, но следует обратить внимание на отмеченное автором отбрасывание головы назад в болгарской кинеме *нет* (К1б)⁴. Это движение действительно является ее элементом, но элементом начальным, не ярко выраженным и тем самым не нуждающимся в такого рода выделении. Такое описание может подвести носителей русского языка, изучающих болгарский язык как иностранный. Однако, как нам представляется, не в этом состоит сложность сопоставления указанных кинем. Без рассмотрения русских и болгарских кинетических *да* и *нет* на фоне более широкой области выражения подтверждения и отрицания, а также согласия и несогласия невозможно выявить существующие сходства и расхождения как в формальном плане (невербальном и вербальном представлении), так и в плане содержания. Вряд ли кто-нибудь решится утверждать, что в болгарской сфере общения не используется в качестве отрицания кинема (К2б), которую можно описать как вращение головы из стороны в сторону. Ср. описание совпадающей по форме кинемы (К1р) в русской сфере общения в [Акишина 1991: 26]:

собен опознать иллокутивную силу Р. а. (речевого акта — А. Л.), которая должна в нем быть вербально или невербально (просодически, мимически) выражена” [ЛЭС 1990: 413 — Арутюнова Н. Д.].

⁴ Здесь и далее таким образом будут условно обозначены рассматриваемые русские и болгарские кинемы (К — кинема; 1, 2, 3... — номера кинем; р — русская кинема, б — болгарская кинема).

“**качать / покачать, покачивать, мотать / мотнуть, помотать, крутить / покрутить, трясти / потрясти головой (из стороны в сторону)** — многократно быстро поворачивать голову вправо и влево. При этом подбородок может быть приподнят, а нижняя губа выдвинута вперед”. Следует, между тем, уточнить, что эта кинема (К2б) употребляется в болгарском самостоятельно или в сочетании с другой кинемой с участием указательного пальца — ср. **качать (указательным) пальцем (из стороны в сторону)** [Там же: 59] — для выражения категорического отрицания чего-либо, ярко выраженного отказа сделать что-либо, может быть также выразителем категорического несогласия, переходящего в запрет, обращенный к собеседнику. А описанное Якобсоном движение, уточненное и дополненное тем, что болгары многократно и энергично трясут головой вперед и назад так, что подбородок очень близко подходит к груди, используется для более нейтрального отрицания без элементов отказа и запрета (К1б). Конечно, это движение головы в сочетании с мимическими элементами (подбородок приподнят, нижняя губа тоже, а брови слегка сдвинуты к переносице) имеет очень мало общего с русской кинемой, выражающей подтверждение, согласие, готовность откликнуться на просьбу или приглашение (К2р), как должно было быть, если считать болгарскую и русскую систему противоположными. Между тем русская кинема (К2р), которая имеет вербальное выражение **кивать / кивнуть, покивать головой** [Там же: 27] имеет в качестве своего коррелята в болгарской сфере общения полностью совпадающую по способу реализации, а также имеющую аналогичное вербальное выражение кинему (К3б) **кимам / кимвам с глава**, которая используется с такой же целью — для выражения подтверждения, согласия с мнением собеседника. Рассматриваемая русская кинема (К2р) может быть использована и для выражения согласия, связанного с готовностью откликнуться на приглашение, просьбу, условием, уговором и в какой-то мере даже обещанием. Для этой цели болгары используют другую кинему (К4б), которую можно описать приблизительно так: один раз или многократно отклонять голову в сторону левого, а потом в сторону правого плеча. Таким образом, на вопрос-

приглашение: *Отиваме ли на кино? 'Пойдем в кино?'* — болгарин покачает головой, а русский согласится кивком головы.

Следовательно, в зависимости от определенных оттенков в прагматике рассматриваемых русских и болгарских кинем можно построить следующие поля соответствия:

Область подтверждения и отрицания и связанную с ней область согласия и несогласия включают и ряд других кинем. Ср. русскую кинему *дергать / дернуть плечом, передергивать / передернуть, поводить / повести плечом (плечами)*, выражающую несогласие с собеседником, отказ отвечать или совершить какое-либо действие [Там же: 68–69], которая в болгарской сфере общения не используется с этой целью, таким телодвижением болгары выражают обиду и в известной мере пренебрежительное отношение к собеседнику; несогласие и категорический отказ делать что-либо и нежелание быть в контакте с собеседником выражаются русской кинемой *складывать / сложить, скрещивать / скрестить руки на груди* [Там же: 101–102], в общении болгар такую позу воспринимают только как типичную позу бездельника; к этой области относятся и кинемы, при помощи которых как русские, так и болгары выражают свое отрицание и отказ видеть или слышать что-либо — *закрывать / закрыть, прикрывать / прикрыть (себе) глаза рукой (руками), затыкать / заткнуть (себе) уши (руками) (пальцами)*. Сюда можно отнести, наверное, и некоторые другие существующие кинемы, использующиеся с такой целью, но мы ограничились объемом словаря А. А. Акишиной.

Далее остановимся на некоторых способах выражения оценки (положительной / отрицательной), одобрения и неодобрения при помощи русских и болгарских кинем. В эту область нас привела вербальная реализация русской кинемы (K1p) *качать / покачать, покачивать, мотать / мотнуть, помотать, крутить / покрутить, трясти / потрясти головой (из стороны в сторону)*, которую мы рассматривали, отмечая способы выражения отрицания, несогласия. Другая русская

кинема (КЗр), вербально представленная очень близким к упомянутому выражением **качать / покачать, покачивать головой (из стороны в сторону)**, используется в русской сфере общения для выражения осуждения, критического отношения к чему-либо. Описание ее физической реализации (многократно не очень быстро отклонять голову то к правому, то к левому плечу) [Там же: 25–26] почти полностью совпадает с описанием болгарской кинемы (К4б) согласия и готовности откликнуться на приглашение, просьбу. Расхождение в данном случае видим в способе отклонения головы то к одному, то к другому плечу, а именно: русские, кстати, так же, как и болгары (К5б), для выражения критического отношения к чему-либо качают головой одинаково с сильным наклоном то в одну, то в другую сторону. Такого “акцента” не наблюдается при выражении согласия и готовности русскими (ср. К2р) и болгарями (ср. К4б). Таким образом, можно сделать вывод, что в данном случае совпадение наблюдается и в формальном, и в содержательном плане.

КЗр ————— К5б
 КЗр ≡ К5б

Здесь, как и до этого, не говорим о целостном представлении определенных пар кинем, так как не описываем результаты сопоставительного анализа всей пары, т.е. всех выражаемых кинемами значений, а представляем отдельные элементы содержательной структуры кинем, связанных с выражением определенной прагматической цели.

Критическая оценка с элементами высокомерия и пренебрежения выражается русской кинемой (К4р), имеющей следующее описание: “Пристально оглядеть человека сверху вниз или снизу вверх; голова отклонена в сторону от собеседника и откинута назад” [Там же: 10–11]. Такое телодвижение (К6б) существует и в болгарской кинетической системе, при этом используется болгарями с такой же целью, как и русскими. Можно было бы отметить, что в данном случае зафиксировано тождество кинем, если бы не было некоторого расхождения в их вербальном представлении, которое, как было уже отмечено, тоже входит в область объектов нашего анализа. Номинация данного жесто-мимического движения в русском

языке допускает варианты **осматривать** / *осмотреть, огляды-
вать / оглядеть с головы до ног (с ног до головы)*, тогда как в
болгарском языке можно сказать лишь **оглеждам** / *огледам от
главата до петите 'с головы до пяток'*.

К4р ————— К6б

К4р ≅ К6б

Знак тождества можно поставить между членами русско-бол-
гарской пары кинем (К5р и К7б), которые выражают неодоб-
рение чего-либо при помощи мимики, имеющей следующее
описание: брови сдвинуты к переносице так, что образуют
складки на лбу. В русском языке вербально эта кинема пред-
ставлена выражениями **хмурить** / *нахмурить брови (лоб); на-
супить, сводить / свести, сдвигать / сдвинуть брови; мор-
щить, наморщить лоб; хмуриться / нахмуриться, насупить-
ся; делать / сделать грозное лицо (грозную, недовольную ми-
ну); водить бровями; брови сошлись на переносице*
[Там же: 8]. В данном случае в болгарском языке наблюдается
тоже богатая гамма вербальных средств представления соот-
ветствующей кинемы, которые коррелируют с русскими выра-
жениями; следует, между тем, отметить, что такие выражения,
как **водить бровями** или **делать недовольную мину**, услы-
шанные или прочитанные болгарами, изучающими русский
язык, вызовут у них затруднения. Учащиеся не поймут, о ка-
кой кинеме идет речь, хотя ее физической реализацией и со-
держанием они в принципе владеют.⁵ Эта проблема очень
важная, и она заслуживает соответствующего внимания при
сопоставительном исследовании русской и болгарской кине-
тических систем, русского и болгарского языков.

К5р ————— К7б

К5р ≅ К7б

Для выражения одобрения, похвалы, положительной оценки
кого- или чего-либо в русской сфере общения часто использо-
ется кинема (К6р) с номинацией **выставлять** / *выставить,
показывать / показать, поднимать / поднять большой палец*
[Акишина 1991: 57]. Ее можно отнести к разряду безэквива-
лентных кинем. Как к безэквивалентной лексике, так и к без-

⁵ См. об этом: [Верещагин, Костомаров 1981].

эквивалентной кинесике исследователи должны проявлять особое внимание, потому что незнание данной мимики, жеста, позы, используемых в общении на изучаемом иностранном языке, может привести к нежелательным помехам в коммуникации. В данном случае болгары не поймут ни цели употребления жеста при непосредственном общении на русском языке, ни тем более его вербального выражения в письменной или устной речи. При непосредственном общении существует опасность на основании сходства в способе реализации отнести его к кинеме пожелания, очень редко используемой, но все же существующей в болгарской сфере общения (ср.: при помощи этой болгарской кинемы желают удачи, успеха).

К6р ————— О

Для выражения оценки, отношения к фактам действительности, к высказываемому мнению, к собеседнику и т.п. русскими и болгарскими используется и ряд других кинем, некоторые из которых тождественны; между другими наблюдаются отношения включения, пересечения, а есть и такие кинемы, которые относим к разряду безэквивалентных.

В заключение хотелось бы особо выделить только некоторые из множества проблем, возникающих при сопоставительном анализе кинетических систем близкородственных языков, который должен предшествовать презентации материала в двуязычном словаре мимики и жестов. Следует обратить внимание, с одной стороны, на соотношение вербального и невербального компонентов в рамках каждого из сопоставляемых языков, а с другой — на соотношение этих компонентов при сопоставлении. Дело в том, что, наряду с полным совпадением (или несовпадением) в невербальном плане и наличием полной эквивалентности (или безэквивалентности) в вербальном выражении определенных кинем в общении на русском и болгарском языках, существует множество расхождений промежуточного характера. Необходимо подробно описывать кинемы, особо выделять расхождения в вербальном и невербальном плане представления. Проблемой другой природы является способ визуального представления в словаре. Решение видится в реализации такого типа словаря не в форме книги, а на CD-ROM.

В конце хотелось бы обратить внимание на эпиграф к статье *То же — да не то!* — воплощающий в себе основной вывод, который напрашивается в результате проведенного нами сопоставления. Казалось, что русская кинетическая система та же, что и болгарская, но оказалось, что не та. Было проанализировано 196 русско-болгарских пар кинем, имеющих в качестве исходных русские кинемы, включенные в словарь А. А. Акишиной. Около 35% из них обнаруживают отношение тождества, лишь 3 русские кинемы можно отнести к безэквивалентной по отношению к болгарской кинетической системе кинесике, а во всех остальных парах наблюдаются отношения включения и / или пересечения.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишина 1991 — А. А. Акишина, Х. Кано, Т. Е. Акишина. *Жесты и мимика в русской речи*. Москва.
- Алексова Р. 1996 — Элементи на невербалната комуникация в ежедневното общуване на българина (по време на учебните часове в училище). *Езикът и социалните контакти*. София.
- Алликетс К. 1994 — Невербальные средства коммуникации — составной компонент профессионального портрета учителя. *Национально-культурный компонент в тексте и языке*. Минск.
- Андриянов В. В. 1977 — Сравнительная характеристика жестов русских и французов. *Национально-культурная специфика речевого поведения*. Москва.
- Балтова П., Предоева А. 1997 — *Аспекти на речевата комуникация*. София.
- Вальсинер Я., Миккин Х. 1974 — Невербальная коммуникация в диадах (по материалам экспериментальных исследований за рубежом). *Ученые записки Тартуского ун-та*. Вып. 335. Тарту.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. 1976 — *Язык и культура*. Москва.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. 1981 — О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка). *Вопросы языкознания*. 1.
- Витгенштейн Л. 1985 — Философские исследования. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. Москва.
- Волос Р. П. 1972 — Введение в изучение невербальной коммуникации русского языка. *Страноведение и преподавание русского языка иностранцам*. Москва.
- Гачев Г. 1995 — *Национальные образы мира*. Москва.
- Горелов И. Н. 1980 — *Невербальные компоненты коммуникации*. Москва.

- Гребенев А. Л. 1996 — Своеобразие речи в межкультурной коммуникации. *Езикът и социалните контакти*. София.
- Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. 1996 — Словарная статья в экспериментальном словаре русских жестов, мимики и поз. *Московский лингвистический журнал*. 1.
- Капанадзе М., Красильникова Е. В. 1983 — Жест и структура высказывания в разговорной речи. *Русская разговорная речь*. Москва.
- Караулов Ю. Н. 1981 — *Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка*. Москва.
- Колшанский Г. В. 1974 — *Паралингвистика*. Москва.
- ЛЭС 1990 — *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва.
- Николаева Т. М., Успенский Б. А. 1966 — Языкознание и паралингвистика. *Лингвистические исследования по общей и славянской типологии*. Москва.
- Остин Дж. 1986 — Слово как действие. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. Москва.
- Райнов В. 1993 — *Символното поведение на човека*. София.
- Смирнова 1977 — Сопоставительное описание элементов русской и английской кинесической коммуникации. *Национально-культурная специфика речевого поведения*. Москва.
- Сятковский С. 1976 — Основные принципы сопоставительного анализа языков. *Русский язык за рубежом*. 4, 5.
- Фаст Дж., Холл Э. 1995 — *Как понять иностранца без слов*. Москва.
- Филиппов И. П. 1975 — Фразеологизмы и жесты. *Русский язык в школе*. 3.
- Ходина Н. Т. 1981 — Обозначение жестов как знаки психологических состояний в русском и английском языках. *Семантические категории сопоставительного изучения русского языка*. Воронеж.
- Червенкова И. 1982 — О сопоставительном описании русской и болгарской лексики. *Вопросы сопоставительного описания русского и болгарского языков*. *Фонетика и лексика*. София.
- Якобсон Р. 1970 — *Да и нет в мимике*. *Язык и человек*. Москва.

СООТНЕСЕННОСТЬ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА И ТЕКСТА

С. МЕЛЬЦЕР

Как отмечает ряд исследователей [Васильева 1982; Богословская, Махнева 1985], “стилистика заголовка составляет очень важный раздел в общей стилистике газетно-публицистической речи”. Удачный заголовок позволяет автору публикации интересно и рационально подать читателю газетный материал; название статьи указывает на тему сообщения, выполняя номинативную функцию, и содержит его оценку, программируя соответствующее этой оценке восприятие текста и осуществляя тем самым апеллятивную функцию. Первый тип заголовков, с преобладанием объективно-логического содержания, называется еще информативным, а второй, с доминированием субъективно-оценочного содержания, — прагматическим. От точности и четкости выполнения каждым заголовком своих функций во многом зависит успешность оформления газеты в целом.

Конденсируя содержание текста, название статьи соотносится с ним. Ранее мы писали о том, как информативная и прагматическая функции заголовков реализуются в газетах на эстонском и русском языках [Мельцер 1999]. В данной статье рассмотрим, как прагматическая направленность газетного заголовка соотносится с содержанием текста. Материалом для анализа послужили статьи из эстонских газет “Eesti Päevaleht”, “Postimees”, “Sõnumileht”, “Äripäev” и их переводы в газетах “Эстония”, “День за днем”, “Деловые ведомости” за 1997–

1999 годы. Прежде всего было проанализировано 193 газетных заголовка, которые мы разделили на пять тематических групп (культура, политика, экономика, спорт, преступления) в соответствии с рубрикацией газет, с тем, чтобы проследить, насколько точно переводятся заголовки в каждой из выделенных групп.

На данном этапе исследования наше внимание привлекли заголовки, максимально различающиеся при переводе с одного языка на другой. Мы пытались выяснить, какой аспект взят за основу при переводе, какую роль играют при этом русский и эстонский “публицистический менталитет” и как изменение названия статьи влияет на ее перевод — ведь, как было отмечено ранее, заголовок тесно связан с содержанием статьи, определяет ее доминантные смыслы. “С одной стороны, заглавие как никакая другая единица текста обращено к другим художественным системам и в наибольшей степени подвержено влиянию экстралингвистических факторов, с другой — заглавие, как никакая другая единица текста, связано со всем текстом” [Сырица 1997: 132]. Особенности перевода заголовков в зависимости от их принадлежности к той или иной тематической группе были подробно рассмотрены ранее [Мельцер 1999]. На примере трех статей проследим, как изменения в заголовках соотносятся с последующим текстом.

Напомним, что проведенный на первом этапе исследования анализ позволил нам прийти к выводу о том, что в целом для заголовков на эстонском языке характерна большая упорядоченность, сюжетность, меньшая субъективность, поскольку в них усилена информативная функция: автор констатирует факт, воздерживаясь от оценки. В заголовках же статей из русских газет доминирует прагматическая функция: автор фокусирует свое отношение к описываемому факту, учитывая ценностные ориентации и пристрастия адресата.

Название статьи на эстонском языке чаще всего представляет собой правильную синтаксическую конструкцию, в первую очередь констатирующую факт, — в русских же газетах явно доминирует оценочная, прагматическая функция названия статьи — думается, в данном случае сказывается косвенное влияние русского традиционного газетного языка, пример

российской прессы с ее броскостью, эмоциональной насыщенностью заголовков.

Наконец, в русских газетах преобладают не просто заголовки-сообщения, а заголовки-загадки, “коммуникативные фрагменты” [Гаспаров 1996], окруженные образными ассоциациями, что также усиливает эмоциональное воздействие заголовка, поскольку линейное движение языковой ткани сопровождается нелинейным потоком ассоциаций, вызываемых такими сочетаниями слов, как *русская Татьяна, лето, ах, лето, ловкость рук* и др.

Наши наблюдения над характером оформления газетных заголовков на русском и эстонском языках свидетельствуют о различиях в культурной и политической ориентации, об особенностях национального менталитета носителей данных языков, т.е. о влиянии экстралингвистических факторов на перевод названий статей. Эти изменения отражаются в тексте. Для примера возьмем статью, опубликованную в эстонской газете “Postimees” 27 июля 1999 года, и ее перевод на русский язык (“Эстония”, 28 июля 1999 года). Статья называется *Võlgades Concordia ootab rikast pruuti* (Задолжавшая “Конкордия” ждет богатую невесту) // “Конкордия” заждалась богатого жениха — и речь в ней идет о Международном университете “Конкордия”, задолжавшем налоговому департаменту и планирующем присоединиться к Эстонскому центру морского образования с его 30-миллионным бюджетом. В заголовке на языке оригинала “Конкордия” ждет невесту, а в переводе — жениха, что можно объяснить отсутствием грамматически выраженной категории рода в эстонском языке, и если на русском языке семантика “Конкордии” как слова женского рода обуславливает появление “жениха” в виде Центра морского образования (главное слово конструкции — мужского рода, в дальнейшем ЭЦМО), то на эстонском языке это противопоставление по роду нейтрализуется.

В названии статьи привлекает внимание и глагол *ootab* (ждет, ожидает) // *заждалась*: эстонский глагол не имеет коннотативного фона, в отличие от русского *заждалась*, разговорного глагола интенсивно-результативного способа действия, означающего “полноту и исчерпанность результата,

тщательность в сочетании со значением интенсивности и **экспрессивности** действия”, “интенсивную погруженность в действие” [Русская грамматика 1980: 601–602]. Таким образом, потенциальная негативная оценочность, заключенная прежде всего в слове *заждалась*, устанавливает иронический, негативно-оценочный коннотативный фон и настраивает на соответствующее восприятие переводной статьи. Каким образом это отражается в тексте?

1. *Concordia Rahvusvaheline Ülikool Eestis... soovib endiselt kosida 30-miljonilise eelarverahaga Eesti Merehariduskeskust* (Международный университет “Конкордия” в Эстонии **по-прежнему желает посвататься** к Эстонскому центру морского образования с его 30-миллионным бюджетом) // *Международный университет “Конкордия” в Эстонии по-прежнему не прочь посвататься к Эстонскому центру морского образования с его 30-миллионным бюджетом.*

Замена стилистически нейтрального глагола *soovib* предикативом *не прочь* создает определенное восприятие благодаря стилистической окрашенности слова (устаревшее, разговорное), в данном случае придающей предложению иронический оттенок.

2. *Kesk-Äriregistri andmetel ei rahuldanud Tallinna Äriregister 20. märtsil 1998. aktsiaseltsi Concordia kandeavaldust ja ettevõtte peaks kuuluma sundlikvideerimisele* (По данным Центрального коммерческого регистра, 20 марта 1998 года Таллиннский коммерческий регистр **не удовлетворил** заявление “Конкордии” о занесении в регистр, так что университет должен бы подлежать ликвидации в принудительном порядке) // *По данным Центрального коммерческого регистра, 20 марта 1998 года Таллиннский коммерческий регистр отказался удовлетворить* заявление “Конкордии” о занесении в регистр, так что университет **подлежит ликвидации в принудительном порядке.**

Перевод предложения имеет более категоричный, экспрессивный характер за счет замены отрицательной формы эстонского глагола *ei rahuldanud* / *не удовлетворил* сочетанием глаголов *отказался удовлетворить*, первый из которых имеет значение желательности, и изменения сослагательного наклонения со значением долженствования *должен бы подлежать ли-*

квидации резолютивным *подлежит ликвидации* в форме индикатива.

3. *Concordia rektori Mart Susi sõnul ... võlg maksuametile pole märkimisväärtne* (По словам ректора “Конкордии” Марта Суси ... долг налоговому департаменту **незначителен**) // *Ректор “Конкордии” Март Суси уверяет, однако, что долг налоговому департаменту ... пустяк.*

Если в оригинальном тексте упоминание о ректоре “Конкордии” — это отсылка к источнику информации, констатация факта, то при переводе предложение приобретает негативно-оценочный фон, задаваемый сочетанием глагола *уверяет* со значением убеждения кого-либо в чем-либо и последующего противительного союза *однако* со значением несоответствия предшествующему утверждению, что в целом заставляет усомниться в истинности уверений ректора. Дополнительную экспрессивную окраску предложение приобретает и за счет употребления разговорного, стилистически сниженного слова *пустяк* вместо стилистически нейтрального *pole märkimisväärtne* / *незначителен*.

4. *Concordia Ülikooli soov ... EMHK-ga ühte heita on püsinud kalju-kindlana alates 1998. aasta kevadest, mil toonane haridusminister Mait Klaassen tahtis leida krunti merehariduskeskuse väljahitamiseks Viimsi poolsaarel* (Желание университета “Конкордия” ... **слиться** с ЭЦМО укрепилось начиная с весны 1998 года, когда тогдашний министр образования Майт Клаассен хотел **найти** земельный участок для строительства центра на полуострове Виймси) // *Непоколебимое намерение “Конкордии”... пойти “под венец” с ЭЦМО укрепилось еще весной 1998 года, когда тогдашний министр народного образования Майт Клаассен **вознамерился подыскать** земельный участок для центра на полуострове Виймси.*

Использование создающих оценочно-экспрессивный коннотативный фон слов и словосочетаний *непоколебимое намерение* вместо *soov* / *желание*, *пойти “под венец”* вместо *ühte heita* / *слиться* (в данном случае в переводном варианте обыгрывается противопоставление по роду, вынесенное в заголовок статьи), *вознамерился подыскать* вместо *tahtis leida* / *хотел найти* усиливают апеллятивную функцию выска-

звания, отодвигая на второй план функцию передачи информации, тогда как в предложении на эстонском языке прежде всего констатируются факты и оно выполняет информативную функцию.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что как предваряющий газетную статью заголовок, так и следующий за ней текст на русском языке имеют более четко выраженную прагматическую направленность, чем в публикации на языке оригинала. Это подтверждается и такими имеющимися в статье соответствиями на эстонском и русском языках, как *да и богатые спонсоры нашлись бы* вместо *leiduks arvukalt sponsoreid, kes erakooli toetada tahavad* / *нашлось бы достаточное количество спонсоров, которые хотят поддерживать частный университет; вопрос не может быть решен с кондачка и в спешке* вместо *nii kiiresti ei saa riskeerida* / *нельзя рисковать в такой спешке*. Завершающим аккордом к переводной статье звучит фраза *...чтобы поступающие в вузы смогли сделать осознанный выбор и не "накололись" на вузе, не имеющем аккредитации*, отсутствующая в тексте на эстонском языке и подчеркивающая общую тональность публикации.

Проследим, каким образом прагматическая направленность газетного заголовка соотносится с содержанием статьи, на примере публикации в газете "Eesti Päevaleht" от 16 октября 1998 г. и ее перевода в газете "Эстония" (17. 10. 1998). Название на эстонском языке и его перевод оформлены следующим образом: *84-aastane vanamemm loobus korterist Heidemetsa kasuks* (84-летняя старушка отказалась от квартиры в пользу Хейдметса) // *Люди как люди. Вот только квартирный вопрос их испортил*.

Заголовок на русском языке представляет собой цитату из "Мастера и Маргариты" и включается в контекст произведения Булгакова, вызывая в памяти слова: "... они — люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было ... квартирный вопрос только испортил их..." — и создавая определенный иронически-сожалеющий настрой для восприятия последующего текста. Посмотрим, как это отражается в переводе статьи.

1. *Ta tunnistab varmalt oma vigu ja näib siiras ka siis, kui peab villast viskama* (Он всегда признает свои ошибки и выглядит искренним, даже когда говорит неправду / отливает пули) // *Сийманн всегда признает свои ошибки и выглядит искренним, даже когда вешает лапшу на уши.*
2. *Pantimine pole kuritegu — miks Siimann sellest rääkida ei tahtnud?* (Залог — не преступление, почему Сийманн не хотел об этом говорить?) // *Залог — не порок, отчего же Сийманн не хотел об этом говорить?*
3. *Enda vastandamine seadusele ja riigivõimule, olgu see enda valitud, on iseloomulik binaarsele kultuurisüsteemile* (Противопоставление себя закону и государственной власти, пусть она избрана нами самими, характерно для бинарных систем) // *Противопоставление себя закону и государственной власти, даже если мы сами избрали ее на свою голову, характерно для бинарных систем.*
4. *Seega on peaminister astunud oma eelkäija Tiit Vähi jälgedes* (Так премьер-министр ступает на путь своего предшественника Тийта Вяхи) // *Премьер вступает на скользкий путь своего предшественника Тийта Вяхи.*
5. *Eesti elanikel on olnud keskmisest veidi enam ... edasiviivat kadedust, demokraatiakogemust* (Жителям Эстонии свойственны в целом чуть больше, чем в среднем, ... побуждающая к действию зависть, опыт демократии) // *Жителям Эстонии свойственна в целом чуть больше, чем в среднем, ... “белая” зависть, заставляющая напрягаться, да и опыт демократии — тоже.*
6. *Kui eraisik Siimann ostab midagi kallist oma sugulaselt odavalt, on see tore perekond* (Если частное лицо Сийманн купил нечто ценное по низкой цене / дешево у родственника. — это хорошая семья) // *Если частное лицо Сийманн купил нечто ценное по дешевке у родственника, значит мы имеем дело с хорошей семьей.*

Поведение людей в данной ситуации с куплей-продажей квартиры поставлено в центр внимания. Вынесенное в заголовок статьи словосочетание *квартирный вопрос* получает добавочный отрицательно-оценочный фон осмысления благодаря встречающемуся в русском тексте словосочетанию *квартирная сделка* (2 раза), *квартирные махинации* (1 раз); в эстонском оригинале используются словосочетания *korterilugu* (история с квартирой) — 2 раза, *korteri imeodav ostuhind* (на

редкость низкая стоимость квартиры) — 1 раз, — имеющие более нейтральную окраску.

Если в статье на эстонском языке содержится в основном только изложение фактов истории, разворачивающейся вокруг квартиры М. Сийманна на ул. Мюйривахе, а оценка описываемых в статье событий отодвигается на второй план, то перевод усиливает ее воздействие на читателя прежде всего за счет экспрессивно окрашенной лексики, давая оценочную характеристику описываемым событиям. Название газетной статьи тесно связано с ее содержанием, и контекстом для расшифровки заголовка является весь последующий текст [Сырица 1997: 133].

Аналогичные выводы можно сделать, рассматривая текст под названием *Hilinemine: ühtne vorm aidanuks tragöödiat ära hoida. Vedurijuhi viimane teekond*. (Опоздали: единая форма помогла бы избежать трагедии. Последний путь машиниста) // *Последний путь машиниста*.

Заголовок (на русском языке — лишь часть его), представляющий номинативное предложение, входит в структуру текста, обозначая событие, произошедшее на Эстонской железной дороге в октябре 1998 года.

В сопоставляемых статьях развиваются две линии, намеченные в заголовках: *последний путь / машинист*. Обе линии поддерживаются рядом синонимов из эстонского и русского языков: *viimane teekond / последний путь, tee kalmistule / дорога на кладбище, kaotas elu / потерял жизнь, ei näe poega enam kunagi / никогда больше не увидит сына, vedurijuht / машинист, pühendunud töötaja / добросовестный работник, raudteetööline / железнодорожник, Anatoli Filkov / Анатолий Фильков*.

Далее акцент в эстонской статье делается на том, что если бы работники железной дороги имели единую рабочую форму, то и стрелявший в этой ситуации мог бы разобраться, кто есть кто. Автор перевода смотрит на ситуацию иначе: «Не дешевле ли обмундировать “стрелков”, чтобы нормальные люди, увидев эту форму, прятались подальше. Ведь потенциальными жертвами “защитничков” может стать каждый из нас, а на всех формы не напасешься». Как мы видим, авторы ориги-

нальной и переводной статей, описывая трагический характер события, акцентируют разные его причины, и это отражается как в заголовках статей, так и в их содержании.

Можно сказать, что приведенный в качестве примеров материал позволяет подтвердить предположение о том, что газетные заголовки, с одной стороны, подвержены влиянию экстралингвистических факторов и, отражая позицию автора, имеют прагматическую направленность, с другой — связаны с содержанием всей статьи, и изменения в заголовках находят свое отражение в текстах.

ЛИТЕРАТУРА

- Богословская О. И., Махнева Н. Р. 1985 — К вопросу о рекламности газетных заголовков. *Проблемы функционирования языка и специфики речевых разновидностей*. Пермь. 104–114.
- Васильева А. Н. 1982 — *Газетно-публицистический стиль речи*. Москва.
- Гаспаров Б. М. 1996 — *Язык, память, образ*. Москва.
- Золотова Г. А. 1973 — *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. Москва.
- Костанди Е. И. 1997 — Тип предложения и тип текста. *Valoda — 1996*. Daugavpils. 160–165.
- Мельцер С. Б. 1999 — Газетный заголовок как средство выражения авторской установки. *Valoda — 1998*. Daugavpils. 118–125.
- Русская грамматика. 1980 — Т.2. Москва.
- Сырица Г. 1997 — Семантика заглавий. *Valoda — 1996*. Daugavpils. 131–140.

РУССКИЙ ГЛАГОЛ НА ФОНЕ СУБЪЕКТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕКСТА

Н. К. ОНИПЕНКО

Идея субъектной перспективы текста является одной из основных составляющих концепции коммуникативной грамматики. Концепция коммуникативной грамматики поставила в центр исследования говорящую личность, а основным объектом сделала текст. Но это не означает, что грамматика из науки о языке превратилась в науку только о речи. Дело в том, что коммуникативная грамматика не противопоставляет язык и речь, а обнаруживает языковые законы порождения речи.

В коммуникативной грамматике разграничены четыре ступени речевой деятельности. Первые две ступени (А и В) принадлежат области социально-языковой практики, ступени С и D — области конкретного: тактики и стратегии конкретного текста, сфере конкретного авторского сознания.

На ступени В находятся общественно-речевые модели речевой деятельности, или коммуникативные регистры речи. Коммуникативный регистр речи представляет собой одну из возможных моделей речевой деятельности, в рамках которой говорящий предстает в одной из возможных для него ролей: в роли субъекта восприятия, субъекта знания, субъекта мнения, субъекта волеизъявления или субъекта эмоциональной реакции. Подробнее см. об этом [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 440–469].

Исследуя текст, коммуникативная грамматика уделяет большое внимание глаголу и глагольным категориям, поскольку именно глагольная синтаксема обнаруживает тот коммуникативный регистр, средствами которого оформляется

данное пропозициональное содержание, обнаруживает точку зрения говорящего. Поэтому исследование глагольных синтаксем соединяет ступени А и В. Но глагольная синтаксема связана также и с уровнем речевой тактики (ступень С), где в рамках структуры “образа автора” не только избирается конкретная социальная маска субъекта речи, но и появляются другие субъекты сознания, другие голоса, другие точки зрения.

Соединение всех субъектов (действия, сознания, речи) на одной “оси” получило название субъектной перспективы текста [Онипенко 1985; 1994]. Если понятие коммуникативного регистра позволяет увидеть разные точки зрения (разные дистанции во времени) одного субъекта, то модель субъектной перспективы соотносит точки зрения разных субъектов. Используя символы схемы субъектной перспективы, можно сказать, что типология коммуникативных регистров членит зоны модуса (S-4 и S-3), обнаруживая в них возможности разной пространственно-временной дистанцированности субъекта модуса по отношению к изображаемой действительности; сама же субъектная перспектива соединяет те субъектные зоны, которые принимают участие в организации конкретного высказывания и текста в целом.

Типология коммуникативных регистров имеет непосредственное отношение к категории времени, модель субъектной перспективы — к категории лица. Категория лица как подлинный “фундамент сказуемости” (В. В. Виноградов) имеет непосредственное отношение не только к субъектной перспективе текста, но и к коммуникативному регистру. В условиях репродуктивного и информативного регистров личная парадигма модели предложения зависит от типа субъекта (личный, предметный, пространственный) и от возможности / невозможности совпадения субъекта модуса и субъекта диктума, а конкретная личная форма глагола и конкретная субъектная модификация модели прочитывается в зависимости от точки зрения говорящего (пишущего). Так, форма 3-го лица — основная личная форма авторского повествования в нарративном тексте — прочитывается по-разному: (а) как обнаруживающая расстояние между персонажем и автором и (б) как сближаю-

щая субъектную сферу автора и персонажа — субъекта чувствующего и мыслящего в фрагментах внутренней речи персонажей. В поэзии же лирическое Я и соответственно форма 1-го лица объемлет весь мир. Если 3-е лицо в нарративе очерчивает границы художественного мира, творимого словом (а образ автора принадлежит этому же миру), то 1-е лицо и инклюзивные формы 2-го и 3-го лица в лирике прочитываются двояко: предельно узко (лично, индивидуально) и предельно широко (обобщенно, общечеловечно).

В генеритивном регистре границы между субъектными сферами стираются: противопоставление 1-го / 2-го лица 3-му лицу не обнаруживает дистанции между участниками и не-участниками речи.

Обусловленность конкретного высказывания тем или иным типом модуса, а также соотношение субъектов диктума и модуса выражается прежде всего глагольными синтаксемами, функциональная предназначенность которых состоит в том, чтобы фиксировать тип модуса и указать “место” этого модуса по отношению к авторскому Я, т.е. соединять вертикальными связями не только ступени А, В и С, но и ступень D. Наиболее ярким примером этого могут служить синтаксемы модусных глаголов, интерпретация которых возможна лишь в структуре “образа автора”, нередко в связи с авторской стратегией. В качестве примера рассмотрим употребление глагола *казаться* в повести А. П. Чехова “Дуэль”. Это самый частотный модусный глагол в данном тексте, но в сложной субъектной структуре повести “Дуэль” есть зона, для которой глагол *казаться* невозможен, — субъектная сфера фон Корена: кажется прежде всего Лаевскому и Надежде Федоровне, кажется Самойленко и рассказчику, но не фон Корену, который оказывается только субъектом знания и абсолютно уверенным в своей правоте субъектом мнения. Именно глагольная синтаксема *кажется*, а также вводные типа *должно быть* обнаруживают точку зрения рассказчика, не сливающуюся с точками зрения героев; ср.:

Дьякон был очень смешлив и смеялся от каждого пустяка до колотья в бок, до упаду. Казалось, что он любил бывать среди

людей только потому, что у них есть смешные стороны и что им можно давать смешные прозвища.

или:

... этот Самойденко на всякого вновь приехавшего производил неприятное впечатление бурбона и хрипуна, но проходило два-три дня после первого знакомства, и лицо его начинало казаться необыкновенно добрым, милым и даже красивым.

В последнем примере употребление глагола *казаться* указывает на принадлежность рассказчика к той же социальной среде интеллигенции, к которой принадлежат и герои повести. *Казаться* рассказчика употребляется в информативно-описательных (характеристики героев) или репродуктивно-описательных фрагментах, оно сохраняет реальность и не творит иллюзии. *Казаться* в сфере Лаевского обращено на него самого и очерчивает границы выдуманного мира героя, в таком *казаться* гораздо больше ментального, чем перцептивного. Перцептивная же часть семантики глагола *казаться* актуализируется в субъективной сфере Надежды Федоровны, в ее взглядах на самое себя: ... она казалась себе очень милой; ... она казалась себе маленькой, простенькой, легкой и воздушной, как бабочка.

Казаться в мыслях Лаевского о Надежде Федоровне звучит как обвинение во лжи. Так, в предложении *Он подумал, что одевается она и причесывается, чтобы казаться красивой, и читает для того, чтобы казаться умной* глагол *казаться* связан не с точкой зрения Надежды Федоровны (если бы это было так, то она употребила бы глагол *выглядеть*), которая считает, что она действительно красивая и умная, а с точкой зрения Лаевского, которому “... все, что она говорила и делала, казалось ... ложью”. Он обвиняет Надежду Федоровну в том, в чем его обвинит фон Корен, используя глагол *прикинуться*; см.:

Такие субъекты, как он, с виду интеллигентные, немножко воспитанные и говорящие много о своем благородстве, умеют *прикинуться* необыкновенно сложными натурами.

Глагол *прикинуться* интерпретирует определенное поведение человека с точки зрения стороннего наблюдателя, который считает, что данные действия направлены на то, чтобы создать

о себе ложное впечатление у окружающих, обмануть окружающих, считает обман намеренным. В мыслях Лаевского *казаться* сближается с глаголом *прикинуться*. Соединения *хочет казаться*, *умеет казаться* предполагают расстояние между зоной субъекта-носителя признака (S-1) и зоной субъекта мнения (S-3), т.е. предполагают ситуацию 3-го лица. А предложения типа *Она казалась себе миленькой* или *В это время он очень нравился себе самому, и ему казалось, что весь мир смотрит на него с удовольствием* прочитываются на фоне диалогического контекста: Надежда Федоровна и Лаевский, Самойленко и автор. Диалогическое отношение между двумя точками зрения (Самойленко и автора) может быть обнаружено в рамках одного предложения: ... он поглядывал по сторонам и находил, что ... некрасивые, худосочные пальмы очень красивы.

Исследование семантики глагола на фоне субъектной перспективы текста позволяет уточнить словарную статью, см., напр., глагол *висеть*, для которого выделяют три или более значений. При разграничении значений этого глагола обычно учитывают, (а) к чему прикреплен объект и (б) каков объект (является ли он отделяемой или неотделяемой частью целого). Второй признак оказывается дифференциальным для отнесения предложений *Картина висит на стене* и *Руки висят как плети* в разные разделы словарной статьи. Эти примеры, действительно, иллюстрируют разные значения, но они связаны не столько с возможностью / невозможностью членения объекта, сколько с точкой зрения говорящего: второе значение связано с перцептивной модусной рамкой, в то время как первое допускает и модус знания, и модус мнения (кроме перцептивного). Даже если в предложение типа *Одежда на нем висит* добавить квантор общности (*Одежда на нем всегда висит*), это предложение продолжает принадлежать одному субъекту сознания, данному говорящему, который этим предложением обобщает собственные зрительные впечатления. Для предложений, в которых выражается “отклонение” от нормального положения (напр. *Обои висят клочьями*), исходным является совпадение точки зрения говорящего (S-4) и наблюдателя (S-3).

Совпадение / несовпадение, сближение или противопоставление точек зрения автора и персонажа, соотнесение точек зрения разных персонажей выражается не морфологической категорией лица, а глагольной синтаксемой, соединившей в себе грамматическое значение лица, категориальную семантику глагола (такие признаки, как акциональность / неакциональность, динамика / статика, перспективность / ретроперспективность, констатация / интерпретация, имперфективность / перфективность и др.) и функционально-регистровую предназначенность. Функционирование глагольных синтаксем соединяет грамматико-морфологические, семантико-синтаксические и коммуникативно-речевые факторы. В отличие от именных синтаксем, глагольные всегда синтаксически обусловлены — не только на уровне модели предложения, но и на уровне коммуникативного регистра. Но если уровень синтаксической структуры признан релевантным для анализа конкретных глагольных форм и категорий, то уровень текста до сих пор остается вне поля зрения грамматистов. Это касается прежде всего категории залога.

Синтаксическая значимость категории залога признавалась большинством лингвистов, но исследователи этой глагольной категории не обращались к анализу текстовой сущности залогового противопоставления.

Грамматики традиционно констатировали синонимичность активных и пассивных конструкций, но не замечали ограничений их взаимозаменяемости в контекстуальных условиях. Коммуникативный подход к категории залога позволяет квалифицировать залоговое противопоставление с точки зрения его текстового назначения: пассивная глагольная синтаксема — синтаксема обусловленная, т.е. является неотъемлемой частью моделей определенного типа. Сами же эти модели, оформленные либо как самостоятельные предикативные единицы, либо как относительные (таксисные), в свою очередь, обусловлены как одно из средств оформления информативного регистра. Пассивная модификация предиката действия поднимает данное положение дел над конкретным (актуальным) временем, выводя за пределы конкретной субъектной сферы. Пассивное значение оказывается базой, на которой сое-

диняются и субъектные (определенно- / неопределенно- / обобщенно-личные) модификационные значения, и предикатные модификационные смыслы (модальные).

Признавая залог маркированной в глаголе диатезой, понимая залоговость как “комплекс ФСП, которые охватывают разноуровневые средства, характеризующие глагольное действие в его отношении к субъекту и объекту как семантическим категориям, которым соответствует тот или иной элемент синтаксической структуры предложения” [ТФГ 1991: 126], исследователь должен обратить внимание и на то, что синтаксические конструкции, в рамках которых обнаруживается та или иная диатеза, оказываются текстово обусловленными, а, следовательно, понятия **перфект, статив, результатив, пассив** должны рассматриваться не в рамках изолированных высказываний, а в структуре реального текста в связи с типологией коммуникативных регистров и субъектной перспективой. Поясню это на примере акционального и статального пассива, или результатива и статива.

В литературе различают предикаты стативного и результативного значения; см., напр., [Князев 1989]. Статив представляет завершающую стадию процесса, без отсылки к предшествующему положению дел. Когда данное положение дел представлено как результат предшествующего процесса, т.е. с отсылкой к предшествующему положению дел, такой предикат квалифицируют как результатив.

Разграничение стативного и результативного (процессуального) значений предиката связано не столько с морфологическим его оформлением, сколько с коммуникативным регистром. В репродуктивно-описательном контексте используется статив: *Вхожу и вижу: окна **раскрыты** (окна настежь), вещи **разбросаны** (вещи на полу), книги свалены в угол (книги в углу)*. В повествовательном контексте те же формы читаются как результатив, или процессуальный (акциональный) пассив: *Режиссер попросил изменить декорацию. Быстро были **открыты** окна, **разбросаны** вещи, **сдвинута** мебель, книги свалены в угол*.

Отличительными признаками результативно-пассивной конструкции являются возможность синтаксемы “Тв.п.” ак-

тивного деятеля и процессуального *был*, возможность видовой соотнесенности (ср.: *был разработан — разрабатывался*), а также частотность темпоральных распространителей типа *за две минуты, быстро, с двух до пяти* (ср.: — *Теперь все оставьте меня одного с ними, — приказал Воланд, указывая на мастера и на Маргариту. Приказание Воланда было исполнено мгновенно. После некоторого молчания Воланд обратился к мастеру...* — М. Булгаков). Акционально-перфективная синтаксема *исполнено* функционирует в условиях повествовательного контекста: она выражает действие, которое встроено во временную последовательность событий. Страдательное причастие перфективно. Перфект соединяет наблюдаемое состояние и ненаблюдаемый процесс. Процесс внутренне проспективен, направлен на будущий результат, может быть охарактеризован с точки зрения развития, протяженности во времени и временной локализованности, включает в свой состав исполнителя и допускает синхронное существование субъекта-наблюдателя (*Окно было сразу же открыто, Окно было открыто хозяином, Это окно открыто при мне, в моем присутствии*). Состояние лишено внутренней динамики и локализовано во времени через момент восприятия: *Окно открыто — Я вижу открытое окно; Я подошел к дому. Окно ее было открыто*. Стативно-перфективная синтаксема также обусловлена регистром, она предназначена для описательных разновидностей репродуктивного и информативного регистров (см., напр.: *По лестнице, шедшей винтом, компаньоны поднялись в мезонин. Большая комната мезонина была разрезана фанерными перегородками на длинные ломти* [И. Ильф и Е. Петров]). Первое предложение делится на повествовательную — *компаньоны поднялись* — и описательную части — *лестница, шедшая винтом*; второе предложение принадлежит описательной разновидности репродуктивного регистра, в рамках которого причастие на *-н-* прочитывается статально. См. еще примеры из описания дома помещиков Товстогузов: *Стены комнат убраны были несколькими картинами и картинками ... Комната Пульхерии Ивановны была вся уставлена сундуками, ящичками, ящичками и сундучонками; Множество клубков ... были уложены в сундучках и между*

сундучками ... [Гоголь]. Статальное прочтение причастия в данных примерах не зависит ни от семантики глагола, ни от структуры предложения: оно принадлежит уровню коммуникативного регистра — информативно-описательного.

Результатив принадлежит прежде всего информативно-повествовательному регистру, в рамках которого процесс должен быть отвлечен от актуального времени, а активный целеполагающий субъект отодвинут на второй план. Типичным для результатива жанром является протокол, например, следственный протокол. Но результатив, а точнее, динамической пассив может стать средством авторской тактики в художественном тексте.

Динамический (результативный) пассив особым образом используется в текстах художественной литературы, ср.: *Пока приезжий господин осматривал свою комнату, внесены были его пожитки ... Чемодан внесли кучер Селифан ... и лакей Петрушка ... Вслед за чемоданом внесен был небольшой ларчик красного дерева ... Когда все это было внесено, кучер Селифан отправился на конюшню ... , а лакей Петрушка ... успел притащить свою шинель и вместе с нею свой собственный запах, который был сообщен и принесенному вслед за тем мешку с разным лакейским туалетом* [Гоголь]. Автор и читатель, еще не знакомые с приезжим господином, с интересом наблюдают за тем, что происходит. Действие развивается медленно, и замедляют его формы результативного пассива, который не только выражает процессуальность, но и указывает на определенную пространственную точку, с которой автор воспринимает происходящее — свой наблюдательный пункт автор поместил в покои приезжего господина, он не перемещается вместе со слугами, а незримо присутствует в комнате и рассматривает багаж приезжего.

Другим случаем художественного использования динамического пассива (динамического перфектива) является имитация языка протокола в определенной официальной ситуации. См., напр., рассказ Чехова “Шведская спичка”, в котором динамические перфективы (а) соседствуют со статическими (б):

(а) *Приступлено было к взлому; Несколько головок репейника было срезано и старательно заверочено в бумагу ...*

(б) *Окно глядело мрачно и зловеще. Оно было занавешено зеленой, полинялой занавеской. Один угол занавески был слегка заворочен.*

Обе группы примеров принадлежат репродуктивному регистру, во всех примерах перфективные формы употреблены с глагольной связкой. Но если примеры (а) фокусируют внимание читателя на исполнении действий и функционируют в репродуктивно-повествовательных фрагментах, то примеры (б) служат для описания объектов в их статике и принадлежат описательному подтипу репродуктивного регистра. Использование перфекта на *-н-/-т-* в репродуктивно-повествовательных фрагментах текста создает особый юмористический эффект, сближая язык художественного повествования с языком официального протокола. Сравнение форм *было заворочено* в примере (а) и *был заворочен* в примере (б) показывает, что смысловое различие результатов и стативов не принадлежит морфологической форме, а является регистрово обусловленным: в повествовательных подтипах информативного и (реже) репродуктивного регистра пассив прочитывается динамически (*На другой день утром к следователю был приведен из Клязовки молодой парень.* — А. Чехов).

Процессуальный пассив встречается и в сверхдинамичных повествованиях, напр., у М. Булгакова: *И не успел поэт опомниться, ... как очутился у Никитских ворот. ... Иван налетел на кой-кого из прохожих, был обруган; Тогда догадались броситься на Ивана — и бросились. ... Очки, соскочившие с лица, были мгновенно растоптаны; Затем кинулись в шестой подъезд, и близкий к безумию Варенуха был вознесен в пятый этаж и брошен на пол в хорошо знакомой ему полутемной передней квартиры Степы Лиходеева.*

Появление этих форм в романе М. Булгакова “Мастер и Маргарита” также обусловлено авторской тактикой: опровергая официальное расследование, которое было проведено позже, рассказчик использует конструкции официального протокола, которые позволяют ему констатировать факт и при этом намекать на реального инициатора всего происходившего, на то, что субъекты действий были исполнителями чужой воли.

Булгаков использует динамический пассив и тогда, когда хочет противопоставить субъектные зоны участников ситуа-

ции, показать отношения между человеком и властью, силой, враждебной ему; см. примеры:

— *Бандиты!* — *прокричал Иван и вскочил с дивана, но был водворен на него опять. Лишь только его отпустили, он опять было вскочил, но обратно уже сел сам; Наконец Ивана отпустили. Он был препровожден обратно в свою комнату.*

Официальность отношений подчеркивается выбором глаголов *водворить*, *препроводить*, но противостояние субъектов ситуации обнаруживается не только формами 3-го л. мн. ч., но и формами динамического пассива.

Подведу итоги:

1. Глагольная синтаксема — это тот компонент в предложении, в котором пересекаются разные оси, скрепляющие синтаксическую композицию текста.

2. Выбор модусного глагола обнаруживает субъектную структуру текста, его диалогизированность.

3. Выбор и частотность конкретных глагольных синтаксем обусловлены тактикой автора (степень D).

4. Терминологическое разграничение стативов и результативов не принадлежит уровню морфологической формы и не относится только к семантике глагольной лексемы, а является функциональной характеристикой глагольных синтаксем — перфективно-статических и перфективно-динамических, т.е. принадлежит не морфологической системе, а уровню коммуникативного регистра.

Все изложенные здесь наблюдения сегодня принято относить к компетенции лингвистической прагматики. Но есть ли необходимость в термине “прагматика” для тех грамматических концепций, которые основное внимание уделяют говорящей личности и образу автора в тексте? Думается, что нет. “Прагматика”, если пользоваться этим термином, обнаружила новый (для морфологически, формально ориентированной грамматики) аспект языковой единицы — законы ее функционирования в тексте, связь с речевой деятельностью говорящего. Если семантика отражает категоризацию окружающей действительности и тем самым не может не принадлежать грамматической системе, в которой “упакованы” наиболее важные части языковой картины мира, то прагматика — это правила

использования языковых единиц для реализации определенной модели речевой деятельности в условиях определенной речевой ситуации или в структуре образа автора, а соответственно правила их интерпретации. Прагматика принадлежит грамматике, как и семантика. Прагматика — это не особая подсистема языка и не новая лингвистическая дисциплина, прагматика — это грамматика точки зрения, или исследование языковой единицы на фоне субъектной перспективы текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. 1998 — *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва.
- Князев Ю. П. 1989 — *Акциональность и статальность: их соотношение в конструкциях с причастиями на -н, -т*. Мюнхен.
- Онипенко Н. К. 1985 — О субъектной перспективе каузативных конструкций. *Вопросы языкознания*. 2.
- Онипенко Н. К. 1994 — Идея субъектной перспективы в русской грамматике. *Русистика сегодня*. 3.
- ТФГ 1991 — *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург.

О НАРУШЕНИИ СТАНДАРТА В ОБЛАСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ

Е. Н. РЕМЧУКОВА

Современные языковые процессы — всегда одна из самых захватывающих тем лингвистики. Снятие запретов в разных областях жизни, характерное для XX в., распространяется и на язык, в котором наблюдается ослабление нормы на всех уровнях. Праздник “вербальной свободы”, к счастью, порождает не только ошибки, но и инновации, в основе которых лежит важнейшее свойство всей эпохи — усиление личностного, творческого начала, которое в языке (в зависимости от жанровой разновидности речи) может проявляться и как в той или иной степени осознанное преодоление нормы, например, в рамках языковой игры с целью достижения экспрессии, и как сознательное экспериментирование с языком, которое является характерной чертой прозы и поэзии постмодернизма. В последнем случае процесс нарушения стандарта имеет тотальный, системный характер, являясь не только жанро- и стилеобразующим фактором, но и одной из важнейших черт художественного метода.

В грамматических исследованиях последних лет все более ошутим интерес к тому, что Я. И. Гин назвал “означиванием” грамматики [Гин 1996], А. В. Бондарко — “интенциональностью” в грамматике [Бондарко 1994], а Б. Ю. Норман — динамическим аспектом грамматики [Норман 1994]. В работах этих лингвистов убедительно показано, что “осознавание” смысла, его актуализация возможны и по отношению к грамматическим значениям. Напомним, что *интенциональность* (как понятие теории речевых актов) включает в себя не только

аспект смысловой информативности, но и аспект связи с намерениями говорящего. Оставляя в стороне крайние случаи экспериментирования в области использования грамматических форм (см. работы Л. В. Зубовой, напр. — Зубова 1998), остановимся на некоторых аспектах соотношения стереотипного и творческого начала в морфологии. Результатом преодоления стандарта чаще всего становится достижение того или иного стилистического (реже семантического) эффекта, в основе которого лежит актуализация грамматического значения, в определенных случаях связанная с его метафоризацией. Поскольку конечная цель наших исследований — выявить творческий потенциал грамматических категорий глагола и имени в русском языке, то в качестве языкового материала используются *любые* тексты (разговорные, художественные, поэтические, газетно-публицистические)¹.

Прежде всего заметим, что соотношение стандартного и творческого в грамматике изучено в гораздо меньшей степени, чем в лексике и словообразовании. Это закономерно — грамматическая система жестко структурирована; именно поэтому, например, грамматические окказионализмы вообще встречаются реже, чем словообразовательные или лексические. Грамматическая парадигма немыслима без понятия нормы, однако в синтагматике происходит “высвобождение слова из грамматических оков” — снятие ограничений и запретов возможно в рамках любых грамматических категорий.

Интенциональность в употреблении грамматических форм прежде всего проявляется в “столкновении” их по частному грамматическому значению: стандарт предполагает выбор одного члена грамматической оппозиции, однако возможно и параллельное употребление противопоставленных грамматических форм в пределах одного ограниченного контекста, напр., ед. и мн. ч.:

Друзей много — друга нет; Очень трудно быть человеком — все время люди мешают [программа “Времечко”]; Так писем не ждут — так ждут письма [М. Цветаева].

¹ Примеры, которые даются без указания на источник, взяты из разговорной речи.

Подобное “соположение” актуализирует оппозицию: грамматические значения как бы “оживают” на наших глазах. В рамках глагольных категорий такой параллелизм наиболее часто актуализирует оппозицию наст. ~ прош. вр.:

Я не была — я есть; Но каждый из нас такое зрел, зрит, говорю и днесь... [М. Цветаева]

Аналогичным образом “моделируется” и оппозиция кр. и полн. форм прил.:

Вы рассуждаете как сытый человек, вы сыты и потому равнодушны к жизни [А. Чехов]; — *Ты, Боб, не такой простой человек, как кажешься. — Все люди не просты, все они только кажутся* [А. Минчин]; (громко запекает невозможным голосом) — *Голосистая я? — Нет, ты не голосистая, ты голосиста.*

Сфера распространения подобных явлений гораздо шире, чем принято думать: это не только художественные и поэтические тексты (напр., проза, письма и поэзия М. Цветаевой), но и разговорная речь, язык рекламы, заголовки, названия передач (напр., фрагмент падежной парадигмы в цитате становится названием передачи: “Судьба, судьбою, о судьбе”). Залоговая оппозиция, актуализированная таким образом, рождает своеобразные *хиазмы* (синтаксические перевертыши):

Тому, кто строит, тому, кто строится [реклама фирмы “Строитель”]; *Учитель не тот, кто учит, а тот, у кого учатся* [название статьи].

Хиазм — достаточно известный стилистический прием (напр., *предположительно мечтать или мечтательно предположить*, см. подробнее — Норман 1994: 50), но при традиционном хиазме синтаксические позиции обмениваются своим лексико-синтаксическим наполнением, в данном же случае — частными грамматическими значениями. Любопытно, что в современной авангардной и “околоавангардной” прозе такие явления становятся повторяющимся приемом:

Я пришел в диспансер и сказал, что болит голова, и что читаю, то не понимаю, не понимается читаемое [А. Минчин].

Такие своеобразные грамматические хиазмы возможны, конечно, и в рамках других грамматических оппозиций, напр., падежных:

Тишину измеряют сердцем, тишиной измеряют сердце [З. Минарина].

Приведенные факты (а их можно привести гораздо больше) позволяют “увидеть” грамматическое противопоставление не в статике, а в динамике, продемонстрировать действенность оппозиции грамматических значений.

Другой аспект преодоления стандарта в функциональной морфологии связан с транспонированным употреблением грамматических форм. Рассматривая вопрос о морфологической транспозиции в диахронии, необходимо отметить тенденцию к фразеологизации конструкций с транспонированной формой, напр.: *Хоть убей; Пошел к черту; Ну, я побежала; Мы университетов не кончали* и т. п. [Ремчукова 1996: 244]. Это закономерно: регулярность и стандартизованность переносных морфологических значений ведут к ослаблению образности. В некоторых случаях это может преодолеваться интересным способом — изменением знака коннотации на противоположный. Так, например, *мы* инклюзивное традиционно передает значение участия, солидарности с адресатом, но в современной речи может приобретать антонимическую коннотацию, выражая недовольство и раздражение говорящего по отношению к адресату. В известном фильме “Место встречи изменить нельзя” следователь, выведенный из себя упорством подозреваемого, обращается к нему с угрозой в голосе:

Я так понимаю, гражданин, что правды мы писать не захотели? (Ср. Сколько можно болтать по телефону? Мы работать будем?)

Наоборот, печать сниженной экспрессии (следствие лишения объекта уникальности) может утрачивать **множественное гиперболическое**: при довольно нерегулярном посещении кафедры членкором РАН его приход на заседание совета коллег встречает возгласом: *Вот к нам уже и академики приезжают!* (выражение почтения, удивления + легкая ирония). Если раньше транспонированная форма 3 л. мн. ч. употреблялась в

функции ед. ч. со значением почтения и уважения, то в современной речи — только иронически или пренебрежительно: *И зачем столько хлопот? Подумаешь, они придут!* Эти факты свидетельствуют, как нам кажется, о большей (чем принято думать) гибкости грамматических значений: на уровне интерпретации конкретных конситуаций грамматические единицы, так же как и лексические, могут реализовать стремление говорящего преодолевать стандартизованность языковых конструкций.

Анализируя случаи нарушения грамматического стандарта, мы сталкиваемся с той же проблемой разграничения потенциального и окказионального, актуальность которой обычно ощущается прежде всего по отношению к лексике и к словообразованию. Обратимся еще раз к категории залога. Продуктивность кр. страд. причастий прош. вр., обуславливающая возможность образования не только нормативных, но и ненормативных форм, позволяет продемонстрировать системноязыковой потенциал пассива в русском языке. Неканонические страд. прич. повсеместно и легко образуются, если это необходимо говорящему:

— *А ты в психушке не был?* — *Спрошено* было на всякий случай [А. Минчин]; — *Тебе заплатили* (речь идет о сделанной работе)? — *Я был **поблагодарен***; *Что бы он нам ни говорил, будет **поступлено** так, как будет **поступлено***; *Генерал Стерлигов, на обложке — **портрет** на фоне лагерной вышки. Политическая **резкость** на грани фола. Но сказано, **предупреждено*** [журнал “Столица”].

Кр. формы страд. прич. наст. вр. менее активны, чем формы прош. вр., следовательно, и нестандартные образования встречаются реже, однако именно вследствие этого они еще более выразительны:

*Целую Ваши руки, которые должны быть только **целуемы**, а они **двигают** шкафы и **поднимают** тяжести* [М. Цветаева]; *Поэт **раним** и даже **убиваем*** [В. Вишневский]; *Скучаем, любим, **целуем*** [телеграмма В. Маяковского Л. Брик].

Последний пример показывает, что даже в скупом жанре телеграммы В. Маяковский умел оставаться новатором. Здесь используется достаточно распространенный прием “нанизыва-

ния” однородных грамматических (или словообразовательных) значений, при котором чередуются стандартное и нестандартное. Ср. у М. Цветаевой на словообразовательном уровне освоение глагольного ряда: *всматриваются, вдумываются, вкрикиваются, впадываются* [“Так вслушиваются...”]. Очевидно, что в этих случаях перед нами проявление потенциала языка, который не реализован в норме. Нарушение стандарта в таких случаях представляется закономерным процессом: оно происходит не вопреки, а благодаря системе — как бы с ее “благословения”.

Наблюдения над категорией залога позволяют говорить о том, что в грамматике говорящего она обладает высокой вариативностью в реализации оппозиций активность ~ пассивность, возвратность ~ невозвратность, переходность ~ непереходность. Невозвр. глаголы становятся возвр.:

Любители группы “Квин”! Звоните, и вам ответится! [радиостанция “Эхо Москвы”]; *Чтоб в дверь не стучалось, в окно не кричалось* [М. Цветаева]; *Ими (деньгами) не следует одождаться* [из интервью с И. Бродским];

и наоборот, возвр. глаголы — невозвр.:

...и пользоваться себя сырым яйцом [И. Бродский].

Такой “обмен” грамматическими значениями особенно нагляден, когда он происходит в пределах одного контекста: *Ты дрожишься, ты боишь* [О. Зондберг — пример Л. В. Зубовой]. Необходимо отметить принципиальное отличие данного примера от предыдущих, так как здесь перед нами типичные окказиональные грамматические формы (обратим внимание на принципиальную невозможность образования ни возвр. глагола, ни страд. формы от неперех. *дрожать* и невозможность употребления без *-ся* общевозвр. глагола *бояться*). В последнем случае следует говорить уже не просто о нарушении стандарта, а об экспериментировании, в основе которого лежит более смелое обращение с нормой, а в некоторых крайних случаях — и ее разрушение. Употребление неперех. глаголов как перех. имеет активный характер, причем часто в его основе лежит “подмена” синтаксических связей глагольных синонимов:

Мы с Зайцевым переболели всякое (по аналогии с *пережили*) [из интервью с Ириной Родниной] — ср.: *Все надо пережить, отстучать сердцем, отболеть* [из дневников актера В. Дворжецкого] (*пережить все — отболеть все*)².

Столкновение в пределах одного контекста стандартного неперех. и нестандартного однокоренного перех. глагола создает иллюзию “рассматривания” ситуации с разных сторон:

Ничего о себе не знаю — в Канаду я не еду и меня не едут [из письма В. Маяковского Л. Брик]; *Она, ночной житель, утилизовала меня; мы разбалтывались; она разбалтывала меня* [А. Белый]; *Он мог прожить и больше, но “уложился” ровно в срок — один год. Они его уложили.* [А. Минчин].

В определенных контекстах перех. глагол может восприниматься как неперех. в результате того, что сильная синтаксическая позиция прямого дополнения остается факультативно свободной:

(В доме первый раз гость из другого города, хозяйка интересуется) — *Что ты обычно ешь на завтрак? — Я ем.*

Анализ нестандартных синтаксических связей глагола позволяет обнаружить и ту степень свободы, которой обладает в современном языке категория падежа. Сложный, комплексный характер категории падежа, который проявляется на парадигматическом, синтагматическом и семантическом уровнях, обуславливает и многообразие способов преодоления стандарта. Область падежных значений представляет особый интерес потому, что традиционно она считается в наибольшей степени облигаторной. Однако новые тенденции в употреблении падежных форм, отмеченные авторами монографии [Русский... 1996: 244–246], связанные с ослаблением падежных функций в современном русском языке, определяют возможность и более свободного, творческого их использования. Эта возможность есть прежде всего возможность **выбора** говорящим нестандартной флексии; семантически близкого к нормативно-

² Анализируя примеры типа *бормотать заголовки, она танцует вечность и жажду жизни*. Б. Ю. Норман трактует их как случаи “уподобления поведения семантически близких слов” (*бормотать — читать, танцевать — выражать*) [Норман 1994: 99]. Очевидно, так можно интерпретировать и наши примеры.

му, но **другого** предлога; замены беспредложного управления на предложное; есть и другие случаи “подмены” синтаксических связей в рамках падежной системы.

Случаи преодоления стандарта на уровне падежной парадигмы достаточно широко известны и употребительны в рамках языковой игры: флективные формы нескл. сущ. (*поедем на метре; без кофю жить нельзя на свете, нет*); неправильные формы род. пад. мн. ч. — наиболее сложного в парадигматическом отношении падежа с набором вариативных флексий — являются результатом не только ошибок-оговорок (*хочу вафлей... нет, вафель*), но и интенционального употребления:

Там было очень много армянов-грузинов (употребление флексии *-ов* вместо нулевой демонстрирует пренебрежительное отношение говорящего к “лицам кавказской национальности”); *Ты спрашиваешь у меня о подробностях моей жизни. Подробностей нет* [из письма В. Маяковского Л. Брик].

Таким образом, у неправильной, но употребительной грамматической формы постепенно складывается свой ассоциативный потенциал, свои устойчивые стилистические коннотации — в отдельных случаях они приобретают характер речевых идиом. Так, напр., употребляется в разговорной речи выражение *делов-то*:

Просто познакомится с девушкой, построит ей глазки, поговорит приятные слова и под благовидным предлогом посмотрит колечко. Всего и делов-то [А. Маринина].

Дефектность парадигмы “игнорируется” говорящим, естественно, не только в именном склонении (*Да нет у меня никаких мечт!*), но и в глагольном формообразовании: напр., ненормативная форма прич. на *-ши* используется как стилистическое средство:

Что это с вами случивши? Никак вы заболевши? Что это вы в лице переменивши? [из миниатюры А. Райкина];

творчески преодолевается дефектность временной парадигмы:

Москва несдобровала (неканоническая форма прош. вр.) *от Кремля* [В. Лён — пример Л. В. Зубовой];

легко образуются окказиональные дееприч.:

— Ир, пошла вон со стола, — сказал Юстинов, еще *спя* [А. Минчин].

Особый интерес представляют такие случаи, когда употребление нестандартной формы выходит за рамки языковой игры и оказывается связанным с семантикой целого текста, символизируя его основную мысль. Так, например, в статье под названием “*Конвейер человек*” [газета “Вечерний клуб”] речь идет о клонировании, о тех опасностях, которые оно таит в себе для всего человечества. В статье “*Сбыча мечт*” — о подведении печальных итогов XX века и неизбежности отказа от некоторых иллюзий³ [Там же]. Интересное совпадение: обе статьи напечатаны в *одном* номере на *одной* странице газеты за 14 марта 1998 года. Такой “**грамматический символизм**”, естественно, может быть связан с употреблением не только падежной, но и любой другой нестандартной формы:

Я интеллигент, наследник культуры, которой дышит весь мир и которую строители нового мира считают обреченной на гибель. Я вишу между двумя этими мирами [Ю. Олеша. Из дневников].

Тонкий стилист, Ю. Олеша, конечно, не случайно употребляет неправильную грамматическую форму.

На синтагматическом уровне можно наблюдать нарушение привычных синтаксических связей, которое проявляется как “в некотором смысле компромисс между языковым опытом общества и коммуникативными нуждами конкретного говорящего в конкретной речевой ситуации” [Норман 1994: 98]. Замена привычной сочетаемости на факультативную может происходить в пределах одного контекста:

Он чуть не сказал, что им не о чем говорить, что она всегда обманывала его — если не с Шарлем, то всей своей жизнью [Ф. Саган. Пер. с франц.], ср. *обманывать кого с кем — и чем, т.е. каким образом*).

Такая замена может быть связана с “уподоблением поведения” даже абсолютно несоотносимых на первый взгляд лексем:

³ В данном случае мы наблюдаем явление *гиперэкспрессии* — комбинирование разноуровневых нестандартных средств, словообразовательных и морфологических, в пределах одного контекста с целью усиления экспрессии, см. [Крылова, Ремчукова 1997].

О чем стреляли в Ташкенте? [заголовок в газете “Комсомольская правда”] (ср.: *из-за чего стреляли?* — и *о чем говорили?*); — *Они там танцевали раздетыми.* — *И во что же они были раздеты?* (лексемы антонимичны).

Даже незначительный сдвиг в сторону (от привычного к менее привычному, от предсказуемого к непредсказуемому) на уровне падежной сочетаемости приводит к возникновению дополнительных, тончайших смысловых оттенков:

...улыбаюсь Вам, молюсь Вам, люблю Вас всех [из письма А. Белого З. Гиппиус] (ср. *молиться о чем, на кого* — и *молиться Богу*); *Ты вырвала меня из застенков, вернула меня мирозданию, жизни* [из письма С. Параджанова Л. Брик] (ср. *вернуть больного к жизни* — и *вернуть ребенка матери*).

В метафоризации падежных значений могут участвовать и предлоги. В строке И. Бродского *... тот летчик, возвратившись из небес* предлог *из* с конкретно-пространственным значением (ср. *из командировки*) заменяет “ожидаемый” предлог *с*, имеющий пространственное, но обобщенное значение (*с небес*)⁴. Проанализированные примеры убеждают в том, что при трансформации устойчивых синтаксических связей значения падежных форм и их синтагматика оказываются взаимообусловленными.

Творческий потенциал категории падежа реализуется и в тех случаях, когда в определенной синтаксической позиции снимаются лексические ограничения на употребление существительных определенной семантики. Плодотворным оказывается в этом отношении творительный падеж с объектными и обстоятельственными значениями:

ср. *писать карандашом* — *писать сердцем* (*Напиши ей сердцем* — она ответит); *петь басом* — *петь фонограммой* (*Он там поет фонограммой*); *работать инженером* — *работать бальзамом* (*Наталья Гончарова работала бальзамом на всякую растерявшуюся душу.* — М. Арбатова); *измерять градусником* — *измерять тишиной* (*Тишиной измеряют сердце ...* — З. Мирина).

⁴ О “поэзии предлогов” см. [Гин 1996: 218–220].

Обстоятельственные значения “метафорического” творительного падежа тянут к адвербиализации падежной формы существительного, что в полной мере проявляется при заполнении синтаксической позиции у глагола *любить*. Приведем лишь два примера из поэзии М. Цветаевой:

Ты, меня любивший фальшью истины — и правдой лжи; Всей бессонницей я тебя люблю ...

Последний сюжет, к которому мы обратимся, касается категории рода, в сфере которого стандарт преодолевается при тропе олицетворения; но не сохранением привычного соответствия пола и рода, а его нарушением:

Москва — деревянный ларь [О. Мандельштам], *гость-хвоя* (о елке) [Б. Ахмадулина], *луна-мальчишка* [А. Скворцов], *солнцемать* [М. Цветаева].

Такие случаи достаточно редки, однако характерны — ведь нарушается сам механизм возникновения тропа, построенного именно на соотносительности рода существительного и пола человека. В стихотворении современного авангардного поэта А. Левина “Перестановка мебели” находим такое оригинальное проявление приема персонификации:

Стул — бродячее дерево, которому приделали ноги, двоюродный брат пиджака, который висит на нем, как родной... Кресло — двоюродное сестро стула, но не родственник пиджаку.

Отступление от стандарта связано здесь с желанием автора нарушить традицию выбора *только* между муж. и жен. родом при тропе олицетворения, а также актуализировать формальную возможность согласования существительного *сестра* в позиции предиката с существительным *кресло* в позиции субъекта. Вне персонификации категория рода неодушевленных существительных — одно из “излюбленных мест” проявления языковой игры в современной поэтической и разговорной речи. Изменение родовой принадлежности слова может быть связано с цитацией (*День тиха лежит и внемлет Гого* ... А. Левин); с усилением “мужского начала” у существительных муж. рода на *-а* (*Он такой очаровательный мужчин*), с выражением ироничного отношения к предмету (*на нем такой большой кепк, несуразное шляпо, странный штучк*). Намере-

ренное изменение родовой принадлежности слова бывает также связано с тем явлением, которое выше мы назвали “грамматическим символизмом”. Один из эпизодов документального фильма “*В далекий край*”, в котором рассказывается о событиях прошлого нашей страны, называется “*Метро готов*”. Мужской род слова *метро* усиливает значимость события, актуализирует его важность (ср. *важный объект сдан*).

Таким образом, пути и способы преодоления стандарта в грамматике достаточно разнообразны. Структурированность грамматического яруса языка не является препятствием ни для интенционального употребления различных неканонических форм, ни для семантических сдвигов в их значениях, ни для трансформаций их синтагматических связей. В то же время те “отклонения”, которые мы рассмотрели выше, носят системный характер — их задает, предопределяет и сдерживает **сам язык**, а потому нарушения стандарта в грамматике не приводят (за исключением крайних случаев экспериментирования) к его разрушению.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А. В. 1994 — К проблеме интенциональности в грамматике. *Вопросы языкознания*. 2.
- Гин Я. И. 1996 — *Поэтика грамматических категорий*. Санкт-Петербург.
- Зубова Л. В. 1998 — Современная поэзия на поле брани между парадигматикой и синтагматикой. *XXVII мужвузовская научно-методическая конференция преподавателей и аспирантов*. Вып. 12. Ч. 1. *Стилистика русского языка*. 16–22 марта 1998 г. Санкт-Петербург.
- Крылова О. А., Ремчукова Е. Н. 1997 — Экспрессия: ее источники и текстовые функции. *Стилистика и прагматика: Тезисы докладов научной конференции (25–27 ноября 1997 года)*. Пермь.
- Норман Б. Ю. 1994 — *Грамматика говорящего*. Санкт-Петербург.
- Ремчукова Е. Н. 1996 — Морфологическая транспозиция: от “территории” к тексту. *Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного*. Москва.
- Русский... 1996 — *Русский язык конца XX столетия*. Москва.

К ПРАГМАТИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ГРАММАТИКИ РУССКИХ ДИАЛЕКТОВ

О. Г. РОВНОВА

Диалектный язык, язык сельского населения, — это особое коммуникативное образование, эффективно обслуживающее сферу общения в крестьянской культуре. “Диалект приспособлен (разрядка моя — О. Р.) к функционированию в коммуникативной среде традиционного русского деревенского общения, чем определяются его сущность и важнейшие свойства как языкового идиома” [Гольдин 1997: 3]. Постановка вопроса о том, как именно диалектный язык адаптирован к потребностям коммуникации в крестьянской культуре, заставляет обратиться к исследованию языка в прагматическом аспекте, к описанию прагматического значения языковой единицы — т.е. такого компонента ее семантики, который отражает точку зрения говорящего, его позицию в момент коммуникации, в определенных речевых условиях (М. А. Шелякин).

В первой части статьи рассматривается прагматическое употребление в диалектной речи грамматической категории лица, обусловленное местом личности в традиционной крестьянской культуре; во второй части анализируется прагматическое употребление настоящего исторического, связанное с архаичной моделью восприятия времени в крестьянском сознании.

I

В работе [Ровнова 1998] была показана специфика функционирования глагольных форм лица и числа, а также личных и притяжательных местоимений в речи пожилых людей — носителей традиционного слоя говора. Было отмечено, что рече-

вое поведение представителей старшего поколения деревни свидетельствует о сохранении ими общинного сознания — тесной связи я отдельной личности с коллективным *мы* деревенской общины, или “мира”. Специфика функционирования грамматической категории лица, обусловленная этим архаичным пластом сознания, заключается в преобладании инклюзивной семантики *мы / вы*¹ над конкретно-личной семантикой *я / Вы* (вежливое). Здесь приводится новый диалектный материал, подтверждающий мысль о невыделенности личности из социума в традиционной крестьянской культуре.

Известно, что в традиционном речевом обиходе русских крестьян отсутствует обращение на *Вы* при общении их между собой. При общении же с представителями городской культуры, диалектологами, для которых обращение на *Вы* естественно в разговоре со старшими по возрасту и малознакомыми людьми, носители крестьянской культуры обращенное к ним вежливое *Вы* могут принимать за инклюзивное, тем более что на такое понимание семантики местоимения иногда подталкивает содержание самого вопроса. Поскольку к тому же в сознании говорящего актуализирована связь с его социумом, то в своем ответе он употребляет местоимение *мы* и форму множественного числа глагола. См. примеры, записанные в августе 1998 г. в Волгоградской области, в среде донских казаков, для которых до сих пор значимо разделение мира на “казаков” (= *мы*, “свое”) и “мужиков”, или “русских” (= они, “чужое”):

*Д. И Вы тоже казачка? И. И мы казачка*² (Кумылженский район, станица Букановская);

Д. А работать Вы начали рано? И. С ранних лет мы начали работать (Кумылженский район, станица Глазуновская);

Д. И Вы такие носили (юбки)? И. Носили (Михайловский район, хутор Субботин);

Д. А Вы видали волков? И. А то не видали! (Там же).

¹ Инклюзивная семантика местоимения *вы* предполагает включение говорящим данного конкретного адресата в группу лиц, не участвующих в акте общения: *У вас часто в Тарту такая погода, Ира?*

² *Д.* — реплика диалектолога. *И.* — реплика информанта.

Рассматриваемое употребление форм лица и числа не является в условиях коммуникативной системы диалекта коммуникативной неудачей со стороны адресата. Обратные случаи, когда говорящий на диалекте (возможно, в результате гиперкоррекции) принимает инклюзивное *вы* за конкретно-личное вежливое *Вы*, отмечаются гораздо реже. Вот пример диалога, в котором информант терпит коммуникативную неудачу:

Д. А у вас не были приняты помочи? Это в работе помогать.

И. Не / мне никто ничоо не помогал / потому что у меня дочка есь / вот школьники помогают кой-кому так... Д. А я имею в виду старое время. И. Не, не было / у нас не было (Псковская область, Усвяцкий район, деревня Лысая Гора).

Конечно, говорящий на диалекте употребляет в своей речи формы, эксплицитно выражающие значение 1-го л. ед. ч. — личные (значение лица выражается морфологически) или прош. вр. ед. ч. (соответствующее значение выражается синтаксически), однако важно, что в тексте он употребляет их рядом, чередует с глагольными формами, выражающими я говорящего имплицитно или не выражающими его. Проанализируем с этой точки зрения фрагмент текста, записанного в названной выше псковской деревне:

Плохо было милая моя // ... тада³ ж туфэль не былó / ботинки с начесом носили / [глагол НСВ с узуальным значением, представление о субъекте нерелевантно] а идéшь за десять километров на ярмалку⁴ в руках несешь / штоб не сносить / правда! // [наглядно-примерное значение НСВ, транспонированное употребление наст. вр., форма 2 л. ед. ч. имплицитно выражает я говорящего] купила в Есиповськи⁵ мне матка / эта / ботинки // аны стоили рублей двянацать / и носила // [форма прош.вр. ед.ч. ж.р. в неполном предложении указывает на я говорящего] и замуж вышла — [то же] лапти сплятем / [переход от конкретно-личного я к инклюзивному мы] иду / валенки нясу / а сама в лаптях иду // подходиши к дяревне (з)де замужем тада иду в валенках // [наоборот — переход к я] дабрá была жись, дабрá дабрá дабрá // [ироничная оценка жизни, ср. с началом] и вси⁶ так / ня

³ тогда

⁴ на ярмарку

⁵ в Есипово — название деревни

⁶ все

именно я // [опять переход к *мы*: рассказав о конкретном факте из своей жизни, говорящий прямо высказывается о его типичности].

Позволим себе не согласиться с профессором Х. Томмолой, высказавшим на конференции во время дискуссии сомнение в том, что рассмотренное употребление категории лица в диалектной речи является прагматическим. По нашему мнению, поскольку оно отражает — в момент коммуникации с представителями иной, городской, культуры — точку зрения говорящего, то место, которое занимает его личность в замкнутом деревенском социуме, — постольку это дает основания называть такое употребление категории лица в речи представитель традиционной крестьянской культуры прагматическим.

II

В работах профессора В. Е. Гольдина, знаменующих собой новое, перспективное направление диалектологической науки — коммуникативную диалектологию, сформулирован основной принцип коммуникации в традиционной деревенской речевой культуре: “принцип совмещения в речи ситуации-темы с ситуацией текущего общения” [Гольдин, Сиротина 1993; Гольдин 1997; 1998]. Суть его заключается в следующем: ведя речь о событиях прошлого, имевших место *там* и *тогда*, говорящий рассказывает о них так, словно они происходят *здесь* и *сейчас*, “в прямом смысле слова представляя ее (ситуацию — О. Р.) собеседнику” [Гольдин 1997: 23]. В говорах существует целая система способов, средств, приемов реализации в речи этого, в сущности прагматического, принципа, который мы, пользуясь более привычным для нас метаязыком грамматических описаний, будем называть принципом синхронизации момента речи и момента действия.

Речевое воплощение его, доказываемое в работах В. Е. Гольдина интереснейшими примерами, подтверждается и нашими собственными наблюдениями над диалектной речью. Действительно, говорящий на диалекте максимально точно передает манеру чужой речи; широко использует междометия для выражения непосредственной эмоциональной реакции на действительность и повторы лексем для передачи количественных признаков; сопровождает речь звукоподражанием, при

этом отождествляя себя со звучащим предметом; стремится показывать упоминаемые им предметы и др. Важное место в его рассказе занимают невербальные средства — мимика, жесты, позы, помогающие воспроизвести, изобразить ситуацию. Эти и другие средства синхронизации момента речи и момента действия превращают рассказ о прошлом в “театр одного актера”. См. фрагмент текста, записанного в деревне Шевелевская Тарногского района Вологодской области (август 1989г.):

Это было весной / коровушок пасла / сразу когда изо двора выпустишь / пе-е-е-рвых // ну да, на Троицу // погонили мы с одной жонкой / она была нездоровая / жонка-то эта / вот из этово дому [показывает из окна дом] // гоним // а такой день красивой, просто!.. // солнышко / жарко сделалось // дояркой я была дак мало время уходилосе-то спат-то / сторожом ешо да // догонили / так склон топерь / эй я лягу ужо на козёчек⁷ / легла сплю // прилетела птица / эта / как говориця / жолна // прышшет-прышшет // да што ты будь ты проклятая! / я только уснула ты меня розбудила! // соскоцила нигде коров нету / ужо побезу / ишо эко / куды коровы-ти у меня девались? / зухаласе⁸ “Мари-и-и!” / она “шчо-о-о?” / ой девка не могу я / ... ну давай я прибежала / огни наклала / коровы все выше меня там ходят ...

Названный коммуникативный принцип оказывает существенное воздействие на грамматическую систему говоров. Так, например, в говорах отсутствует конструкция косвенной речи, причем, как отмечает В. Е. Гольдин, народная речь не заимствует из литературного языка прием преобразования прямой речи в косвенную — прием, который, подчеркивая несопадение момента речи и момента действия, противоречит принципу их синхронизации, почему он и не может быть усвоен говорами. Заслуживает внимания предположение исследователя о том, что существование в западных среднерусских и западных севернорусских говорах грамматических форм перфекта (типа *У него жена уехавши; Я здесь родивши*), выражающих актуальный для настоящего результат прошлого действия, обусловлено названным коммуникативным принципом.

⁷ на кочечку

⁸ закричала

Вместе с тем, действие принципа синхронизации момента речи и момента действия не является и никогда не являлось в диалектной речи абсолютным. В. Е. Гольдин подчеркивает, что “этот принцип существует в диалектной речи как тенденция, но тенденция древняя и сильная, непосредственно обусловленная коммуникативной спецификой традиционного деревенского общения на диалекте” [Гольдин 1997: 30].

Происхождение этого коммуникативного принципа В. Е. Гольдин связывает с «той информационной структурой коллектива, при которой *непосредственное устное практическое* речевое взаимодействие составляло единственный тип речевой коммуникации, а главным его содержанием были “интересы данного момента — конечно, в широком смысле этого слова” (А. Б. Шапиро)» [Гольдин 1997: 29]. Думается, что принцип изображения в речи прошлого события как настоящего восходит также к еще одной архаичной черте крестьянского сознания — к циклическому восприятию времени (о дихотомии циклического и линейного времени и ее отражении в языке см. — Яковлева 1994: 82–195⁹).

Понимание времени как циклического, как вращения по кругу, сложившееся под влиянием природных циклов и характерное, как известно, для архаических культур, приводит к тому, что в сознании человека “прошлое не уходит вовсе, но повторяется: те или иные формы существования периодически повторяются (в разных по своему масштабу циклах); прошлое циклически оживает в настоящем (разрядка моя — О. Р.” [Успенский 1996: 42]. С отражением в речи циклической модели восприятия времени и связано, с нашей точки зрения, широкое употребление в диалектной речи настоящего исторического — одного из важнейших грамматических средств синхронизации момента речи и момента действия. В связи с этим уместно вспомнить совершенно справедливое

⁹ Е. С. Яковлева пишет, что “повторяемость событий, общность человеческих судеб ассоциируется с циклическим временем, а неповторимость, уникальность — с линейным” (Яковлева 1994: 191). Таким образом, невыделенность личности из социума, о которой говорится в первой части статьи, связана не только с общим сознанием, но также с архаичной циклической моделью времени.

предположение В. В. Виноградова о том, что “употребление настоящего времени в значении прошедшего в русском литературном языке, по-видимому, распространилось под влиянием живой народной речи” [Виноградов 1986: 466].

А. В. Бондарко [1971: 142-143; 1998: 76], а затем М. Я. Гловинская [1996: 451] обращают внимание на два психологических варианта образной актуализации прошлого: сам говорящий мысленно переносится в прошлое или он переносит прошлое в настоящее. М. Я. Гловинская переводит эту проблему из области психологии в область “строгого” толкования грамматической семантики: опираясь на сочетаемость модальной рамки настоящего исторического с обстоятельствами, обозначающими прошлое, она выбирает вариант модальной рамки, включающий компонент ‘говорящий мыслит себя в прошлом, и действие как бы происходит на его глазах’. Отвечая на следующий вопрос: на кого должно быть ориентировано толкование модальной рамки — на говорящего или на адресата, — она использует прием подстановки настоящего исторического вместо форм прошедшего времени в жанре, исключая адресата. Невозможность такой подстановки во внутренней речи доказывает, что модальная рамка настоящего исторического включает представление об адресате. По сути дела, данное М. Я. Гловинской толкование настоящего исторического [1996: 456] подтверждает его возникновение именно в устной речи; кроме того, оно имеет отношение и к рассматриваемой архаичной модели времени, поскольку при отражении в речи именно циклической модели времени прошлое может мыслиться как постоянно воспроизводящееся и, следовательно, совпадающее с настоящим.

Положение о том, что употребление настоящего исторического в произведениях художественной литературы и в литературной разговорной речи имеет прагматический характер, не нуждается в доказательствах. Подчеркивая различие между “литературным” и “разговорным” настоящим историческим, А. В. Бондарко отмечает, что образность его обуславливается в разговорной речи актуальностью различия между *тогда* и *теперь* в сознании говорящего [Бондарко 1998: 76–77]. Это различие выражено в самом контексте употреблением формы

настоящего времени с обстоятельством, указывающим на прошлое (*Звоню ей вчера...*). В циклической модели времени различие между *тогда* и *теперь* стерто, “конфликт” между грамматической формой и контекстом отсутствует, что, однако, не лишает настоящее историческое в диалектах образности. Специфика его прагматического употребления в диалектной речи видится в том, что в изображении прошлого события как настоящего эта нагрузка распределяется в равной мере между всеми языковыми и неязыковыми средствами, участвующими в речевом воплощении принципа синхронизации момента речи и момента действия.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А. В. 1971 — *Вид и время русского глагола (значение и употребление)*. Москва.
- Бондарко А. В. 1998 — Проблемы инвариантности / вариативности и маркированности / немаркированности в сфере аспектологии. *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. Москва.
- Виноградов В. В. 1986 — *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. Москва.
- Гловинская М. Я. 1996 — Две загадки Praesens Historicum. *Русистика. Славистика. Индоевропеистика*. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. Москва.
- Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. 1993 — Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие. *Вопросы стилистики*. Вып. 25. Саратов.
- Гольдин В. Е. 1997 — *Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии*. Саратов.
- Гольдин В. Е. 1998 — К внутренней типологии русской речи. *Русский язык в его функционировании: Тезисы докладов международной конференции. Третьи Шмелевские чтения, 22–24 февраля 1998 г.* Москва.
- Ровнова О. Г. 1998 — Грамматическое лицо в диалектной речи: говорящий и социум. *Язык: изменчивость и постоянство*. К 70-летию Л. Л. Касаткина. Москва.
- Успенский Б. А. 1996 — История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема). *Избранные труды*. Т. 1. *Семиотика истории. Семиотика культуры*. Москва.
- Яковлева Е. С. 1994 — *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*. Москва.

МЕХАНИЗМЫ И РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ТОНА ВЫСКАЗЫВАНИЙ ВОЛАНДА (Роман М. Булгакова “Мастер и Маргарита”)

Т. СТОЙКОВА

Исследователь художественного произведения неизбежно сталкивается с проблемой “образа автора” как “концентрированным воплощением сути произведения” [Виноградов 1971: 118].

“Образ автора” обеспечивает целостность эстетического объекта, объединяя систему речевых структур повествователей и персонажей, проявляясь во взаимодействии субъектных планов повествования, в форме “сложных ... соотношений между авторской интенцией ... и ликами персонажей” [Виноградов 1980: 203].

Каково же место персонажа в реализации художественной интенции автора, какова его роль в развитии и становлении образа мира — отображения ценностно ориентированного индивидуального сознания?

Языковая личность персонажа, обобщенная в системной совокупности всех текстов данного персонажа, — элемент эстетического целого, участвующий в формировании “образа автора”, отражающий фрагмент авторской картины мира, опосредованной образом персонажа.

Идею о соотношении языковой личности, художественного образа и образа автора Ю. Н. Караулов выделяет как одну из главных идей В. В. Виноградова [Караулов 1987].

Эстетически значимой категорией, характеризующей субъективный план языковой личности персонажа, является эмоциональный тон высказывания. Эмоциональный тон — это и

“выраженная субъективная модальность” [Лукьянова 1986: 185], т.е. результат субъективно-оценочного восприятия действительности, и выраженная экспрессивность, проявляющаяся в способности языка и речи выражать разнообразие эмоционально-оценочного отношения к действительности.

Таким образом, эмоциональный тон, или эмоционально-оценочная окраска (синонимичные понятия), высказывания понимается как “совокупный продукт, производящий выделительный эффект за счет экспликации эмоционально-оценочного отношения субъекта речи к обозначенному” [Телия 1991: 49]. Экспликация эмоционально-оценочного отношения осуществляется на основе разнообразных средств языковой и речевой выразительности. При создании эмоционального тона реализуется экспрессивный потенциал лексических и синтаксических единиц речи, а также паралингвистических средств языка.

Эмоциональный тон “погружен” в прагматику, так как тесно связан с процессами порождения речевого акта. Характер тона предопределяется экстралингвистическими условиями: презумпциями собеседников, целями и намерениями общения — и соответствует речевой ситуации. Качественное различие эмоционального тона высказываний — фактор многообразия проявлений языковой личности.

Высказываниям Воланда, как правило, свойственна экспрессивная окраска. При всем богатстве и контрастном разнообразии спектра эмоционально-экспрессивных красок речи Воланда, можно говорить о трех доминантах эмоционального тона:

1. Грубо-фамильярный тон (при адресации высказывания коту Бегемоту);
2. Возвышенно-торжественный тон (при адресации Мастеру и Маргарите);
3. Насмешливо-ироничный / *вариант*: иронически-насмешливый (при адресации Лиходееву, Берлиозу, Бездомному, Сокову, Майгелю, а также Маргарите и библейскому персонажу Левию Матвею).

В данной статье речь пойдет о способах создания иронически-насмешливого тона высказываний Воланда.

Механизм порождения эмоционального тона затрагивает прагматические основы диалога — общий Принцип Кооперации и вытекающие из него правила общения. Суть Принципа Кооперации — достижение взаимопонимания. Базой, без которой невозможно общение и взаимопонимание, выступает картина мира — целостный образ действительности, основа мировидения, на которой формируется и узус поведения. Общность картины мира обеспечивает успех кооперации.

Очевидно, что мировидение реальных персонажей романа, отражающее общепринятые нормы, убеждения, обиход конкретного исторического социума, конкретной среды, несоизмеримо с нечеловеческим всезнанием, всеведением мифологического персонажа, персонифицирующего силы Зла. Изначально predetermined коммуникативная неудача порождает стилистический эффект — эмоционально-экспрессивное приращение смысла.

Диалог Воланда с буфетчиком Варьете Соковым, в котором Воланд последовательно и сознательно нарушает постулаты общения и, наконец, Принцип Кооперации, иллюстрирует порождение иронически-насмешливого эмоционального тона на основе контекстуальных импликатур.

Приведем реплику-реакцию Воланда на рассказ Сокова о превращении червонцев в кассе буфета в резаную бумагу и на сетования о том, что он коварно обманут:

Ай-яй-яй! да неужели ж они /москвичи/ думали, что это настоящие бумажки? Я не допускаю мысли, чтобы они это сделали сознательно. ... Неужели мошенники? ... неужели среди москвичей есть мошенники? [219]¹

Ирония завуалирована, составляет скрытый для собеседника эмоциональный план. Экспрессия речевых средств (междометие *ай-яй-яй* с восклицательной интонацией, повтор частицы *неужели* в вопросительных конструкциях) выражает удивление и недоумение. Контекст же эксплицирует иное экспрессивное приращение — иронический тон высказывания, который связан с нарушением одного из правил общения — постулата качества, или истинности: “Говори правду, не говори то-

¹ Текст романа цитируется по изданию: Булгаков М. Мастер и Маргарита. Рига. 1986. В скобках указываются страницы.

го, что считаешь ложным” [Падучева 1985: 42–43]. Воланд будто бы уточняет презумпции ситуации, выражая сомнение в их истинности. В действительности истинные презумпции известны Воланду (да, среди москвичей есть мошенники; да, они подумали, что бумажки настоящие) и извлекаются из повествования о сеансе черной магии в Варьете.

В следующих репликах Воланд нарушает одновременно с постулатом истинности постулат релевантности, или количества (“Говорите то, что имеет отношение к делу”):

— ... вы человек бедный ... ведь вы — человек бедный? — У вас сколько имеется сбережений? [219]

Кроме эффекта ироничности, нарушение постулата релевантности придает реплике силу эмоционального воздействия на собеседника, так как делает высказывание неуместным, неуместным. И совершенно ошеломляюще Воланд попирает сам Принцип Кооперации: — *Вы когда умрете?* [220]

Нарушения коммуникативных постулатов и Принципа Кооперации становятся источником имплицитных приращений смысла высказываний, порождают экспрессивную импликацию — иронически-насмешливый тон контекстов речи Воланда.

При создании иронического тона особенно значимыми оказываются формулы речевого этикета, в том числе обращения в экспрессивной функции.

Этикетными формулами речи насыщены высказывания-реплики Воланда Берлиозу, Лиходееву, буфетчику Сокову, барону Майгелю.

Экспрессивный потенциал этикетных формул связан с некоторыми особенностями их семантики. В лексико-грамматической структуре эти единицы отражают компоненты речевой ситуации, т.е. несут информацию о статусе или / и личностных особенностях субъекта речи, об атмосфере общения. Кроме того, в семантике ни одной из этикетных формул не заложена отрицательная оценка, что связано с их прямой функцией — регулировать общение в соответствии с этическими нормами, в том числе вежливости, создавая нужную тональность [Формановская 1982]. Таким образом, специфика единиц речевого этикета позволяет использовать их в тексте с экспрессивно-стилистическим заданием.

Речи Воланда свойственны синтаксически полные формулы книжного характера, сами по себе свидетельствующие об интеллигентности, вежливой обходительности лица, их употребившего:

Позвольте вас поблагодарить от всей души! [19]; *Прошу и меня извинить* [22]; *чем я вам могу быть полезен?* [216]; *не угодно ли отведать ...* [218]; *не прикажете ли партию в кости?* [218]; *Милости просим! рад нашему знакомству* [220].

Книжные формулы, как правило, наделены “объективно повышенной” языковой тональностью [Формановская 1982: 82], но субъективно используемые, при контрастном применении в контексте становятся источником насмешливо-иронического тона высказываний Воланда:

— *А, милейший барон Майгель, я счастлив рекомендовать вам почтеннейшего барона Майгеля ... Милый барон был так очарователен ... Я был счастлив пригласить его к себе* [288–289].

Книжные формулы радушного гостеприимства с присущей им объективно-уважительной тональностью сопрягаются с другими единицами речевого этикета — обращениями, выраженными определительными конструкциями с элятивом (*милейший, почтеннейший*), обладающим “яркой экспрессивной ... окраской” [Виноградов 1986: 212].

Экспрессивное употребление тех и других речевых единиц создает субъективный насмешливо-ироничный тон высказывания, сочетаясь, как покажем ниже, с другими проявлениями лексической экспрессии.

Истинный характер эмоционального тона сначала неявно проступает, приглушаясь объективной тональностью уважения, но постепенно проясняется дальнейшим контекстом речи Воланда, тем более что характер тона обусловлен экстралингвистически: закрепленная в этикетных формулах ситуация не соответствует реальной речевой ситуации Воланд–Майгель.

Да, кстати, барон, разнеслись слухи о чрезвычайной вашей любознательности ... злые языки уже уронили слово — наушник и шпион. ... Мы решили прийти к вам на помощь, воспользовавшись тем обстоятельством, что вы напросились ко мне в гости именно с целью подсмотреть и подслушать все, что можно [289].

Контекст эксплицирует подлинное эмоционально-оценочное отношение Воланда, пренебрежительно-презрительное, выраженное пейоративной эмоциональной окраской лексемы *наушник* (коннотация “презрит.” закреплена в значении слова: — Ушаков 1938 2: 454). Эмоциональная оценка глагольного экспрессива *напросились* периферийна, имплицитна [Лукьянова 1986: 139]; коннотация актуализируется, согласуясь с эмоциональной оценкой слова *наушник* и общим эмоциональным тоном контекста. Так элементы лексической экспрессии поддерживают насмешливо-ироническую окраску высказывания.

В других контекстах гиперболизация уважительности в элитиве становится базой развития ироничного тона при соотнесении высказывания с авторским повествованием: *Добрый день, симпатичнейший Степан Богданович!* [85]. Формуле приветствия предшествуют развернутые презумпции ситуации:

Степа ... увидел, что отражается в трюмо в виде человека с торчащими в разные стороны волосами, с опухшей, поросшей черной щетиной физиономией, с заплывшими глазами, в грязной сорочке ... [85]

В контексте презумпций этикетное высказывание Воланда приобретает эмоционально-экспрессивное приращение.

Интересны контексты, в которых реализуется экспрессивный потенциал слов-концептов. Мировоззренческая лексика, содержание которой составляют нравственно-философские категории, становится семантической основой развития иронически-насмешливого тона высказываний Воланда. Обратимся к контексту, развивающему идею милосердия:

Остается, пожалуй, одно — обзавестись тряпками и заткнуть ими все щели моей спальни! ... Я о милосердии говорю. Иногда совершенно неожиданно и коварно оно пролезает в самые узенькие щелки. Вот я и говорю о тряпках [297–298].

Насмешливо-иронический тон предопределяется контрастом высокой темы, заданной книжным концептом *милосердие*, с библейской традицией употребления (“способность из сострадания оказывать помощь тому, кто в ней нуждается” — Ушаков 1938 2: 214) и со сниженно-бытовой темой (*заткнуть тряпками щели*). Контекст высвечивает индивидуальное обремененное употребление слова *милосердие*. Благодаря неожидан-

ным лексическим связям (*милосердие коварно пролезает*) формируется экспрессивно-семантическая осложненность образа, прямые значения слов *коварно, пролезает* “становятся образной формой выражения нового содержания” [Поцепня 1997: 149]. Присутствие в семантике наречия *коварно* признака соотнесенности со сферой сознательного действия обуславливает персонификацию образа *милосердие*, содержание которого составляет *некая сущность, проникающая куда-либо посредством хитрого и злого умысла*. Новый образ не имеет общих признаков с традиционно понимаемой внутренней формой данного слова и становится основой отрицательной эмоциональной оценки слова в контексте. Так в эмоционально-образной форме слова объективизируется элемент ценностной системы персонажа. Семантический сдвиг в образе, экспрессивное преобразование значения и определяют иронически-насмешливую окраску контекста.

Соответственно экспрессивно-семантические преобразования происходят в контексте употребления слова *добро*. Из диалога-противостояния Воланда с Левием Матвеем:

— *Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?* [376]

Дейктическое слово *твое* с разговорной семантикой в сочетании со словом с философским содержанием индуцирует отрицательную эмоциональную оценку [Вульф 1979: 286]. Эта коннотация впитывается значением лексемы *добро* и в свою очередь определяет эмоциональный тон высказывания как насмешливо-иронический.

Контрастное употребление корня *-добр-* со стертой семантикой в составе книжной этикетной формулы (*Не будешь ли ты так добр...*) в субъективном применении поддерживает насмешливо-ироничный тон высказывания, отражающий отношение Воланда к посланцу Светлых Сил и к ценностным категориям Света.

Обобщая, подчеркнем некоторые выводы. Эмоциональный тон высказываний персонажа создается на основе соотношения экстралингвистических и лингвистических факторов.

В создание эмоционального тона вовлекаются экспрессивные средства языка и речи, при этом прослеживается ком-

плексное взаимодействие и соотношение экспрессивных употреблений речевых единиц.

Отбор экспрессивных средств целенаправлен, подчинен задаче выражения эмоционально-оценочного отношения и речевых намерений языковой личности.

В системе эстетического целого эмоциональный тон связан с реализацией художественной интенции автора. Так, эстетическое значение насмешливо-иронического тона высказываний Воланда проявляется в формировании сатирического плана романа, образов реальных персонажей, в выражении авторской позиции по отношению к миру московских обывателей. Кроме того, насмешливо-иронический тон Воланда соотносим с интерпретацией философских основ романа: значимо отражает соотношение добра и зла в концепции дуализма.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В. 1971 — *О теории художественной речи*. Москва.
- Виноградов В. В. 1980 — *О языке художественной прозы*. Москва.
- Виноградов В. В. 1986 — *Русский язык*. Москва.
- Вульф Е. М. 1979 — Варьирование в оценочных структурах. *Семантическое и формальное варьирование*. Москва. 273–295.
- Караулов Ю. Н. 1987 — *Русский язык и языковая личность*. Москва.
- Лукьянова Н. А. 1986 — *Экспрессивная лексика разговорного употребления*. Новосибирск.
- Падучева Е. В. 1985 — *Высказывание и его соотнесенность с действительностью*. Москва.
- Поцепня Д. М. 1997 — *Образ мира в слове писателя*. Санкт-Петербург.
- Телия В. Н. 1991 — Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация. *Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности*. Москва.
- Ушаков Д. Н. 1938 — *Толковый словарь русского языка*. Москва.
- Формановская Н. И. 1982 — *Русский речевой этикет: лингвистические и методические аспекты*. Москва.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ С МОДАЛЬНЫМ СМЫСЛОМ “ОТСУТСТВИЕ НЕОБХОДИМОСТИ”: К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ

С. ТУРОВСКАЯ

Многочисленные попытки свести в одну классификацию все многообразие типов модальных значений давно уже напоминают поиски квадратуры круга: чрезвычайно увлекательно и полезно, но вряд ли возможно. Приведение к “общему” семантическому знаменателю даже близких по значению модальностей (эта “близость” следует хотя бы из “классических определений”) неизбежно заставляет исследователя выходить за пределы семантики и учитывать массу факторов прагматического значения, например, точку зрения говорящего. Как ни парадоксально, но благородная задача создания полных и непротиворечивых рубрик семантической классификации оборачивается творческой неудачей. Как только речь заходит о прагматике, “стройные” семантические представления о модальностях теряют свою стройность и приобретают контрадикторный оттенок. Очевидно, при описании такого нетривиального объекта исследования, как языковые модальности, вообще малоперспективно отделять семантические компоненты значения от прагматических, прежде всего, разумеется, учитывая оценочную природу модальностей. Положение еще более осложняется, когда описанию подлежат высказывания с так называемыми модальными наслоениями, т.е. с “наслоением” и “пересечением” модальных значений [Касевич 1988: 71–72; Бондарко 1990: 60].

Особенно интересными в этом плане предстают высказывания с модальными наслоениями различного ранга, различной природы. Например, с отрицанием и какой-либо модальностью внешне- или внутрисинтаксического плана. А если мо-

дальность уже имеет полигенетический характер, то картина совсем туманна. Таким "неблагодарным" объектом являются отрицательные высказывания с внутрисинтаксической модальностью необходимости. На основе концепта необходимости в русском языке формируются по крайней мере четыре модальности достаточно автономного образования, отличающиеся не только различным набором дифференциальных признаков, но и различными векторными характеристиками [Туровская 1990]. То, что бытует в лингвистической литературе под названием "модальность необходимости", представляется некоторым обобщением. Модальности, сформированные на основе концепта необходимости (вынужденность, надобность, долженствование—норма, долженствование—идеал), по-разному "взаимодействуют" с отрицанием; далее приводятся наблюдения такого рода. Но вернемся к проблеме методологической: как описывать подобные конструкции?

Первая возможность — вычленение семантического потенциала какой-либо модальности (не только необходимости) на обширном эмпирическом материале, включающем как утвердительные высказывания, так и отрицательные. Надо сказать, что такая точка зрения является достаточно распространенной. Наиболее фундаментальное ее выражение представлено в коллективной монографии "Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность" [Беляева, Цейтлин 1990; Корди 1990]. В сущности при таком подходе различия в семантике отрицательных модальных высказываний и утвердительных высказываний сводятся к тому семантическому компоненту, который приносят лексико-грамматические средства выражения отрицания.

Вторая возможность, соответственно, связана с разграничением семантики отрицательных и утвердительных высказываний. При этом их семантическая природа или возводится к элементарной, типа семантических примитивов А. Вежбицкой (в основе модальных значений возможности, невозможности, необходимости, запрещения находятся производные 'хочу' и 'не хочу' — Wierzbicka 1972: 150–164); или сводится к взаимодействию с отрицанием — таким образом, например, появляются значения приказа, просьбы, запрещения (взаимо-

действие модальностей возможности и желания с отрицанием) [Гуревич 1976].

Наиболее перспективной представляется точка зрения В. С. Храковского. На примере детального семантического описания прохибитивных предложений доказывается, что модальные смыслы типа ‘волеизъявление’ не могут входить в сферу действия оператора отрицания [Храковский 1990: 210–211].

Рассмотрим подробнее утвердительные и отрицательные высказывания с модальными предикатами / предикативами необходимости. Соотносительны ли они по семантике? Отличаются ли утвердительные высказывания с модальным смыслом ‘необходимость’ (ее постулирование) и отрицательные высказывания (‘отсутствие необходимости’) только таким семантическим компонентом, который привносится *не*, или чем-то большим? Другими словами, правомерно ли при описании подобных отрицательных высказываний использовать ту же семантическую основу, но только со знаком “—” (о семантической зоне модальности необходимости см. в работе — Туровская 1990)? Скажем, можно ли при описании значения ‘отсутствие надобности’ использовать следующие семантические дифференциальные признаки: ‘отсутствие интенциональности’, ‘отсутствие пользы, выгоды для субъекта действия’ и т.д. Имеет ли смысл оперировать общей (и добавим, слишком абстрактной) оппозицией наличие необходимости / отсутствие необходимости? На каком-то очень высоком уровне абстракции, хотя бы на таком, когда необходимость выделяется как философская или формально-логическая категория, такая оппозиция, безусловно, справедлива. Но справедлива ли она для всех высказываний с модальным смыслом необходимости, которые в очень большой степени зависят от контекста? В плане семантического “поведения” приходится констатировать, что все модальные высказывания с модальными предикатами / предикативами необходимости и отрицательной частицей *не* распределяются по двум группам. Первая группа — высказывания, где отрицательная частица находится после модального предиката / предикатива перед инфинитивом, — вообще не может претендовать на статус высказываний с модальным смыслом ‘отсутствие необходимости’: это так называемые вы-

сказывания с неполным отрицанием. Она вписывается в группу высказываний с модальным смыслом "надобность" — актуализация альтернативного действия (ср. *Надо было не друзьям жаловаться, а сразу в суд идти*). Отрицательный план подобного типа высказываний "переходит" в усилительно-утвердительный. И такие высказывания полностью соответствуют всем семантическим признакам, отличающим высказывания практической необходимости.

Другая, несоизмеримо бо́льшая группа — высказывания с модальными предикатами / предикативами необходимости, где отрицательная частица *не* находится перед предикатом / предикативом. Совершенно очевидно, что даже чисто формальное включение отрицательной частицы возможно далеко не во все высказывания. Так, например, "непроницаемыми" для отрицания оказываются высказывания вынужденности:

- (1) * (не) ... *чтобы не перетолковали нашего разговора и чего-нибудь не вышло, я должен буду доложить* господину директору содержание нашего разговора ... в главных чертах [А. Чехов];
 (2) * (не) *Он чувствовал, как она идет сзади и боялся ускорить шаг, чтобы не потерять счастье, и боялся шаг замедлить, чтобы счастье не перегнало его. Но, дойдя до перекрестка, Кречмар принужден был остановиться: проезжали гуськом* автомобиля [В. Набоков];
 (3) * (не) *Меня тревожит эта машина, и я вынужден буду о ней сообщить* [Е. Замятин].

Не употребительны с *не* высказывания с перформативным *должен*:

- (4) * (не) *Я должен передать вам очень грустное известие ...*

Невозможность включения отрицания характерна и для некоторых других контекстов, напр., высказывания идеала, типа:

- (5) * (не) *Женщина должна быть женщиной.*

Существуют ограничения и для контекстов, в которых постулируется вывод-следствие практического силлогизма надобности:

- (6) * (не) *Боюсь, что зачахнет от печали и умрет преждевременно Ариадна. Надо ее развеселить и приучить ее к беззаботному смеху и веселью* [Ф. Сологуб].

Причины такой асимметрии, как представляется, кроются в содержании логического оператора отрицания. В формальной логике под отрицанием понимается логическая операция, с помощью которой из данного высказывания получается новое высказывание. При этом если исходное высказывание истинно, его отрицание не является истинным, а если оно ложно, его отрицание не является ложным. Логическая формула подобных высказываний “неверно, что...”. Возникает вопрос, как пересекаются параметры “истина / ложь” в высказываниях с модальным значением необходимости, не сводимых к алетическим операторам?

Даже очень фрагментарные и поверхностные наблюдения говорят о том, что различия между высказываниями с отрицанием необходимости и утверждением необходимости не сводятся к “симметричному” набору семантических признаков с вынесенным за скобку отрицательным знаком.

Главное отличие высказываний с отрицанием практической необходимости — фактуальность. Действие (или его фрагменты) имели или имеют место в реально наблюдаемом мире. Отрицание необходимости протекающего действия довольно часто представляет собой обращение к субъекту действия с имплицитной или эксплицитной просьбой его прекратить:

(7) Гаев. ... *Покидая этот дом навсегда, могли ли я умолчать, могу ли удержаться, чтобы не высказать на прощанье те чувства, которые наполняют теперь все мое существо...*

Варя. *Дядечка, не нужно!*

Гаев (уныло) ... *Молчу...* [А. Чехов];

(8) Елена Андреевна. *Клянусь вам...*

Астров (мешая ей говорить). *Зачем клясться? Не надо клясться. Не надо лишних слов* [А. Чехов].

Даже в высказываниях о намерениях—планах высказывания с отрицанием в какой-то степени вторичны, речь идет не о формировании планов—намерений в момент речи, а о корректировании планов, уже имевших место в ментальном мире:

(9) “*Лолита*” *имеет невероятный успех, но это все должно было бы случиться тридцать лет тому назад. Думаю, что мне не нужно будет больше преподавать — да жалко будет бросать мой идиллический Корнел* [В. Набоков].

Высказывания с модальным смыслом 'отсутствие необходимости' иррелевантны к признаку 'интенциональность'. В них вообще нет речи ни о присутствии интенциональности, ни о значимом ее отсутствии ("минус"—интенциональность). В первую очередь это касается высказываний фактуального плана.

С отрицательными высказываниями, сохраняющими признак 'обращенность в будущее', дело обстоит несколько сложнее. Практически это всегда высказывания, принадлежащие ментальному миру. Хотя в них не содержится интенциональности, тем не менее, в контексте есть указание, что они постинтенциональны, т.е. первоначальное решение принято, в момент речи оно корректируется. Отрицательная частица вместе с модальным предикатом / предикативом и связкой *будет* создает новый эффект, который можно назвать вытеснением.

Иными словами, пафос подобных высказываний направлен на вытекание из сознания действий, запрограммированных ранее, но почему-либо к моменту речи ставших ненужными, см. пример (9).

Большую группу высказываний с отрицанием необходимости составляют высказывания с подразумеваемым отрицанием. Это, как правило, конструкции с восклицательной или вопросительной интонацией.

(10) *Чего же тут время терять?*

(11) *Зачем вспоминать!*

(12) *И спорить тут нечего!*

Сюда же примыкает группа высказываний, также с подразумеваемым отрицанием необходимости, но оформленная предикатами необходимости (без отрицательных средств). Такие высказывания часто сопровождаются интонацией восклицания и напоминают риторический вопрос:

(13) *Надо это было тебе?*

(14) *В командировку ехать? Очень надо!*

Акценты подобных высказываний — постулирование оценки "бессмысленно" и ее производных ("глупо", "вредно", "неправильно" и т.п.). Цель высказываний — побудить субъекта прекратить начатое действие.

Более конкретное значение (и с более высокой степенью категоричности) имеют отрицательные высказывания с предикатами *должен*, *обязан*. Высказывания обладают своей соб-

ственной модальностью запрета. Такие высказывания в деонтической логике обладают отдельным статусом, и им соответствует модальный оператор “запрещено”:

(15) *Учитель не должен повысить голос.*

Даже такой беглый анализ высказываний со значением отрицания необходимости показывает, что такие высказывания имеют другую семантическую основу, для выявления которой требуется подробный и кропотливый анализ, с более подробным изучением контекстов. Речь идет не о симметрии, а о частичном смещении по отношению к наблюдаемому и воображаемому миру. Отличие высказываний с модальным смыслом “отсутствие необходимости” от прохибитивных заключается в наличии опосредованного звена: времени на обдумывание прекратить ненужное, по мнению говорящего, действие. Императивное действие подразумевает как можно меньший “пробел” между волеизъявлением по поводу действия и самим действием.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляева Е. И., Цейтлин С. Н. 1990 — Соотношение значений возможности и необходимости в семантической сфере потенциальности. *Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность*. Ленинград.
- Бондарко А. В. 1990 — Модальность. Вступительные замечания. *Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность*. Ленинград.
- Гуревич В. В. 1976 — Об элементарных и производных трансформациях. *Проблемы языкознания и теории английского языка*. Москва.
- Касевич В. Б. 1988 — *Семантика. Синтаксис. Морфология*. Москва.
- Корди Е. Е. 1990 — Оптативность. *Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность*. Ленинград.
- Туровская С. Н. 1990 — О семантической зоне модальности необходимости в русском языке. *Ученые записки Тартуского ун-та*. Вып. 896. Тарту.
- Храковский В. С. 1990 — Повелительность. *Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность*. Ленинград.
- Wierzbicka A. 1972 — Semantic primitives. *Linguistische Forschungen*. B. 22. Frankfurt-am-Main.

О ПРАГМАТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЯХ ПРИЧИННЫХ СОЮЗОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Э.-О. ХААГ

На современном этапе развития лингвистики заметно оживился интерес как к концепту причины (работы Ю. С. Степанова, Н. Д. Арутюновой и др.), так и к категории обусловленности (исследования В. Б. Евтюхина, В. С. Храковского и др.), однако языковое отражение категории каузальности в целом, и средства ее выражения в языке, в частности, до сих пор не получили достаточно полного и системного описания.

В синтаксических работах, посвященных описанию причинных предложений [Бабалова 1974; Теремова 1985], определяется в основном лишь значение причинных отношений, и не уделяется достаточно внимания функциональным особенностям различных средств выражения этих отношений.

Положение о том, что причинные союзы являются синонимичными, долгое время в научной литературе считалось общепринятым и единственным их функциональным определением [Калнберзинь 1958]. В последние десятилетия проблематике служебных слов и, в частности, союзов посвящено немало работ, однако среди них нет специальных, объектом исследования которых были бы причинные союзы современного русского языка. В ряде статей, так или иначе затрагивающих интересующую нас тематику [Жданович 1972], были выявлены интересные моменты в природе союзных средств, например, их связь с пресуппозициями, с прямо не выраженной, но заключенной в предложении информацией [Латышева 1982; Байдуж 1983; Байдуж 1987] и др., однако следует констатировать, что причинные союзы русского языка функционально

описаны фрагментарно, что не позволяет говорить о функциональных особенностях каждого из них.

Настоящая статья посвящена описанию причинных союзов русского языка с точки зрения их прагматических функций в различных типах текстов (официально-делового, научного, публицистического стилей и записей разговорной речи).

В современном русском языке функционируют следующие причинные союзы: *ибо, ведь, потому что (потому как), оттого что, ради того что, так как, поскольку, раз, благо, вследствие того что, в силу того что, благодаря тому что, ввиду того что, по причине того что (по той причине что), на основании того что (на том основании что), исходя из того что, судя по тому что*. Выделяются также несобственно причинные союзы: *под видом того что, за счет того что, под предлогом того что, по случаю того что, по поводу того что, тем более что*. Анализ материала показал, что функциональные различия союзов могут быть как семантическими, то есть прикрепленными к выражению определенных типов объяснительных отношений, так и прагматическими, то есть прикрепленными к выражению определенного субъективного отношения к ним говорящего. С этой точки зрения выделяются две функциональные группы причинных союзов в русском языке, одну из которых назовем условно констатирующе-причинной, вторую — группой прагматизированных союзов. Такие конструктивные свойства причинных союзов, как их способность / неспособность к расчленению, к присоединению актуализаторов, позиционная специализация свидетельствуют в пользу выделения указанных функциональных групп.

1. Используя констатирующе-причинные союзы в составе сложноподчиненного предложения, автор текста высказывает суждение, которое в его понимании состоит из двух компонентов: факта объективной реальности в качестве причины и следствия, опирающегося на этот факт. Основываясь на очевидном, может быть, даже наглядно воспринимаемом, говорящий (автор) делает выводы, устанавливает причинно-следственные отношения, констатируя их как нечто данное в самой объективной действительности, выражает умозаключение. Напр.:

Деятельность преступника в этих случаях носит большей частью внешне законный характер, потому что имущество, которое он намерен похитить, уже находится в его правомерном ведении либо потому, что лицо наделено по закону полномочиями по распоряжению имуществом [Уголовное право. Часть особенная 1969: 113].

В констатирующе-причинной группе можно выделить союзы, фактически выражающие причинные отношения: *потому что, оттого что, из-за того что* и союзы, выражающие отношения логического обоснования: *так как, поскольку, на основании того что, вследствие того что, в результате того что, исходя из того что, благодаря тому что, ради того что, в силу того что, ввиду того что, в связи с тем что, по причине того что*, в которых причина представлена как посылка, то есть как принятое логическое основание для вывода.

Связь между частями сложноподчиненного предложения, включающего указанные союзы, может квалифицироваться как имплицативная, а причинная конструкция в целом может рассматриваться как имплицитное выражение сокращенного силлогизма, энтимемы, которая может быть развернута в полный силлогизм. Проанализируем пример:

Однако в природе абсолютно твердых тел нет, так как все реальные тела под действием сил изменяют свою форму и размеры, то есть деформируются [Трофимова 1985: 119].

Силлогизм реконструируется в следующем виде:

Большая посылка: *Абсолютно твердые тела не меняют свою форму и размеры.*

Меньшая посылка: *Реальные тела в природе под действием сил изменяют свою форму и размеры.*

Вывод: *В природе нет абсолютно твердых тел.*

Констатирующе-причинные союзы, демонстрируют способность присоединять актуализаторы. При помощи актуализатора говорящий характеризует свое отношение к причине: ее единственность / неединственность, важность / неважность, первостепенность / непервостепенность и т.п. (См. описание актуализаторов коррекции причинного статуса в работах — Ляпон 1986: 170–177; Русская грамматика 1980: 579–580). Напр.:

Внешнеполитический курс, я думаю, скорректировался в известной мере именно из-за того, что шла жестокая избирательная кампания [Литературная газета 16.04.1997: 15].

В конструкциях с констатирующе-причинными союзами логического обоснования причина выражается как принятое основание, посылка для следствия. Естественной в данном случае является препозиция придаточного, вводимого союзом.

... поскольку применение известных мер профилактики и исправления неправильности зубов для предупреждения, нейтрализации или ликвидации зубных болезней является в высшей степени желательным, Третья сессия Всемирной ассамблеи здравоохранения предлагает ... [Сб. резолюций и решений ВАЗ 1974: 130].

2. К прагматизированным причинным союзам относятся союзы *ибо, ведь, раз, благо, тем более что*. Они способствуют формированию полифонии содержания высказывания или скрытого “теневого высказывания” (термин Т. М. Николаевой). Используя прагматизированные причинные союзы, говорящий высказывает субъективную точку зрения, старается убедить собеседника, доказать правоту своего суждения. Напр.:

Наш Эрос, Эрос истинно и жизненно человеческий, есть Эрос подвига и одиночества, ибо трудна работа Господня, и не суждено ничтожной пыли дышать божественным огнем [Лосев 1991: 208]; *Понятно, что подведенные Налоговым департаментом итоги не отражают истинного положения дел. Ведь благодаря процветающей теневой экономике и ставшей повседневной реальностью передаче денег в конверте, большинство богаче, чем значится в поданных ими декларациях* [Молодежь Эстонии 04.09.1996: 3].

Энтимемы, включающие прагматизированные союзы, далеко не всегда разворачиваются в полные силлогизмы, что, с одной стороны, свидетельствует о правомерности их выделения в отдельную группу, а с другой стороны служит подтверждением предположения о том, что в конструкциях, включающих прагматизированные союзы, причинная связь не может определяться как имплицативная “из X следует У”, потому что отношения, выражаемые указанными конструкциями, в большин-

стве случаев лишь “маскируются” под причинные: на самом деле части предложения могут и не быть причиной и вытекающим из него следствием. Следующий пример не допускает развертывания в полный силлогизм:

Пришлось, заручившись поддержкой двух крепких молодцов, идти к этому проходимцу и выцарапывать книгу за книгой, благо он крутился возле газет и журналов, и адрес его отыскать было нетрудно [Литературное обозрение 1996: 29].

Большая посылка: *Идти приходится к тому, кто крутится возле газет, чей адрес нетрудно отыскать.*

Меньшая посылка: *Он крутился возле газет и журналов, и адрес его отыскать было нетрудно.*

Вывод: *Пришлось, заручившись поддержкой двух крепких молодцов, идти к этому проходимцу и выцарапывать книгу за книгой.* Ложность большей посылки очевидна.

Каждый из причинных союзов обладают своими определенными семантическими оттенками, которые, вероятно, в большинстве случаев связаны с так называемой этимологической памятью союзов. Напр.: значение прагматизированного союза *ибо* — единственного причинного союза, унаследованного из старославянского и древнерусского языков, складывается из значений образовавших его компонентов. Первоначально этот союз был способен одновременно сочетать значение присоединяющего *и* с объясняюще-утверждающим *бо*. Присоединяя обоснование, *ибо* по функции занимал промежуточное положение между сочинительными и подчинительными союзами. В современном русском языке придаточное предложение, вводимое союзом *ибо*, играет роль факультативное ремарки объяснительного характера по отношению к главной части. По наблюдениям Н. В. Гелашвили, интонация сложного предложения с союзом *ибо* приближается к интонации двух самостоятельных предложений [Гелашвили 1956: 32].

Как упоминалось выше, способность присоединять прагматические актуализаторы демонстрируют лишь констатирующие-причинные союзы, тогда как прагматическая насыщенность прагматизированных союзов является достаточной и дополнительной актуализация была бы избыточной. В то же время, как показывает анализ материала, сами прагматизирован-

ные союзы способны в отдельных случаях выступать корректорами как констатирующих союзов, так и друг друга. Напр.:

Ибо раз признано, что так можно спрашивать, то всякий должен согласиться, что есть по крайней мере вероятность того, что природа бы испугалась и согласилась посвятить человека в свои тайны [Шестов 1993: 94].

Прагматизированные причинные союзы, исходя из своей функции в предложении — способности формировать скрытое темное высказывание, вводить факультативный распространитель причинного характера — демонстрируют тяготение к постпозитивной части.

Прагматизированные союзы уместны во всякого рода сентенциях, обобщениях, говорящий использует их, убеждая собеседника, доказывая свою правоту. Поэтому прагматизированные союзы чаще используются в философской, теологической литературе, в публицистике (см. приведенные примеры).

Таким образом, причинные конструкции в русском языке являются имплицитным выражением сокращенных силлогизмов, энтимем, которые могут быть либо констатирующе-причинными и передавать объективные причинные отношения, либо прагматизированными в силу прагматизированности союзов и передавать субъективные причинные отношения.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. 1988 — *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. Москва.
- Байдуж Л. М. 1983 — *Конструкции с союзом тем более что и их место в системе средств выражения причинно-следственных отношений*. АДД. Томск.
- Гелашвили Н. В. 1956 — *Сложноподчиненное предложение с придаточным причины в современных русском и грузинском языках*. Тбилиси.
- Калнберзинь Р. А. 1958 — *Способы выражения причинных отношений в современном русском литературном языке*. Москва.
- Латышева А. Н. 1982 — О семантике условных, причинных и уступительных союзов в русском языке. *Вопросы языкознания*. 5. 51–60.

- Ляпон М. В. 1988 — Прагматика каузальности. *Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование*. Москва.
- Минто В. 1995 — *Дедуктивная и индуктивная логика*. С.-Петербург.
- Николаева Т. М. 1982 — Контекстуально-конситуативная обусловленность высказывания и его семантическая цельность (К вопросу о функции русских частиц). *Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения*. XI: 46–63. Москва.
- Оськина И. В. 1992 — *Функции причинных союзов в построении силлогических умозаключений (на материале английского языка)*. АКД. Москва.
- Степанов Ю. С. 1995 — Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. *Язык и наука конца 20 века*. Москва. 35–73.
- Шорина А. И. 1960 — К вопросу о выражении умозаключений в русском литературном языке. *Уч. зап. Пермского ун-та*. 1960. Т. 16. Вып. 1. 97–109.
- Шуб Т. А. 1965 — К генезису и истории союза *ибо* в славянских языках. *Уч. зап. ЛГПИ*. Т. 15. Вып. 4. 89–130.

УСТУПИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С СОЮЗОМ *ХОТЯ*¹

В. С. ХРАКОВСКИЙ

Как было показано в работе [Храковский 1998], в системе имплицативных конструкций выделяются две подсистемы. В первую подсистему входят причинные и условные конструкции, которые выражают естественный ход событий. В этих конструкциях причина и условие имплицитно следуют за следствием. Во вторую подсистему входят уступительные и уступительно-условные конструкции, которые выражают неестественный ход событий. В этих конструкциях уступка имплицитно предшествует следствию и условное антитеза следствию. Таким образом, обе подсистемы прагматически противопоставлены друг другу. Соответственно уступительные конструкции типа (1) *Хотя Петров не получил денег, он купил жене подарок* “коррелируют” с причинными конструкциями типа (1а) *Петров купил жене подарок, потому что получил деньги*, уступительные конструкции типа (2) *Даже если Петров не получил денег, он купит жене подарок* “коррелируют” с условными конструкциями типа (2а) *Если Петров получит деньги, он купит жене подарок*, обозначающими выполнимое условие, а уступительные конструкции типа (3) *Даже если бы Петров не получил денег, он бы купил жене подарок* “коррелируют” с условными конструкциями типа (3а) *Если бы Петров получил деньги, он бы купил жене подарок*, обозначающими невыполнимое условие.

В этой же работе были предложены экспликации семантики всех рассмотренных конструкций, из которых мы приведем здесь только экспликацию семантики уступительных кон-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 96-04-06079 “Типология уступительных конструкций”.

трукций типа (1): 'имеет место P и имеет место не-Q; не-Q не следует из P; по мнению говорящего, из P нормально должно следовать Q'. Подобные экспликации, которые моделируют языковую компетенцию говорящего, дают возможность учитывать все формальные средства, используемые в том или ином конкретном языке для выражения определенного смысла. Так, для выражения уступительного смысла в современном русском языке используются прежде всего сложноподчиненные предложения. Данное обстоятельство фиксируется во всех существующих грамматических описаниях русского языка. Вместе с тем уступительный смысл выражается также в осложненных предложениях. Ср.:

(4) *Она протерла опрятным платочком запотевающие очки с увеличительными стеклами, высморкалась в другой платочек и довольно легко, хотя время от времени и останавливаясь на ступеньках, стала подниматься по лестнице на второй этаж [Уппс].²*

Этот смысл может выражаться и в формально простых предложениях разных видов. Ср.:

(5) *То была нелепая, хотя и обычная ревность мужчины к тому, что молодость ее досталась другим и в этом бурном веселом прошлом его уже не было [Уппс];*

(6) *... он, слава богу, не поддался на ее уловки и поступил с нею решительно, хотя, может быть, не совсем благородно [Уппс];*

(7) *День обещал быть ясным, хотя и холодным [Уппс];*

(8) *Величественность вопреки низкому росту, низкому лбу стала его второй натурой [А. Бек];*

(9) *Но Домна Платоновна, при всей своей словоохотливости, терпеть не могла касаться своего прошлого [Н. Лесков].*

Что касается определений уступительных конструкций, которые представлены в русистике, то они обычно моделируют речевую компетенцию не говорящего, а слушающего, который декодирует услышанное и соответственно в своей речевой деятельности движется от формы к смыслу. Таким образом, подобные определения являются формально-смысловыми. Опора на форму, которой приписывается тот или иной смысл, яв-

² Индексом Уппс маркируются примеры, полученные благодаря любезному содействию проф. Х. Томмола (Тампере) из базы данных Уппсальского университета.

ляется основополагающим компонентом традиционного описания двусторонних лингвистических единиц. Заметим кстати, что в традиционных синтаксических описаниях обычно говорится о тех или других формальных разновидностях предложений, тогда как термин ‘конструкция’ стандартно не используется. Сказанное позволяет понять, почему об уступительных конструкциях речь идет только при рассмотрении сложноподчиненных уступительных предложений, которые действительно являются прототипическим средством выражения семантически бипредикативных уступительных конструкций.

Особого разнообразия мнений при содержательной характеристике сложноподчиненных уступительных предложений в русистике не наблюдается, поэтому мы остановимся только на ‘официальной’, если можно так сказать, их характеристике, которая представлена в ‘Русской грамматике’ 1980 г. и которая к тому же является наиболее подробной.

Итак, в ‘Русской грамматике’ говорится следующее: ‘В предложениях, выражающих уступительные отношения, соотносятся две ситуации, из которых одна, представленная в придаточной части, не является достаточным основанием для того, чтобы отменить собой другую, представленную в главной части. Это значит, что в придаточной части сообщается либо о неблагоприятствующем условии, о препятствующем обстоятельстве (*Несмотря на то, что каждый день идут дожди, уборка урожая продолжается*), либо в этой части заключен контраргумент (или поправка, корректив), опровергающий либо ограничивающий истинность, безоговорочность утверждаемого в главной части (*Программа концерта сохраняется, хотя изменен порядок номеров*). Уступительные отношения построены на взаимодействии значений внутренней обусловленности и противительного; они объединяют в себе два компонента квалификации сообщаемого: 1) утверждается несовместимость двух ситуаций, между ними устанавливаются отношения взаимоисключения (‘либо — либо’); 2) констатируется существование, совмещение этих ситуаций, отношения между ними представляются как соединительные (‘и — и’). Напр., в предложении *Хоть мал, но умен* первый компонент значения — ‘если мал, значит, не умен’, ‘либо мал, либо умен’, а второй компонент — ‘мал и в то же время (вопреки ожидае-

мому) умен'. Таким образом, уступительные отношения построены на столкновении двух версий: априорной (первый компонент значения) и актуальной (второй компонент)" [Русская грамматика II 1980: 585–586].

В этой развернутой характеристике уступительных конструкций, как нам кажется, близка к истине только ее концовка о столкновении двух версий, хотя предлагаемая терминология не очень удачна. Если соотнести эту терминологию с той, которую мы использовали при экспликации семантики уступительных конструкций, то устанавливаются следующие два соответствия: 1) терминам 'априорная версия (первый компонент значения)' соответствуют термины 'по мнению говорящего, из Р нормально должно следовать Q', 2) терминам 'актуальная версия (второй компонент значения)' соответствуют термины 'имеет место Р и имеет место не-Q'.

Что же касается рассуждений о том, что ситуация из придаточной части — "недостаточное основание" для отмены ситуации из главной части, или о том, что ситуация из придаточной части представляет собой "неблагоприятное условие" и "препятствующее обстоятельство" для реализации ситуации из главной части, то они не кажутся верными, ибо об отмене ситуации из главной части речи вообще нет и совсем не ясно, что такое "неблагоприятное условие" и "препятствующее обстоятельство". Если из Р не следует не-Q, то Р не является условием для не-Q. К тому же Р фактически не препятствует не-Q.

Вызывает также определенные сомнения и предлагаемая трактовка первого компонента значения. В уступительной конструкции вовсе не утверждается несовместимость двух ситуаций, связанных отношением взаимоисключения. Эти ситуации реально совместимы и соответственно не исключают друг друга, о чем справедливо говорится во втором компоненте значения. В конструкции речь идет лишь о том, что совместимость двух ситуаций представляет собой незакономерное, ненормальное явление. Нормально не-Q не должно следовать из Р, но реально следует.

Таким образом, содержательная характеристика уступительных конструкций, предлагаемая в "Русской грамматике", дает не вполне точное представление об их семантике. К ска-

занному остается добавить, что это характеристика только уступительных конструкций, оформленных как сложноподчиненное предложение. Что же касается уступительных конструкций, оформленных иным образом, то, как уже говорилось выше, их обобщающей семантической характеристики в “Русской грамматике” нет. Вместе с тем необходимо отметить, что информацию об уступительных предложениях, оформленных как простое предложение, мы нашли в двух различных разделах “Русской грамматики”. Так, в разделе, посвященном предложному падежному примыканию, в параграфе 1796 говорится о существовании форм со значением условия, уступки, следствия, которые “в некоторой своей части специализированы со стороны предлогов, в других случаях лексически ограничены со стороны существительного” [Там же: 49]. При характеристике винительного падежа, в частности, отмечается предлог *несмотря на что-н.* и приводится пример *несмотря на препятствия, погоду; на что-н.*

В разделе, посвященном синтаксису форм слова, при характеристике винительного падежа существительного, сочетающегося с предлогами, отмечается, что винительный падеж сочетается с рядом непервообразных предлогов, и в том числе с предлогом *несмотря на что-н.* “Формы винительного падежа с этими предлогами, — отмечается в грамматике, — означают разные виды определительности” [Там же: 448]. В этом же разделе при характеристике дательного падежа существительного отмечается, что он сочетается со многими непервообразными предлогами, и в том числе с предлогом *вопреки чему-н.* Значение сочетания дательного падежа с этим предлогом “определяющее по противопоставленности, несоответствию: *действовать вопреки рассудку; Вопреки предсказанию погода прояснилась; Такое решение вопреки всем инструкциям*” [Там же: 445].

Предметом рассмотрения в данной работе служат уступительные конструкции, представленные предложениями с союзом *хотя*, которые являются наиболее типичными и самыми распространенными уступительными конструкциями в рус-

ском языке.³ Сразу же отметим, что союз *хотя* по своему происхождению — это деепричастие от глагола *хотеть*, однако этот союз полностью утратил свою этимологическую память и при употреблении ничем не напоминает деепричастие, которое, кстати говоря, выпало из парадигмы. Употребительным является лишь восходящее к этому деепричастию наречие *нехотя*:

(10) *Мама была отсюда, из этого поселка, выросла здесь, а папа городской, но именно он постоянно тянул ее сюда, а мама, если ехала, так нехотя, без удовольствия, лишь бы не обидеть бабушку* [Уппс].

Союз *хоть* мы рассматриваем как вариант союза *хотя*, поскольку никаких принципиальных семантических и / или формальных отличий мы у уступительных конструкций с этими союзами не усматриваем. Отметим только, что примеры с союзом *хоть* встречаются относительно редко и преимущественно являются разговорными.

Линейный синтаксис рассматриваемых конструкций допускает все три практические возможности взаимного расположения частей конструкции: 1) зависимая часть предшествует главной, 2) зависимая часть следует за главной, 3) зависимая часть вклинивается в главную. Первую возможность принято рассматривать как нейтральную или немаркированную. Примеры этого типа наиболее частотны в текстах:

(11) *И хоть был декабрь, в дорогах этих, в клочках сена, в голубых прозрачных тенях по колеям было что-то весеннее, и пахло весной* [Уппс].

Вторая возможность тоже достаточно свободно реализуется в текстах:

(12) *В эту вахту мне случалось несколько раз проходить мимо радиорубки. А подойти к окошку я все-таки не мог, хотя какая-то сила меня к нему тянула* [С. Сартаков].

В письменном тексте зависимая часть при постпозиции может быть заключена в скобки. Таким способом пишущий подчер-

³ Уступительные конструкции с предлогами и союзами *несмотря на* и *вопреки* рассмотрены в работе [Храковский 1998].

кивает ее относительно небольшую значимость. В этом случае зависимая часть содержит мысль, как бы посланную вдогонку:

(13) *Не хочу всем этим сказать, что система ценообразования не нуждается в радикальной реформе (хотя контуры ее из идущей дискуссии не высвечиваются)* [Уппс].

Третья возможность реализуется относительно редко:

(14) *Я повторю, хотя вначале О том велась как будто речь, Что в жизни много всяких далей, — Сумей одной не пренебречь* [А. Твардовский].

При интерпозиции зависимая часть может представлять собой метатекст, приближаясь по значимости к вводным предложениям:

(15) *Представьте себе человека, который пишет не денег и славы ради, хотя деньги и слава ему тоже нужны, пытается донести самое важное, главное, надеясь своим голосом разбудить кого-то и заставить жить иначе* [Уппс].

Такая зависимая часть может заключаться в скобки, что подчеркивает маргинальность передаваемой ею информации с точки зрения пишущего:

(16) *Но экономисты знают (хотя меня уже начали брать сомнения, а не забыли ли они об этом?), что, повышая цены на продовольствие и, как предлагают некоторые, еще понижая их на средства инвестиционного назначения, мы не приближаемся к мировой системе цен, а удаляемся от нее на необозримое расстояние* [Уппс].

Союз *хотя* может употребляться в сочетании с частицей *и*, которая следует за союзом, иногда отделяясь от него другими словами. Такое сочетание союза и частицы возможно как при препозиции зависимой части, так и при ее постпозиции:

(17) *Хотя я изредка и писал о прошлом, мне трудно считать себя знатоком исторического романа* [К. Паустовский].

(18) *Это обещание и удержало Настену от поездки в Новосибирск, хоть поначалу она и собиралась к мужику* [Уппс].

Функция этой частицы, очевидно, заключается в фокусировании внимания слушающего на слове, которое следует за частицей и которое в этом случае выделяется интонационно.

Очень важная особенность рассматриваемых уступительных конструкций состоит в том, что, когда их зависимая часть находится в препозиции, главная часть может вводиться противительными союзами *но, однако, а*:

(19) *Комиссионный магазин "Жорж" хотя и не процветал, но, во всяком случае, сводил концы с концами и даже имел небольшую прибыль* [В. Катаев].

Возможность употребления противительного союза в главной части уступительной конструкции (а также возможность введения такого союза при его отсутствии) эксплицирует семантическую близость уступительных и противительных конструкций, ср. [Санников 1989: 161, 170].

Говоря о семантической близости уступительных и противительных конструкций, не следует забывать об их коммуникативных различиях. В противительной конструкции, которая является сложносочиненным предложением, утверждаются ее обе части, тогда как в уступительной конструкции, которая является сложноподчиненным предложением, утверждается только ее главная часть, а зависимая часть относится к пресуппозиции.

Формальный статус уступительных конструкций, в главной части которых присутствует противительный союз, требует комментариев, поскольку уступительная конструкция является сложноподчиненным предложением, а противительный союз стандартно связывает части сложносочиненного предложения. А. М. Пешковский [Пешковский 1956: 468] называет уступительные предложения с противительным союзом подчинительно-сочинительными, что формально верно, хотя по существу эти предложения остаются сложноподчиненными. Что касается различий между теми уступительными предложениями, в которых противительный союз есть, и теми, в которых его нет, то они скорее всего являются коммуникативными. В предложениях, где противительного союза нет, в фокусе внимания говорящего и пишущего находится только зависимая часть, а в тех предложениях, в которых противительный союз есть, в фокусе внимания говорящего и пишущего находятся обе части предложения.

При препозиции зависимой части уступительной конструкции в главной части как при наличии противительных союзов, так и при их отсутствии могут употребляться служебные слова и выражения типа *тем не менее, все-таки, все же*, которые, очевидно, также указывают на фокус внимания говорящего и пишущего:

(20) *Хотя эксперименты в генной инженерии невероятно сложны, тем не менее темпы движения вперед настолько стремительны, что я затрудняюсь привести адекватное сравнение с любой другой отраслью биологии, да и, пожалуй, науки вообще* [Уппс].

В тексте уступительные конструкции выступают не только как самостоятельные синтаксические единицы, но и как части других синтаксических единиц:

(21) *Бывают осенью дни, когда хотя и солнце, но из северного угла тянет таким ледяным воздухом* [В. Солоухин].

В этом примере уступительная конструкция выступает в качестве определительного придаточного в сложноподчиненном предложении.

Большей частью в рассматриваемых уступительных конструкциях обозначаются однократно совершающиеся ситуации. Вместе с тем в этих конструкциях могут обозначаться и итеративные, т.е. неоднократно повторяющиеся ситуации:

(22) *Вечером на змтэсовском "газике" приезжал инженер, и хотя от него решительно никакой помощи не было, в избе становилось спокойнее* [С. Антонов].

Уступительная конструкция с союзом *хотя* в очень редких случаях может представлять собой не сложноподчиненное, а осложненное предложение, в котором союз вводит деепричастный оборот, см. (4).

Специфическая особенность союза *хотя*, отличающая его от других уступительных союзов, состоит в том, что он, обычно вместе с частицей *и*, может связывать не только части предложений, но и такие члены предложения как определения и обстоятельства, а также именные части сказуемых:

(23) *Она умела внести в их застолье, в неторопливый обмен мыслями притягательную, хотя и нервную ноту, будоражащую игру* [Уппс].

(24) *Эта женщина уверенно, хотя и довольно медленно поднималась по круто уходящей вверх каменистой тропинке* [Уппс]. См. также (5)–(7).

В этих примерах союз с частицей связывает два слова, обозначающие такие качества, которые по мысли говорящего относятся к разным полюсам оценочной шкалы и в норме не совмещаются. Слово, вводимое союзом с частицей, относится к полюсу, который условно можно назвать полюсом несущественных, часто "плохих" оценок, тогда как слово, предшествующее союзу, относится к полюсу существенных, часто "хороших" оценок. Таким образом, существенная (хорошая) оценка дается не-Q, которое играет основную роль в описываемой ситуации, а несущественная (плохая) оценка дается P, которое играет второстепенную роль и которое нормально не должно совмещаться с не-Q. Грамматика, да и семантика не препятствуют тому, чтобы оценочные слова, связываемые союзом *хотя* и частицей *и*, менялись местами. Ср. (7) и (7а):

(7а) *День обещал быть холодным, хотя и ясным.*

Примеры (7) и (7а) интересны тем, что в них оба сопоставляемых качества по житейским меркам могут относиться к одному и тому же полюсу существенных (хороших) оценок, ибо, с нашей точки зрения, вполне корректным является пример (7б):

(7б) *День обещал быть ясным и холодным.*

Соответственно только от говорящего в данном случае зависит и выбор оценки, и выбор союза.

Возможность использования союза *хотя* вместе с частицей *и* для связи определений, обстоятельств и именных частей сказуемых является одной из главных причин высокой частотности этого союза в текстах.

ЛИТЕРАТУРА

- Пешковский А. М. 1956 — *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
 РГ II 1980 — *Русская грамматика*. Т. 2. Москва.
 Санников В. З. 1980 — *Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис*. Москва.
 Храковский В. С. 1998 — *Уступительные предложения в системе имплицативных конструкций. Общее языкознание и теория грамматики*. Санкт-Петербург.

МЫСЛИ О ПРАГМАТИКЕ

М. А. ШЕЛЯКИН

Как известно, термин “прагматика” был введен в конце 30-х гг. XX в. Ч. Моррисом как название одного из трех разделов семиотики, изучающего отношение знаков к их интерпретаторам. Затем этот термин стал употребляться для обозначения области лингвистических исследований, направленных на изучение функционирования языковых знаков в речи, особенно под влиянием логико-философских теорий речевых актов Дж. Остина, Дж. Р. Серла, З. Вендлера и др., теорий прагматических значений П. Грайса, референции П. Стросона, Л. Линского и др. Такое понимание прагматики отразилось в “Лингвистическом энциклопедическом словаре” (автор словарной статьи Н. Д. Арутюнова): “Прагматика ... — область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи” [Арутюнова 1990: 389]. Подобным же образом определяет задачи прагматического подхода к изучению языка В. Г. Гак в энциклопедии “Русский язык”: “Прагматика ... — раздел языкознания, изучающий функционирование языковых образований в речи — отношение между высказыванием, говорящими и контекстом (ситуацией) в аспекте человеческой деятельности.... Если семантика отвечает на вопрос, что говорит человек, а синтактика — как он говорит, то прагматика дает ответ на вопрос — зачем (или почему) он так говорит. Изучая языковые факты непосредственно в их употреблении, прагматика сближается с психологией, социологией, этнолингвистикой, культурологией. Прагматика касается как интерпретации высказываний, так и выбора их формы в конкретных условиях. Основные проблемы, изучаемые в прагматике, — структура и класси-

фикация актов речи и интерпретация высказываний” [Гак 1997: 360]. Следовательно, с этой точки зрения прагматика обнаруживается в актах речи и связана с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации и ситуацией общения, а именно — с целями высказывания, их косвенными смыслами (типа: *Здесь дует* или *Мне холодно* = просьба закрыть дверь в комнате), референцией говорящего, его отношением к тому, что он высказывает, воздействием на адресата, формами и стилями речевого общения (информационный диалог, дружеская беседа, спор и др.), межличностными отношениями участников общения, информированностью адресата и т.д. (см. перечень аспектов прагматического изучения языковых знаков в упомянутой словарной статье Н. Д. Арутюновой). Несомненно, что прагматическое изучение языка в речи позволяет глубоко понять и объяснить его реальное употребление и функции, что отвечает этимологическому значению термина “прагматика” (от греч. *pragma* — действие, дело), и стало ассоциироваться у ряда исследователей с понятием “прагматизма” (полезности, успешности, воздействия) речевых актов.

Таким образом, прагматика в интерпретации Н. Д. Арутюновой и В. Г. Гака является прежде всего прагматикой речи, сближаясь с функциональным изучением языка в речи, и все же она неясна в своих границах в связи с тем, что неясны ее отличия от языковой семантики: как разграничить “что говорит человек” (семантику) и “зачем (или почему) он так говорит” (прагматику)? Разве, например, косвенные смыслы предложений, обычно относимые к прагматике, не являются косвенной семантикой предложений? Или вопросительные предложения, также обычно относимые к прагматике, не выражают грамматической семантики предложения? Поэтому более адекватным нам представляется понимание прагматики, сформулированное Ю. С. Степановым, Ю. Д. Апресяном и Е. В. Падучевой.

Так, по справедливому замечанию Ю. С. Степанова, определение прагматики как “раздела семиотики, изучающего отношение использующего знаковую систему к самой системе” [Философская энциклопедия 1967: 338], приводит к тому, что

игнорируется фиксация отношения говорящего к языковым знакам в самой знаковой системе языка [Степанов 1998: 379–380]. Вместе с тем эта фиксация является одним из основных измерений языковых знаков, для которого термин “прагматика”, по мнению Ю. С. Степанова, не подходит. Поэтому он предлагает заменить его термином “дектика” (букв. “могущий вместить или принять в себя”) как отражающим присвоение говорящим языка в момент — и на момент — речи, имея в виду координату “я — здесь — сейчас” [Там же]. Думается, что этот термин вряд ли удачен — в связи с его фонетической близостью с термином “дейксис” — и можно не отказываться от уже привычного термина “прагматика”, но употребляя его в широком значении, как отражение в семантике языка и речи эгоцентризма говорящего.

Ю. Д. Апресян под языковой прагматикой понимает “закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату” и подчеркивает, что речь идет не об оценке, свободно творимой говорящим в речи, а лишь о той готовой, лексикализованной или грамматикализованной оценке, которая встроена непосредственно в содержательную сторону языковых единиц и имеет, тем самым, постоянный статус в языке [Апресян 1995: 136]. Следовательно, Ю. Д. Апресян не исключает, что языковая прагматика может быть не только системно-языковой, но и речевой.

Е. В. Падучева также считает, что прагматика сводится к отношению языковых знаков к говорящему, и видит ответственность в проведении границы между прагматикой и семантикой языка, определяя лингвистическую прагматику как “некоторую область семантики, ... которая изучает языковые элементы, ... в семантике которых отсылка к говорящему играет ключевую роль” [Падучева 1996: 223]. Более того, она полагает, что “языковые значения прагматичны в принципе: с человеком, с речевой ситуацией связаны в языке не какие-нибудь особо выделенные экспрессивные элементы, а вообще значение подавляющего большинства слов и грамматических единиц. Заведомо связана с прагматикой и референция: в ес-

тественных языках нет кванторов или референциальных операторов, как в логических; есть слова типа *какой-то, кое-какой, некоторый, некто* — с массой прагматических компонентов, таких как известность / неизвестность говорящему; среднее, с точки зрения говорящего, число или количество (ср. *некоторое недовольство* = “не большое и не маленькое”; *кое-какие данные* = “данные в среднем количестве”). Следовательно, отношением языка к пользователю нельзя пренебречь даже в самом грубом приближении. Значения, выражимые через условия истинности, неразрывно связаны в естественных языках с прагматическими значениями. Таким образом, граница между семантикой и прагматикой размывается” [Там же: 222].

Из рассмотренных точек зрения на сущность прагматики следует, что она, во-первых, уже не противопоставляется семантике языковых знаков, а является ее особой разновидностью, отражающей “эгоцентрический фактор” в семантической системе языка, и, во-вторых, носит и речевой характер, во многом зависимый от системных прагматических значений и созначений (коннотаций) языковых единиц. В целом сущность прагматики заключается в отражении в языке и речи точки зрения говорящего, его коммуникативных интересов, ориентации в мире — отсылки к сознанию его “Я” в ситуации акта общения — и свидетельствует об адаптации семантической системы языка и ее употребления к субъекту речи, что и составляет содержание понятия лингвистического эгоцентризма.

Сам термин “эгоцентризм” в лингвистическом понимании давно встречается во многих работах, но либо в суженном, либо в расширенном значениях. Так, в узком значении его употреблял К. Бюлер, выделявший “эгоцентрические” и “топомнестические” указания, т.е. пространственные указания, ориентированные на говорящего, и указания, ориентированные на названия мест, см. [Бюлер 1993: 132–135]. Он же проводил фундаментальное различие между полем указания в языке, связанным с дейктическими словами, функции которых обнаруживаются только в ситуации коммуникации, и символическим полем, представленным назывными словами, функ-

ции которых в меньшей мере зависят от их отношения к ситуации общения и которые имеют точную интерпретацию в синтаксическом и лексическом контексте, [см. Там же: 132–229]. Однако впервые на отражение в языковой системе эгоцентрического фактора в несколько расширенном понимании (без терминологического обозначения) и на связанное с ним различие двух лексических полей обратил внимание, вслед за Ф. Боппом, В. Гумбольдт. Говоря о природе корневых слов, он выделял среди них две различные группы: “Большее число слов имеет как бы повествовательную или описательную природу, обозначает движение, свойства и объекты сами по себе, безотносительно к какой бы то ни было предполагаемой личности; напротив, в других случаях как раз выражение последней или собственная отсылка к ней составляет главную сущность значения” [Гумбольдт 1984: 113]. Ко второму типу слов Гумбольдт относил прежде всего местоимения, предлоги (в их историческом происхождении от названий частей тела человека) и междометия, назвав их “субъективными корнями” [см. Там же: 114].

В дальнейшем лингвисты стали относить к значениям эгоцентрического характера и глагольные грамматические категории лица, времени и наклонения. А. М. Пешковский называл их “субъективно-объективными” [Пешковский 1956: 88–91], В. Г. А. Адмони — “коммуникативно-грамматическими” [Адмони 1955: 11–12], А. В. Бондарко, вслед за чехословацкими лингвистами, — “актуализационными”, выделяя среди них “ориентационные” категории, содержащие в своей семантике отношение к говорящему как точке отсчета при выражении временных и персональных значений [Бондарко 1976: 50, 60]. С концепцией эгоцентрических грамматических категорий связана интерпретация Р. Якобсоном так называемых “шифтеров” (подвижных определителей), к которым он относил грамматические категории лица, времени, наклонения и засвидетельствованности [Якобсон 1972: 95–113].

Большое значение придавал эгоцентрическому фактору в языке Э. Бенвенист, посвятивший этому фактору специальную статью “О субъективности в языке” [Бенвенист 1974], в которой он под субъективностью понимал способность говоря-

щего представлять себя в качестве субъекта “в том акте речи, где я обозначает говорящего, осознающего себя в противопоставлении с другими”, что проявляется в наличии в языке местоимений, организующих пространственные и временные отношения вокруг субъекта, принятого за ориентир (*это, здесь, теперь, завтра* и др.), грамматической категории времени, выражающей время по отношению к акту речи, а также в перформативных глаголах, произнесение которых является одновременно актом выполнения говорящим обозначаемых ими действий (*я обещаю, клянусь, гарантирую* и др.) [Там же: 293, 296–299].

Таким образом, современная лингвистика видит отражение эгоцентрического фактора в системе языка более широко, чем раньше. В этом отношении показательны наблюдения над значениями языковых единиц русского языка, содержащиеся в упомянутых работах Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой, Ю. С. Степанова и др.

В связи с ограниченным объемом статьи ниже мы только наметим расширенную схему основных типов и подтипов отражения эгоцентризма в семантической системе русского языка, как она представляется в предварительном плане с учетом уже имеющихся исследований без претензий на полноту их перечня.

Тип 1. Отражение ориентационного эгоцентризма, заключающегося в осознании и выражении говорящим своего положения (ориентации) по отношению к “не-я” в акте общения. В зависимости от выбираемой говорящим точки отсчета рассмотрения “не-я” по отношению к себе можно выделить следующие подтипы данного эгоцентризма:

1.1. Коммуникативно-персональный эгоцентризм, при котором говорящий определяет участников / неучастников коммуникации как участников / неучастников выражаемого события или посессоров его компонентов, что отражается в наличии в системе языка соответствующих трехчленных личных и притяжательных местоимений, грамматической категории лица, синтаксически обособленных обращений.

1.2. Коммуникативно-этикетный эгоцентризм, в широком понимании, при котором говорящий устанавливает характер

своих социальных и личных отношений, речевого поведения и контакта с другими лицами, что отражается в наличии в системе языка принятых формул и средств общения, выражающих коммуникативно-социальную ориентацию говорящего: устойчивых выражений (*Спасибо. До свиданья*), вежливого “вы”, дружеского или фамильярного “ты”, обращений по имени или имени и отчеству и др.

1.3. Пространственно-локализирующий эгоцентризм, при котором говорящий определяет по отношению: 1) к своему местонахождению при акте речи степень пространственной удаленности предметов (явлений, событий) или их перемещение, что отразилось в наличии в системе языка дейктических слов *этот / тот, здесь / там, сюда / туда, отсюда / оттуда* и др., 2) к сторонам своего тела при акте речи пространственное положение предметов и др. или их перемещение, что отразилось в наличии в системе языка слов *вперед / позади, налево / направо*, см. [Шелякин 1967].

1.4. Темпорально-локализирующий эгоцентризм, при котором говорящий определяет местонахождение события во времени по отношению к моменту настоящего своего текущего бытия, эксплицируемому временем акта речи, что отражается в наличии в системе языка трехчленной грамматической категории времени и ее лексических спецификаторов (*вчера, сегодня, завтра, давно, тогда* и др.) со значениями настоящего, прошедшего и будущего времени.

Тип 2. Отражение событийно-интерпретирующего эгоцентризма, заключающегося в интерпретации говорящим сообщаемого события или компонентов действительности в сообщаемом событии (в дальнейшем будем говорить о компонентах сообщаемого события). Эта характеристика отражает следующие точки зрения говорящего:

2.1. точку зрения на истинность / ложность сообщаемого события или его компонентов по отношению к действительности, что отражается в наличии в системе языка моделей общеотрицательных и частноотрицательных предложений;

2.2. точку зрения на знание / незнание об осуществлении события или его отдельных компонентов, что отражается в на-

личии в системе языка моделей вопросительных и утвердительных предложений;

2.3. точку зрения на отношение сообщаемого события к объективной действительности, что отражается в наличии в системе языка изъявительного, сослагательного и повелительного наклонений;

2.4. точку зрения на модус необходимой или возможной реализации сообщаемого события в объективной и субъективной действительности, что отражается в наличии в системе языка модальных слов со значениями необходимости и возможности (*необходимо, нужно, должен, обязан, мочь* и др.);

2.5. эпистемическую точку зрения на сообщаемое событие, что отражается в наличии в системе языка слов со значением степени обоснованности знания говорящего о сообщаемом — степени достоверности или проблематичности знания (*конечно, разумеется, очевидно, бесспорно, несомненно, возможно, вероятно, вряд ли, скорее всего* и др.);

2.6. оценочную точку зрения на сообщаемое событие, что отражается в наличии в языке оценочных слов (*Жаль, что он не придет. К счастью, все обошлось хорошо*), и моделей предложения со скрытым субъектом, относящимся к нему инфинитивным предикатом и оценочным предикатом (типа *Куришь вредно. Говорить об этом стыдно. Обманывать подло*) и др.

2.7. оценочную, в том числе оценочно-экспрессивную, точку зрения на компоненты сообщаемого события, что отражается в наличии в языке соответствующих средств разных уровней (*негодяй, подлец, молодец, прекрасный, великий, папенька, жарница: Какой он умный! Он выпил целых / всего пять рюмок вина*);

2.8. точку зрения на референтную отнесенность компонентов сообщаемого события, что отражается в наличии в языке средств, указывающих на разные типы их референции (неопределенных, обобщенных местоимений, артиклевых аналогов и др.);

2.9. точку зрения на коммуникативную фокусировку субъектно-объектных компонентов сообщаемого события, что отражается в наличии в языке грамматической категории действительного и страдательного залога, которая фокусирует в

определенных ситуациях и в тексте либо субъект, либо объект действия с устранением указания на субъект (в двучленных пассивных конструкциях) или с указанием на его периферийный характер (в трехчленных пассивных конструкциях).

Тип 3. Отражение информационно-интерпретирующего эгоцентризма, заключающегося в способах представления говорящим сообщаемой информации:

3.1. отражение информационно-авторизованной интерпретации, представляющей сообщаемое с точки зрения его принадлежности определенному источнику информации, что отражается в наличии в языке (например, в болгарском, эстонском языках) грамматической категории засвидетельствованности, особых лексических показателей “чужой информации” (таких, как *якобы, дескать, де* в русском языке) и других средств;

3.2. отражение информационной интерпретации сообщений с точки зрения особенностей манеры их словесного выражения, что отражается в наличии в языке метатекстовых слов и словосочетаний типа *мягко говоря, короче сказать, грубо говоря, кроме шуток* и под.

3.3. отражение информационной интерпретации сообщений с точки зрения их смысловых связей и отношений в тексте с целью того или иного выделения в нем информационных компонентов, что отражается в наличии в языке метатекстовых слов и словосочетаний типа *главное, например, во-первых, во-вторых, кроме того, напротив* и под.

Тип 4. Отражение информационно-актуализирующего эгоцентризма, заключающегося в выделении говорящим в своих сообщениях наиболее значимой, актуальной для партнера по коммуникации информации, что отражается в наличии в языке правил актуального членения предложений.

Тип 5. Отражение перформативно-речевого эгоцентризма, заключающегося в создании говорящим реальных ситуаций в момент произнесения глаголов, что проявляется в наличии в языке перформативных глаголов (типа *Клянусь, что... Объявляю собрание закрытым*).

Мы привели наиболее показательные типы и подтипы отражения эгоцентрического фактора в семантической системе русского языка. Многое в этом плане еще не изучено и не истолковано. Например, нуждаются в эгоцентрическом изменении историческая система падежей и предлогов, грамматическая категория степеней сравнения прилагательных и наречий, смысловые отношения частей сложных предложений и др. Но уже очевидно, что типология эгоцентрических языковых значений не всегда совпадает с типологией значений эгоцентрических речевых актов. Как замечает Ю. Д. Апресян, “во многих случаях иллокутивная функция высказывания не маркируется никакими собственно языковыми средствами, а восстанавливается адресатом на основании экстралингвистических знаний — об устройстве мира в целом, о текущей ситуации, о постулатах кооперативного общения. Так, императивное высказывание *Поставьте, пожалуйста, вещи сюда* интерпретируется как предложение (приглашение) в ситуации приема гостя и как требование в ситуации таможенного досмотра” [Апресян 1995: 138]. Конечно, такую интерпретацию высказываний учитывает прежде всего говорящий, в чем и проявляется его речевой эгоцентризм.

ЛИТЕРАТУРА

- Адмони В. Г. А. 1955 — *Введение в синтаксис современного немецкого языка*. Москва.
- Апресян Ю. Д. 1995 — *Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва.
- Арутюнова Н. Д. 1990 — *Прагматика. Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва.
- Бенвенист Э. 1974 — *Общая лингвистика*. Москва.
- Бондарко А. В. 1976 — *Теория морфологических категорий*. Ленинград.
- Бюлер К. 1993 — *Теория языка*. Москва.
- Гак В. Г. 1997 — *Прагматика. Русский язык. Энциклопедия*. Москва.
- Гумбольдт В. 1984 — *Избранные труды по языкознанию*. Москва.
- Падучева Е. В. 1996 — *Семантические исследования*. Москва.
- Пешковский А. М. 1956 — *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.

- Степанов Ю. С. 1998 — *Язык и метод. К современной философии языка*. Москва.
- Шелякин Ф. Н. 1967 — *Язык и чувственное познание. Язык и мышление*. Москва.
- Якобсон Р. 1972 — *Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. Принципы типологического анализа языков различного строя*. Москва.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРАГМАТИЧЕСКИ СИЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ (Пейоративная фразеология)

А. ШТЕЙНГОЛЬД

Прагматически сильными мы называем такие фразеологизмы, прагматический аспект которых явно превалирует над другими сторонами знака, в том числе над денотативной стороной. Естественно думать, что языковое развитие таких единиц имеет свою специфику. Между тем традиционные процедуры семантического обоснования в этимологической науке ориентированы прежде всего на денотативный компонент: придают большое значение стоящим за словом реалиям. У единиц, которые мы сейчас будем рассматривать, вещная сторона является вторичной, а главную роль играет отношение знака к человеку, т.е. прагматика.

Совершенно условно прагматически сильные выражения могут быть распределены по трем следующим группам.

1) Экспрессивные слова и выражения, репрезентирующие, как правило, негативную оценку адресата и построенные на основе сравнения, метафоры и метонимии. Напр.: *Какой же ты неуклюжий — как слон!* (сравнение); *Эй ты, пугало огородное!* (метафора); *Ну ты, шляпа, куда прешь!?* (метонимия).

2) Так называемая матерная лексика.

3) Бранные формулы, исторически восходящие к конструкциям проклятий: *Чтоб ты лопнул! А ну тебя к шутам собачьим!* (шуты — диал. 'черти' — А. Ш.); *Разрази тебя гром!* *Чтоб ты сдох (как собака)!* и т.д.

Последняя категория имеет много этимологически темных сторон, поэтому именно она оказалась в центре нашего внимания. Несмотря на сходное функциональное назначение матерных слов и проклятий в современном языке (оффенсивы), а

также употребление в близких контекстах, в древности они были очень четко противопоставлены друг другу и, может быть, даже находились в отношениях дополнительной дистрибуции. Например, эти категории брани имели различную временную приуроченность, как в годовом, так и в суточном цикле, их употребление имело различные возрастные и половые ограничения. Матерная брань получала актуализацию в период купальской, семицко-троицкой и святочной обрядности, сопровождала аграрный праздник и свадебный ритуал. Она была важной составляющей частью антиповедения во время разгульных игрищ и воспринималась в шутовском, пародийном ключе, носила ненаправленный массовый характер. Объяснением такому ее назначению служит распространенное среди этнографов мнение о том, что посредством обсценики наши предки пытались магически активизировать плодоносящую силу земли и оградить себя от воздействия темных сил. Последнее, в частности, подтверждается тем фактом, что ситуативно матерная ругань оказывалась действенным опотропейным средством в момент столкновения с нечистой силой. Причем документально зафиксировано, что в дореволюционной России в крестьянской среде ей приписывалась большая эффективность, чем христианской охранительной молитве. С другой стороны, праздное употребление нецензурной лексики было не только строжайшим образом запрещено христианской церковью, но и глубоко порицалось среди самих крестьян.

Проклятие или “черное слово”, судя по дошедшим до нас сведениям, никогда не употреблялось в календарной обрядности. Оно получает действенность чаще всего в определенное время суток — “неурочное”, “неудобный час”, т.е. в полдень, полночь, до первых петухов, — и когда объект проклятия находится в “опасном” месте или на пути к нему (баня, лес, болото, вообще пространство вне дома). Произнесение проклятия — всегда индивидуальный акт, часто тайный, не носящий публичного характера. Проклятие всегда строго телеологично (имеет конкретного адресата) и возможно только в рамках определенных родственных отношений: обретает силу в устах кого-то из родителей (чаще — матери) по отношению к своему ребенку или мужа по отношению к жене. Превращение “черного слова” в шутливую брань — явление, судя по источ-

никам, лишь последних ста лет. До революции среди крестьян бытовало сильное убеждение, что “черное слово” гораздо опаснее матерной брани и даже произносимое всуе, “без сердца” (т.е. без экспрессии и злого умысла) способно привести к непоправимым последствиям. В основе ряда сказок и быличек как раз лежит мотив нарушения такого рода запрета.

До сих пор во многих русских деревнях матерная брань составляет привилегию мужчин. Еще Гр. Потанин в 1899 г., исследуя явление половой травести, отмечал, что женщины, перенимающие мужские привычки и носящие мужскую одежду, также усваивают и “мужскую брань”, т.е. мат [Потанин 1899 1–2: 143]. В настоящее время в Полесье матерная ругань является показателем мужского типа поведения, а проклятия — женского: “Бабы проклинают, а мужики матерацца” (см.: [Успенский 1996 11: 141, прим. 4] со ссылкой на Ф. К. Бадаланову и О. А. Терновскую). То же явление половой травести наблюдается в использовании женщинами мата во время троичкой, семицкой обрядности, “зажинок” и т.д.

Что же означают выражения “чертыхаться”, “лешкаться” (от *леший* — А. Ш.) в исторической перспективе, и какое мыслимое (а не экспрессивное) содержание для них можно восстановить? Анализ лингвистического материала в этнографическом аспекте очень хорошо показывает, что бранные формулы: *Пошел к черту! Бес его знает! Черти б его драли! Тьфу ты (на тебя)! Исчезни!* — восходят к проклятиям, обладавшим, по представлению наших предков, магической силой превращать человека в заложного покойника. Теория “заложности” требует особого освещения. Очень обстоятельно она была разработана на восточнославянском материале Д. К. Зелениным в книге “Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки” [Зеленин 1995]. Заложные покойники [далее в тексте — ЗП] — это люди, умершие не своей смертью, а также пропавшие без вести (к этой же категории сказки относят людей, превращенных в животных, предметы, а также находящихся в состоянии “мертвого сна” по действию заклятья). Что понимается под неестественной смертью? Это — 1) скоропостижная смерть от болезни, физического увечья, пьянства, в результате несчастного случая (от удара молнии, наводнения, пожара, снежного заноса

са и т.д.), самоубийства, а также — 2) внезапное исчезновение, похищение нечистой силой (напр., в виде вихря). Не исключено, что первая категория явилась производной от второй, поскольку древний человек воспринимал скоропостижную смерть как результат враждебной деятельности потусторонних сил. Как правило, ЗП продолжают доживать на том свете срок земной жизни, хотя в этом мире они либо визуально отсутствуют, либо присутствуют в виде неразложившегося трупа или своего субститута (*обмена*, если речь идет о ребенке, или заколдованного предмета). Приобретая статус “заложности”, люди поступают в полное распоряжение нечистой силы: используются в качестве водовозных и ездовых лошадей, прислуживают по хозяйству. Девушки и женщины становятся женами леших, чертей, водяных и даже имеют от них детей. Иногда ЗП напрямую отождествляются с русалками, кикиморами, домовыми, оборотнями. Тело ЗП считается нечистым, оно не должно быть предано земле, по крайней мере, не может быть похоронено на общем кладбище по христианскому обряду, в гробу, при сопровождении отпевания и молитвы. В противном случае земля, оскверненная нечистым трупом, будет гневаться, что приведет к бездождию, градобитию, неурожаю. Место погребения нечистого тела — болото, *мочажинное* (диал. ‘влажное’ — А. Ш.) место, глухой овраг, яма или трещина в земле подальше от селения.

Проанализируем конкретные прагматически сильные выражения с неясным происхождением. С некоторыми оговорками все проклятия можно распределить по пяти основным группам в зависимости от того, как “упаковывается” мыслимое содержание — ‘стань заложным покойником!’.

Категория 1. Пожелание стать ЗП через лишение обстоятельств и атрибутов (христианского)¹ погребального обряда.

1.1. *Ни дна (тебе) ни покрышки!*

Еще в конце XIX в. С. В. Максимов — знаток русской этнографии, демонологии, фольклора — отмечал шутливый характер этого устойчивого выражения на всей территории России,

¹ Слово *христианский* не случайно взято в скобки. Христианский погребальный канон явно наследует определенные черты языческого “честного” погребения.

кроме Сибири, где она “имеет серьезный смысл и квалифицируется как зложелание” [Максимов 1996: 291]. По его мнению, это негативное пожелание означает “быть похороненным без гроба, умереть без покаяния и возвратиться в лоно матери-земли без обрядового честного погребения” [Там же]. Если отказаться от чисто христианских коннотаций, а исходить из славянской языческой картины мира, станет очевидным, что данное бранное выражение по сути своей является пожеланием адресату стать ЗП. Базируясь на этнографических данных², для славян-язычников позднего предхристианского периода можно реконструировать представление о том, что наличие / отсутствие гроба у покойника — это первостепенный показатель его “чистоты / нечистоты”.³ Наши предки, видимо, полагали, что, умирая, человек лишается тела, но душа продолжает жить в приготовленном для нее жилище (*гробу, домовине, колоде* и пр.). Отсутствие жилища понуждает душу скитаться в поисках убежища. Многие сказки и былички в своей конституирующей основе имеют этот мотив (напр., солдат хоронит ЗП, а тот его за это награждает). С. В. Максимов утверждает, что в сибирских диалектах одно из значений слова *дно* — ‘гроб’, а покрывало — «‘неотъемная крышка гроба’» [Там же]. С указанным ругательным выражением хорошо соотносится вариант *Ни доски тебе ни гробу!*, известный по записям святочной обрядности в Харовском р-не Вологодской обл., сделанным И. С. Слепцовой в 1991 г. [Морозов 1998: 243]. Важно, что ситуация, при которой звучит это проклятие, в шутовской форме изображает православную панихиду по усопшим.

² Данные археологической науки в этом отношении недостаточны: мы ничего не знаем о наличии / отсутствии у славян этого периода деревянных гробов. Полевые исследования позволяют лишь однозначно констатировать повсеместное преобладание с X–XI вв. ингумаций над трупосожжениями [Седов 1995].

³ Точнее, наблюдается двунаправленная зависимость между статусом “заложности” и обладанием гробом: с одной стороны, тело, не имеющее гроба, уже само по себе нечисто, с другой — человек, умерший “лютой”, “напрасной” смертью, как правило, лишается гроба (последнее в быличках осуществляется либо самой матерью-землей: она выкидывает покойника из гроба, выпалкивает его на поверхность. — либо производится насильственным путем представителями крестьянской общины, которые, несмотря на протесты родных, выбрасывают тело из гроба).

1.2. *Чтоб ты сдох (околет), как собака! Собаке собачья смерть!*

Указанные выражения непосредственно соотносятся с только что проанализированным. Труп собаки — нечистого животного — в лучшем случае зарывался где-нибудь подальше от жилья, в худшем — либо выбрасывался на мусорную кучу, либо сталкивался в овраг. И уж, конечно же, собака никак не могла быть похоронена в гробу, а тем более — в соответствии с правилами погребальной церемонии. В этом отношении сравнение заложного (нечистого) покойника с собакой отнюдь не случайно [Успенский 1996 II: 139]. Белорусские варианты этого проклятия еще более прозрачны в этимологическом отношении: *Каб ты як сабака валяўся! Каб цябе, божа, дай міленькі, нямытага, як сабаку, у зямлю ўвалілі!* [Успенский 1996 II: 139, 94].

1.3. *Чох — на ветер, шкура — на шест, а голова — чертям в сучку играть!* [Максимов 1996: 291]

Эта бранная формула в наибольшей степени из всех перечисленных близка заклинанию на смерть. Слово *чих* в контексте всего высказывания следует интерпретировать как метонимическую замену слова *дух*. Понятие же “дыхание”, “дух” в индоевропейских культурах тесно переплетается с понятием “души” и “жизни”.⁴ Чох как резкое выдыхание может означать потерю души, лишение жизни. Ср. в латинском языке: *exspirāre* одновременно означает ‘выдыхать’, ‘испускать’ и ‘умирать’. Изначальное тождество семантики русских слов *выдохнуть* и *сдохнуть* тоже очевидно — ‘испустить дыхание, дух’. Чихание в древности считалось чуть ли не сакральным актом, входило в состав примет и гаданий. “Безбожник” Василий Буслаев не верует “ни в сон, ни в чох” [Кирша Данилов 1938: 113], за что платится жизнью. Чихание в “недобрый час” чревато тяжелыми последствиями. Современный этикет, как известно, предписывает в момент чихания прикрывать рот рукой. Исторически этот жест продиктован, видимо, отнюдь не гигиеническими соображениями, а страхом нечаянно потерять душу (ср. с аналогичным обычаем при зевании крестить рот).

⁴ Семантика интересующих нас слов раскрывается, в частности, при анализе формул проклятий типа: *‘Чтобы духу твоего здесь не было!’* или *‘Дух из тебя вон!’*, где *дух* — не просто ‘запах’, ‘дыхание’, но и ‘жизнь’.

“*Чох — на ветер ...*”, видимо, прежде всего означает ментальную смерть. Ветер, как и вода, — тот канал, по которому насылается порча, болезнь, любовный недуг.

“... *шкура — на шест ...*”— эта часть бранного высказывания получает объяснение при сопоставлении с наименованием самоубийцы во многих губерниях дореволюционной России: *черту баран*, с добавлением присловья — *готов, ободран* [Зеленин 1995: 47].

“... *голова — чертям в сучку играть*”. Сучка — детская игра наподобие лапты, когда “шар или чурку гоняют с помощью клюки” [Даль 1981–1982 IV: 357]. Пинать человеческий череп, играть с ним означало у славян наивысшую степень кошунственного отношения к покойнику, то же относилось к любым манипуляциям с мертвыми костями (ср. в былине о смерти Василия Буслаева: непочтение главного героя к праху анонимного богатыря оборачивается для него гибелью). Вообще, ворошить прах покойного строжайшим образом запрещалось. Считалось, что это причиняет ему беспокойство и муку, а следовательно, может навлечь на живых его гнев. Черти не имеют доступа к телу покойника, если оно похоронено по всем правилам соответствующего ритуала. Если же погребальный канон нарушен, нечистая сила может завладеть как телом, так и душой умершего. Таким образом, все выражение в совокупности является пожеланием адресату стать ЗП через самоубийство с последующим лишением его “честных” похорон.

Категория 2. Пожелание стать ЗП через указание на специфическое место захоронения ЗП.

2.1. *Щоб тебе поховали на растаньках!* (укр.) [Максимов 1996: 291] — ‘Чтоб тебя похоронили на перекрестке!’

Перекресток — место, где шалит нечистая сила, в виде вихря носятся ведьмы и черти, справляя свои свадьбы (по белорусским поверьям). Это также место контакта людей с нечистью — именно здесь совершаются приношения чертям, шуликунам, русалкам, лешим, домовым, а также осуществляются святочные гадания. На распутье — “промеж трех дорог, промеж тульской, рязанской, владимирской” [Максимов 1996: 291] — традиционно хоронили самоубийц, преступников, некрещеных детей. Выражение содержит прямое указание на место предполагаемого погребения ЗП.

2.2. *Чтоб тебе пусто было! Пусто тебе!* [Даль 1981–1982 III: 540]

Пусто мы интерпретируем не как наречие, а либо как архаичное существительное, активно употреблявшееся еще в XIX в. (ср.: “Описати жило и *пусто*” — Даль 1981–1982 III: 542), либо как краткое прилагательное при эллиптированном существительном *место*. С одной стороны, эллипсис, эвфемистическая замена, перифраза — яркие особенности эзотерического дискурса, к которому функционально тяготеет жанр проклятия. С другой — *пусто место* является устойчивым названием локуса обитания нечистой силы (в этом случае данное пейоративное выражение должно быть отнесено к категории 3), равно как и естественной могилы ЗП. Так, например, митрополит Фотий в своем поучении к псковскому духовенству (1416 г.) говорит: “А который от своих рук погубится, удавится или ножом изободется...: ино по святым правилом тех не повелено у церковей хоронить, ни над ними пети, ни поминати. Но *в пусте месте* в яму вложить и закопати” [Зеленин 1995: 94]. В римской редакции “Повести о бесноватой жене Соломонии” читаем: “Потом вынесоша ея [черти] из воды на некое *пусто место* и мучиша неизреченно различными муками и оставиша едва живу” [Пигин 1998: 247]. Анализ контекстов употребления и сопоставление с родственными словами и выражениями показывают, что это наименование применимо, прежде всего, к не заселенному людьми пространству (конкретнее, — к глухому лесу, заброшенным угодьям), причем не обязательно *пустому* в современном прямом смысле слова. Ср., напр.: *пустыня* ‘необитаемое обширное место, степи’, *пустошь* ‘незаселенная земля, дальний от селения особняк и т.д.’ [Даль 1981–1982 III: 540, 542]. То же значение — ‘безлюдное, отдаленное, глухое место’ — этимологически первично для слова *пустыня*, *пустынь* ‘скит’. Как известно, уединенные обитатели возводились христианскими подвижниками в дремучих, труднопроходимых лесах, но никак не на открытой равнине — не на пустыре в современном значении. Подводя итог сказанному о данной разновидности 2-ой категории, решимся утверждать, что наше ключевое выражение означает: ‘Чтоб ты стал ЗП и был похоронен на месте обитания нечисти!’.

2.3. *Провал ты возьми! Провалиться бы тебе в тартарары!* [Успенский 1996 II: 104]

Провалы представляют собой овраги и заброшенные шахты. В соответствии же с народными представлениями это — трещины, проходящие сквозь всю толщу земли и ведущие в пекло, тартар, преисподнюю. Провалы, как повествуют о том сказки и былички, — места захоронений колдунов. Сброшенный в провал ЗП лишается зловредной силы — не может быть упырем. По своему устройству скудельницы, гноища или буйвища — места узаконенного захоронения ЗП в русских городах вплоть до XVIII в. — повторяют “устройство” провалов. Это глубокие ямы, иногда специально наполненные водой. Свидетельства о том, что ЗП сталкивали именно в глубокие ямы, рвы, многочисленны [Зеленин 1995: 101, 104, 112]. Концепт провала тесно связан в народном сознании с представлением о том, что грешники и злодеи, которых “не носит земля”, бесследно исчезают под землей. Согласно сказке, зафиксированной в Пермской губернии, проклятый матерью сын провалился сквозь землю [Зеленин 1995: 91]. Близ Сызрани провалился в могиле хлыстовский вожак Шамбаров (‘иноверец’ = ‘нечистый, колдун’) [Там же]. Таким образом, *Чтоб ты сквозь землю провалился!* (именно сквозь, а не в) тождественно по смыслу *Провал ты возьми!* Наличие особого предлога в первом примере объясняется взглядом древних славян на экзистенциальную чистоту такой стихии, как земля (см. об этом подробнее в разделе 5.1.).

Категория 3. Пожелание стать ЗП через отсылание к “нечистому” локусу.

3.1. *Шел бы ты лесом!* (А. Ш., Даугавпилсский р-н, Латвия)⁵

Распространенная замена матерного ругательства, но анализ внутренней формы позволяет здесь видеть проклятие с отсылкой к опасному локусу, где обитают леший, черти. Во многом синонимичными данному будут являться выражения типа: *Пошел (иди) ты к лешему! Леший тебя задерит! Чтоб тебя леший*

⁵ Это бранное выражение записано автором от носителя диалекта — уроженца Даугавпилсского р-на, но не исключено, что ареал его распространения гораздо шире.

побрал! К опасному пространству отсылают также следующие проклятия, имеющие одну и ту же синтаксическую структуру: *Иди (а ну тебя, пошел ты) в баню!* *Иди (а ну тебя, пошел ты) в болото!* Косвенной отсылкой к тому же пространству (болоту) является еще одно проклятие, о котором речь пойдет ниже.

3.2. *Чтоб тебя качки съели!* (А. Ш., Даугавпилский р-н, Латвия; *качка* — зап.-рус. ‘утка’, ср. с пол. *kaczka*) — ‘Чтоб тебя утки съели!’

Ругательство может быть истолковано как метафорическое пожелание “лихой” смерти — утопления, а соответственно, и неправедных похорон в болоте. По народным представлениям, болото, — с одной стороны, пространство обитания чертей, водяных, русалок (ср: *Было бы болото, а черти найдутся; В тихом омуте черти водятся; Черт огня боится, а в воде селится*), с другой — традиционное место похорон ЗП, особенно “опойцев” [Зеленин 1995: 102–104, 109, 112–113]. Считается, что если при жизни покойник пил слишком много спиртного, то сильная жажда у него сохранится и после смерти, и если похоронить его, не облив как следует водой или не перенеся его тело в болото или озеро, он выпьет всю воду в округе, что приведет к бездождию, засухе и неурожаю. Данное ругательное выражение интересно еще для нас своей эвфемистической стороной. Смерть через утопление не называется напрямую (аналогично в моряцком жаргоне: ‘утонуть’ — *отправиться кормить рыб*), но “со ссылкой” на уток. В качестве субъекта предполагаемого действия здесь выступает зооперсонаж, который в реальности не наделен дееспособностью в интересующем нас аспекте. Как кажется, тут мы имеем дело с разложением жанра проклятия. Пейоративная формула, в исторической основе которой лежит заклинание на смерть, служит моделью для порождения шутивно-ругательных высказываний типа: *Забодай тебя комар!*

Категория 4. Пожелание стать ЗП через присоединение к нечистой силе.

4.1. *Будь ты неладен!*

Мы приписываем слову *неладен* значение ‘нечист’ (ср.: *В этом месте неладно* ‘тут «нечисто»’; *(Это) дело неладно* ‘дело не обошлось без участия черта’) и считаем это ругательство синонимичным самой распространенной формуле проклятия:

Будь ты проклят! Выше уже шла речь о том, что проклятие автоматически меняет физическую и духовную природу человека: он становится невидим для других людей, лишается их общества и занятий, поступает в полное распоряжение нечистой силы и делается от нее зависимым (не здесь ли кроется источник этимологии рус. *заложенный* применительно к покойнику, ср. укр. *залежний* ‘зависимый, несвободный’?). Пребывание таких ЗП в “обществе” чертей, леших и т.д. приводит к повышению демонического статуса первых. Так например, проклятые девушки и женщины становятся женами леших, водяных, т.е. русалками, лешихами (минск.); проклятые дети в виде кикимор воспитываются чертями, лешими, домовыми.

4.2. *Вихрь тя изми! Чтоб ты поднялся вихрем! А щоб ти понисся ще бурєю!* (харьк.) [Зеленин 1995: 60–61]

Вихрь у славян — одна из форм проявления демонической природы черта, лешего, ведьмы, колдуна и пр. [Славянские древности 1995 I: 379–382]. Вселившись в покойника, нечистая сила носится в виде вихря, урагана [Зеленин 1995: 60, 67]. “Появление вихря связывается с душами умерших, чаще — с неправильной, нечистой смертью, с заложными покойниками [подчеркн. мной — А. Ш.]. Вихрь — результат самоубийства (в.-слав., з.-слав.). Считается, что вихрь летит в ту сторону, в какую повернуто лицо висельника (укр.-карпат., пол., подкарпат.). Вихрем ... крутятся проклятые люди (рус., укр.), мертворожденные и умершие некрещеными дети (в.-слав., пол., кашуб.). ... Часто вихрь сопровождает смерть ведьмы или колдуна (в.-слав., пол.). По сербским и болгарским поверьям, вихрь — это души убитых людей” [Славянские древности 1995 I: 380]. Таким образом, брань такого типа либо напрямую отсылает к нечистой силе, либо является пожеланием нечистой смерти с тем же конечным результатом.

Категория 5. Пожелание стать ЗП через указание на гнев матери-земли.

5.1. *Або (чтоб) тебе свята земля не приняла!* [Зеленин 1995: 45]; *Щоб під ним и над ним земля горіла на косовий сажень!* (укр.) [Успенский II: 104]; *О щоб над тобою земля (за)тряслась!* (укр.) [Там же]

В основе таких экспрессивных выражений лежит распространенное представление о том, что земля — изначально чистая субстанция — не допускает осквернения себя нечистым трупом. ЗП не может оказаться в толще земли: либо выходит на поверхность, либо проваливается прямо в пекло, которое находится под землей. Представляется вероятным, что второй пейоратив метафорически как раз отсылает к пространству пылающей преисподней. В качестве карающего начала в проклятиях могут выступать и иные обожествляемые метеорологические сущности (гром, небо, солнце): *Разрази тебя гром! Солнце б ты побилю! Каб цябе нярун трас [забіў]!* (белорус.) [Успенский II: 104–105], но это тема для отдельной статьи.

Итак, помещая интересующие нас высказывания в этнокультурный контекст, мы получаем возможность определить их изначальную прагматику. Проклятие как речевой жанр в глубоком историческом прошлом являлось составной частью магического акта. В соответствии с верованиями древних, противника можно уничтожить двояко — начав с тела или с души. Идея проклятия основана на втором “подходе”: наведении порчи человек “сживается со свету”, отправляется к “нежити”, становится ЗП. Под таким углом рассмотрения насильственная физическая смерть, видимо, не казалась такой опасной, как смерть ментальная, чреватая полной зависимостью от нечисти. Этимологический анализ проклятий помогает не только воссоздать картину магической практики древних славян, но также вносит существенный вклад в наше представление о культе предков и культе матери-земли. Переход проклятий в разряд брани происходит тогда, когда ослабевают связи с магией и возникает внутриязыковая потребность утилизировать старые формы, наполнив их новым, экспрессивным, содержанием. Приобретение же проклятиями шутивно-иронической окраски — явление текущего столетия.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль В. И. 1981–1982 — *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1–4. Москва.
- Зеленин Д. К. 1995 — *Избранные труды. Очерки по русской мифологии (умершие неестественной смертью и русалки)*. Москва.

- Кирша Данилов 1938 — *Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым*. Москва.
- Максимов С. В. 1996 — *Крылатые слова*. Нижний Новгород.
- Морозов И. А. 1998 — *Женитьба добра молодца*. Москва.
- Пигин А. В. 1998 — *Из истории русской демонологии XVII в. Повесть о бесноватой жене Соломонии: Исследование и тексты*. Санкт-Петербург.
- Потанин Гр. 1899 — *Этнографические заметки по пути от г. Никольска до г. Тотьмы. Живая старина*. Вып. 1–2. 23–60, 167–235.
- Седов В. В. 1995 — *Славяне в раннем средневековье*. Москва.
- Славянские древности 1995– (и след.) — *Этнолингвистический словарь*. Т. 1–5. Москва.
- Успенский Б. А. 1996 — *Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. Избранные труды*. Т. 1–2. Москва. 67–162.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМПЛИЦИТНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

В. П. ЩАДНЕВА

Бурное развитие семиотики как науки привело к тому, что возникшие в ее недрах термины “прагматика”, “прагматический” стали в лингвистических работах обычными, но не имеющими единообразного осмысления. Ведь границы прагматики как одной из частей семиотики вряд ли можно считать окончательно установленными. Уместно напомнить, что еще со времени своего появления в триаде Ч. У. Морриса “семантика — синтактика — прагматика” [Моррис 1983: 37–89] термин прагматика оказался очень широким по охвату объектов изучения [Степанов 1983: 29] и потому содержательно аморфным.

По этой причине понятия “прагматика”, “прагматический” используются порой как проходные, т.е. просто модные, но недифференцированные термины. Впрочем, здесь нет необходимости полемизировать относительно границ прагматики. Многие русисты разделяют мнение Е. В. Падучевой, что прагматика является особой частью семантики. Посему строгие границы между семантикой и прагматикой не обязательны [Падучева 1996: 221]. Тем не менее проблема остается актуальной. Не только потому, что нечеткость границ вызывает невольное предположение об избыточности терминологии и ставит под сомнение необходимость того или иного термина, но еще и потому, что стилистический компонент значения тоже все чаще стали относить к сфере прагматики. Это еще больше размывает границы между научными дисциплинами. В результате оказывается, что вопрос о предмете и объекте прагматики носит принципиальный характер. И не стоит уподобляться страусу, прячущему голову в песок: мы не имеем ни одной ра-

боты, в которой содержался бы четкий ответ на вопрос о том, что же все-таки изучает прагматика.

Предмет ее, т.е. аспект, в котором ведется анализ, в общих чертах ясен. Сейчас стало общим местом мнение о том, что если синтактику интересуют внутренние отношения между самими знаками, семантику — отношения знаков к реальности, т.е. к внешнему миру и внутреннему (воображаемому) миру человека, создание своего рода статичной картины этих миров, их “означивание”, — то прагматика изучает отношение знаков к их пользователям (интерпретаторам) [Моррис 1983: 62]. Прежде всего прагматика ориентирована на самого адресанта — на говорящего / пишущего субъекта, на его различные “Я”. Но тем самым она должна учитывать и отношения между адресантом и **адресатом**, без которого коммуникация становится просто бессмысленной, ведь процесс общения обязательно предполагает наличие другого субъекта.

Эта ориентация предопределена таким очевидным общим свойством всех сторон языка, как субъективность. И хотя нельзя сказать, что это качество раньше было неизвестно и совсем не исследовалось, но именно прагматика привлекла к “человеческому фактору” особое внимание [Падучева 1996: 221], сделав его предметом изучения.

Однако параметры этого предмета (“человеческий фактор” в языке) оказываются слишком общими, что не позволяет четко определить **объект** изучения. Не вполне ясно, следует ли относить к прагматике весь объем субъективных проявлений в языке или же только какую-то их специфическую часть. Не случайно на практике сфера лингвистической прагматики — это “неуловимое поведение языковых и внеязыковых элементов в разнообразных и неустойчивых актах речи” [Скляревская 1995: 63]; поэтому “прагматика оперирует понятиями подтекста, пресуппозиции, т.е. пропозиции, неявно подразумеваемой еще до начала речевого акта, при этом имплицитные компоненты могут занимать весь смысл высказывания” [Там же: 63].

Судя по работам прагматической направленности, эту часть семиотики формирует достаточно неопределенная и неисчислимая сумма таких пресуппозиций, которые обусловлены а) **знаниями носителей** языка о мире, т.е. знаниями, которые

в процессе общения всегда становятся имплицитным (невербализованным) фоном; б) **уровнем их взаимопонимания**, которое выходит и в сферу психологии, и в сферу этики общения (поскольку достижение взаимопонимания предполагает знание психологии поведения и соблюдение норм речевого этикета), и, наконец, в) **конкретными условиями коммуникативного акта**, т.е. разнородными экстралингвистическими факторами, которые должны учитываться коммуникантами. В отличие от семантики прагматика изучает значение, как пишет Е. В. Падучева, “в его отношении к речевой ситуации (т.е. к говорящему и слушающему, их целям, фоновым знаниям и т.п.) и к ее контексту. Объектом прагматики являются прагматические значения — разного рода пропозициональные установки говорящих — исходные допущения, намерения, мнения, эмоции и проч.” [Падучева 1996: 221]

Напомним следующее: почти все только что перечисленное (опора на конситуацию, все фоновые экстралингвистические параметры, установки коммуникантов, разного рода коннотации) русисты традиционно учитывали в стилистике (прежде всего, функциональной), которая изначально была предназначена для изучения субъективного в языке и речи в силу своей нацеленности на целесообразное, выразительное, эффективное употребление языковых единиц, в том числе и текстовых [Кожина 1983: 7–8, 19, 23]. Теперь все это как бы передается в ведение прагматики. Возникают резонные вопросы: 1) не имеем ли мы дело с простой заменой названия одной дисциплины на название другой; 2) в чем заключается специфика стилистического и прагматического компонентов в аспекте изучения субъективного.

Ответа на эти вопросы пока нет, поскольку целостности, четкой очерченности объекта прагматика не знает; а посему трудно дать и само определение “прагматического” в языке — определение, связанное с конкретным понятийным содержанием. В этом можно усмотреть недостаток широкого подхода к объекту — недостаток, который обусловлен шириной самого предмета прагматики. И хотя современная наука все чаще отказывается от строгой дифференциации дисциплин и изучает объект на стыке наук, терминологическая точность украшает любую концепцию. А это обязывает исследователей, желаю-

ших быть адекватно понятыми, уточнять свое представление о "прагматическом" в языке.

В данной работе под прагматическим языковым компонентом понимается скрытая (закадровая), но учитываемая коммуникантами в процессе общения, точнее в конкретном коммуникативном акте, имплицитная информация об имплицитных значениях и смыслах, которые, будучи невербализованными в языковых конструкциях, участвуют в организации их содержания и поверхностных структур и учитываются адресантом при выборе конкретной структуры в коммуникативном акте. Иными словами, в данном случае под прагматическим аспектом лингвистического анализа понимается изучение а) констатиивно привязанных и / или возникающих приращенных невербализованных смыслов, которые реальный субъект речи (говорящий / пишущий) должен учесть для обеспечения адекватности, успешности коммуникации, а также б) языковых феноменов, способствующих появлению таких смыслов и одновременно являющихся результатом регулярной реализации этих смыслов. Итак, несмотря на расплывчатое понятийное содержание, объект прагматики обладает одним общим свойством: имплицитностью проявления в речи.

Охватывая практически неисчислимоe и с трудом классифицируемое количество отношений, прагматика ориентирована не на объективное в языке, как семантика, а выявляет в языковом материале, подобно стилистике, связь с категорией субъекта, способного регулировать соотношение между имплицитной и эксплицитной информацией. «Современные лингвисты справедливо утверждают, что одна из основных линий прагматической интерпретации высказывания — это "расслоение" "Я" говорящего: на "Я" как подлежащее предложения, "Я" как субъекта речи, наконец, на "Я" как внутреннее "Эго", которое контролирует самого субъекта, знает цели говорящего и его намерения лгать или говорить правду, и т.д.» [Степанов 1983: 30]. Тем самым современная прагматика концентрирует свои интересы вокруг центра субъективности языка — категории субъекта, который выступает в качестве основной категории прагматики и является связующим началом прагматических исследований разных авторов.

В гуманитарных науках слово "субъект" используется в одном из четырех значений: а) человек, познающий внешний мир и направляющий свои действия на реальные объекты; б) логический субъект, т.е. предмет суждения; в) субъект предложения как семантическая сущность, т.е. производитель действия; г) субъект предложения как формальная сущность — подлежащее. Каким из этих значений должна заниматься лингвопрагматика как лингвистическая часть семиотики? По-видимому, для лингвопрагматики интерес представляет не только внутреннее "Я", направляющее речевые действия говорящего / пишущего на достижение оптимального результата, но и соотношение всех перечисленных значений.

Итак, хотя и предмет, и объект прагматики нуждаются в уточнении, все явления, которые обычно рассматриваются как прагматические, обладают двумя общими чертами: а) ориентацией на субъективное в языке и б) имплицитностью проявления этого субъективного.

Прагматику интересует не собственно смысловая информация (основная интеллектуальная информация), заключенная (вербализованная) в высказывании и передаваемая адресату, а информация, обусловленная задачами, намерениями говорящего / пишущего и ориентированная не только на восприятие собеседника / читателя, но и на его предполагаемую реакцию: коммуникативно-ситуационные, эмотивные, эстетические, идеологические, социальные приращения. Этот особый вид сведений, выраженных в акте коммуникации не прямо, а косвенно, т.е. как бы содержащихся за кадром (за высказыванием), а значит, и не материализованных, не обозначенных конкретными языковыми единицами, можно было бы назвать невербализованной прагматической имплицитной информацией или же прагматическим смыслом. Прагматика как бы изначально имеет своим предметом смыслы имплицитные, коль скоро пресуппозиция сама по себе не вербализуется, а выводится из значений, содержащихся в высказывании.

Но проявления имплицитности в языке не ограничиваются только имплицитной прагматической информацией. В процессе пользования языком мы на каждом шагу сталкиваемся и с пронизывающей всю языковую систему чрезвычайно разнообразной по значениям имплицитностью иного рода; с соб-

ственно языковой имплицитной информацией. Под собственно языковой имплицитностью понимается такая невербализованность конкретного лексического и / или грамматического значения, которая а) порождается употреблением в синтагматической цепи, б) обусловлена опорой как на конституацию, так и на общую апперцепционную базу, в) в случае регулярности может закрепляться парадигматически, но в то же время, г) не входит в пресуппозицию и в подтекстовый фон. Прагматическую и языковую имплицитную информацию следует четко различать, тем более что в конкретных языковых фактах мы нередко сталкиваемся одновременно с обоими видами имплицитности и с их взаимодействием.

Собственно языковая имплицитность воплощается в таком знаке, как языковой нуль, представляющем собой не содержательно пустой знак (“ничто”), а условный символ разных переменных значений, суть которых выясняется в процессе употребления единиц более низкого уровня в рамках единиц более высокого уровня. Речь идет о разных видах синтаксического нуля, который проявляется как результат взаимодействия или а) вербализованных словоформ (разных членов предложения) в пределах предикативной единицы, или б) самих предикативных единиц в рамках логико-смыслового единства (то есть в пределах определенного фрагмента текста). Обсуждение вопроса о видах синтаксического нуля и о специфике его подвидов — это предмет отдельной статьи, поэтому здесь мы сосредоточим внимание на нашем видении прагматической стороны вопроса.

К сожалению, эпистемический (познавательный) контекст и фактологический фон исследования языкового нуля способствовали появлению и закреплению ряда лингвистических мифов, в которые проблема нулевого знака в языке оказалась погруженной настолько глубоко, что накопленные к настоящему времени языковые факты оказались разрозненными и необобщенными. И хотя познавательный лингвистический контекст существенно изменился, но уже ставшее традиционным осмысление языковой имплицитности осталось. К проблеме собственно языковой имплицитности обычно относятся как к второстепенному, производному вопросу языкознания вообще и синтаксиса в частности. Между тем трактовка собственно язы-

кового нуля, установление его границ, объяснение его сути во многом зависят от решения основных проблем языковой теории, в частности, от того, какой статус придается синтагматике и синтагматическим реализациям языковой имплицитности.

Существующие концепции нуля в языке, несмотря на частные различия, преимущественно исходят из представления о том, что статус системной языковая единица может получить только закрепившись парадигматически. Синтагматическая репрезентация все еще порой рассматривается как проявление речевой стихии (в последнее время это прямо не декларируется, однако проявляется в отборе материала). В лучшем случае наряду с парадигматическим нулем выделяется еще и синтагматический (синтаксический). Заметим, что отношение к синтагматическому как к чему-то остаточному, второстепенному по сравнению с парадигматическим, сохраняется, несмотря на широкое распространение семиотических идей, которые базируются на текстовом — в сущности синтагматическом — подходе к языковым фактам.

Современное состояние семиотики характеризует “принцип высказывания” [Степанов 1983: 6]. Для лингвистики как семиотической дисциплины и, в частности, для современного синтаксиса это означает **приоритет текста (дискурса)**, что на практике реализуется как текстовый (“дискурсный”) подход к предложению: зависимость структуры и смысла предложения от его окружения в более крупной синтагматической цепи переводит предложение в ранг высказывания, приспособленного к конкретным условиям употребления и являющегося фактом реальной языковой практики.

Характерно, что Ю. С. Степанов определяет прагматику «как семиотическую дисциплину, предметом которой является текст в его динамике, дискурс, соотнесенный с главным субъектом, с “Эго” творящего текст человека» [Там же: 35]. Этот человек, реализуя свои установки и экономя языковые усилия, приспособливает в потоке речи одну фразу к другой. Известно, что в устном диалогическом общении такое приспособление может осуществляться одновременно и говорящим, и слушающим, развивающим, подхватывающим не только мысль собеседника, но и синтаксическую структуру.

Учитывая изложенное выше, мы исходим, таким образом, из гипотезы о дискурсивной, текстовой (в широком смысле) обусловленности любого проявления языковой имплицитности, регулируемой не только нормами национального языка, но и замыслом “творящего текст человека”.

По сложившейся в русистике традиции, которую своим научным авторитетом окончательно закрепил И. А. Мельчук [Мельчук 1974], системно-языковой статус парадигматики и речевой статус синтагматики оказались представленными в крайне категоричном противопоставлении понятий языкового нуля (= системного, языкового нуля) и эллипсиса (= речевого нуля). С необходимостью различения этих терминов следует согласиться, поскольку они номинируют специфические явления. Однако, на наш взгляд, принципиального различия, непроходимой границы между самими языковыми фактами нет. Категорическое противопоставление нуля и эллипсиса сейчас подвергают критике [см., напр., Крылов 1983]. Грань между этими феноменами зыбкая и очень гибкая, приспособляющаяся язык к выражению тонких смысловых нюансов. Более того, любой ноль является порождением синтагматической цепи. И только через регулярно повторяющуюся синтагматическую зависимость он одновременно становится и фактом парадигматики.

Рассмотрение языкового нуля в рамках устоявшегося подхода — только с позиций парадигматики — уже не соответствует современному уровню развития лингвистики, с одной стороны, накопившей достаточно богатый языковой материал, не укладывающийся в привычные представления, а с другой стороны, — испытывающей влияние семиотики, которая не боится размытости границ и заставляет исследователя идти от текста (дискурса) к предложению. Разумеется, сказанное не означает полного отрицания сложившейся традиции и значимости тех достижений, которые уже имеются в данной области. Так, не утратили научной ценности многие выводы Р. Якобсона [Якобсон 1985: 222–230] и И. А. Мельчука [Мельчук 1974: 343–361]. Однако нельзя забывать, что их работы были написаны в эпоху господства парадигматики над синтагматикой, точнее даже, в эпоху абсолютизации парадигматики. Цели такого подхода объяснимы и понятны: парадигмати-

ка рассматривается как своего рода база для попытки грамматикализовать нулевой знак в языке.

На наш взгляд, разнообразные языковые феномены, представляющие языковые имплицитные значения, могут быть объединены прозрачным по смыслу понятием **нулевого замещения**, которое целесообразно использовать в качестве родового, поскольку предлагаемый термин позволяет обобщить разные частные проявления невербализованности (нуль) и одновременно отметить их общую функцию (замещение). Это ставит нулевое замещение в один ряд с другими средствами связи: местоименное замещение, синонимическое замещение. Предвидя возражения по поводу компонента “замещение”, уточним, что его следует понимать не столько как механическую замену той или иной материализованной в предтексте (реже — в посттексте) лексемы (словоформы), сколько как символ, маркирующий определенное значение. В то же время языковой нуль — это один из прагматически значимых феноменов. Иными словами, в нем реализуется не только синтагматическая обусловленность, но и прагматическая нацеленность. Общей прагматической функцией нулевого замещения является его способность а) актуализировать вербализованные в предложении компоненты и б) связывать соседние единицы в единое целое. Однако за нулевым замещением могут стоять и разнообразные частные прагматические смыслы.

Как уже упоминалось ранее, в наши задачи не входит обсуждение дискуссионных проблем, связанных с классификацией проявлений значимого синтаксического нуля. Ограничимся лишь показом некоторых приращений, которые могут быть квалифицированы как прагматические. Уточним, что предлагаемые иллюстрации представляют языковую имплицитность прежде всего в пределах предикативного центра: подлежащего и сказуемого.

I. Сначала хотелось бы остановиться на одном текстовом жанре (точнее даже — микротекстовом): **на жанре загадки**. Загадка как фольклорный текст может строиться на базе разных структурных (обычно двусоставных) схем предложения. При этом типизированной является ее неполная реализация, предикат которой формально может быть представлен и гла-

голом (1, 2), и именем существительным (3, 4 и частично — 2, 5, 6), и именем прилагательным (5, 6):

1. *Живет без тела, говорит без языка, никто его не видит, а всякий слышит.* (Эхо)
2. *Стучится, вертится, никого не боится, ходит весь век, а не человек.* (Часы)
3. *Не ездок, а со шпорами, не сторож, а всех будит.* (Петух)
4. *Не человек, а разговаривает.* (Радио)
5. *Белое, да не вода, сладкое, да не мед, от рогатого беру и деточкам даю.* (Молоко)
6. *Черен, да не ворон, рогат, да не бык, шесть ног, да без копыт.* (Майский жук)

В приведенных загадках представлен нуль-субъект со значением неопределенности. Этот нуль-субъект означает “нечто” или “некто”. С точки зрения поверхностной структуры анализируемые предикативные единицы представляют собой неполные реализации с нулевым замещением постпозитивного компонента, являющегося отгадкой. Семантически эти единицы аналогичны неопределенно-личным предложениям. Однако сходство это лишь внешнее, поскольку, во-первых, в большинстве загадок нет неопределенно-личных глагольных форм, а, во-вторых, форма числа (реже — рода) может не совпадать с формой слова-отгадки (2, 4), усложняя процесс отгадывания. Субъект — творец или репродукцент загадки — через нулевую реализацию субъекта предложения как бы маркирует для адресата неопределенность значения субъекта-подлежащего, а через него и сам жанр, побуждая при этом слушающего / читающего к процессу отгадывания. В закреплённости за отдельным жанром и заключается прагматическая ценность такого нулевого замещения.

II. Вторая иллюстрация связана с использованием нуля, обеспечивающего высокий **эмоциональный накал текста**. Обычно подобные случаи нулевого замещения наблюдаются в поэтических текстах и накладываются на некоторые синтактико-стилистические приемы: фигуры, тропы, употребление стилистически повышенной лексики. В нашем примере — это синтаксический повтор (параллелизм) в сочетании с лексическим повтором, причем, в основном, повтором лексики высокой, книжной.

Благословляю ежедневный труд.
 Благословляю еженощный сон.
Господню милость — и Господень суд.
Благой закон — и каменный закон.
 И пыльный пурпур свой, где столько дыр...
 И пыльный посох свой, где все лучи!
 Еще, Господь, благословляю — мир
 В чужом доме — и хлеб в чужой печи.
 [М. Цветаева. Благословляю ежедневный труд]

В тексте повторяется регулярная неполная реализация, или иначе — школьное определенно-личное предложение без вербализованного субъекта. Затем к нулю-субъекту добавляется и замещающий нуль-предикат. Проще говоря, в данном случае мы имеем дело с традиционными неполными контекстуальными предложениями с нереализованными позициями субъекта и предиката. За их невербализованностью стоит определенная информационная нагрузка — передача возвышенной эмотивности. Функционально нулевое замещение многократно повторяющегося предиката поддерживает здесь другие выразительные приемы, служит структурированию текста и тем самым обеспечивает его целостность и связность, его единство и гармоничность. Но одновременно нуль способствует и более эмоциональному прочтению текста в целом, его экспрессивности. Такую передачу адресату эмоционального настроения, запрограммированного автором, также можно рассматривать в качестве прагматического эффекта.

III. Благодаря нулевому замещению обеспечивается и экспрессивность иного рода, например, в таком частном проявлении неполноты, как **безглагольные структуры** типа:

Павел прихватил дедушку — и на двор. Рядом горел дом Чухонцева. Пламя тянет в нашу сторону. Дедушка за ведро и — к кадушке за водой. [А. Васильев. Зарницы]

За подобными синтаксическими единицами стоит не только повышенная экспрессивность, но и динамика повествования: нулевые предикаты предложений, в которых перечисляются стремительные действия (!) субъекта над объектами, становятся носителями значения динамичности, интенсивности процесса. В данном случае нуль маркирует значение “действовать очень быстро”, подробнее см. [Щаднева 1997: 220–232]. В са-

мой синтаксической структуре значение динамичности действия отсутствует (ср.: *Сделаем так: я пока картошку почищу, а ты — к кадушке за водой*), возникает оно лишь в употреблении как прагматический эффект. Такое нулевое замещение, как правило, связано с особыми динамическими повествовательно-событийными контекстами, содержащими со- или противопоставление либо действий одного субъекта над разными объектами, либо действий разных субъектов. Поэтому здесь, как и в первом случае, можно говорить о прагматически значимой закрепленности нулевого знака за определенным видом микроконтекста.

IV. Подтекстовый смысл художественного текста тоже может базироваться на нулевом замещении:

Каждый год, лишь только наступает весеннее праздничное полнолуние, под вечер появляется под липами на Патриарших прудах человек лет тридцати или тридцати с лишним. Рыжеватый, зеленоглазый, скромно одетый человек. Это — сотрудник Института истории и философии, профессор Иван Николаевич Понырев. [М. Булгаков. Мастер и Маргарита]

В этом фрагменте нулевое замещение предиката подчеркивает особую значимость даваемой автором частной характеристики, которая, в свою очередь, отсылает читателя к ранее прочитанному и таким образом цементирует текст. Тем самым здесь реализуется как актуализирующая, так и связочная функция нуля, который способен объединять не только соседние, но и находящиеся на значительном расстоянии предикативные единицы. В то же время актуализированная информация о внешности профессора побуждает читателя предположить имплицитный смысл, запрограммированный автором, и сделать вывод о родстве персонажа с Маргаритой.

V. И, наконец, особого внимания заслуживает нулевая репрезентация субъекта при страдательном залоге. Категория залога воистину прагматична, прагматична изначально, коль скоро уже сам выбор залоговой формы осуществляется субъектом речи (“Я”- говорящим) целенаправленно. Но в данном случае нас интересует не сам залог, а лишь нулевой семантический субъект в поверхностно двучленных страдательных конструкциях (их глубинная структура все-таки остается трехчленной). Замечено, что такие двучленные структуры ис-

пользуются чаще, чем трехчленные. Причем некоторые переходные глаголы в случае обратимости просто не способны иметь при себе творительный падеж имени. Думается, это происходит по разным причинам, но среди них есть и причины чисто прагматического характера.

Прагматические смыслы, сопровождающие страдательный залог, а вместе с ним и нулевой страдательный субъект, по сути дела, уже давно были отмечены функциональной стилистикой. Таких смыслов три. Во-первых, использование страдательного залога, особенно с устранением творительного имени, называющего субъекта-производителя действия, **актуализирует действие над объектом**, как в следующем отрывке из художественного текста (в скобках здесь и далее отмечены интересующие нас случаи):

1. *По ночам мы жгли тумбочки. На чердаке нашего общежития был склад старых тумбочек. Не то чтобы они совсем никуда не годились, напротив, они были ничуть не хуже тех, что стояли возле наших коек,— такие же тяжелые, такие же голубые, с такими же фанерными полочками внутри. Просто они были лишние и лежали на чердаке. А мы сильно зябли в нашем общежитии...*

Обреченная тумбочка (а) втаскивалась в комнату. Она (б) наклонялась наискосок, и по верхнему углу (в) наносился удар тяжелой чугунной клюшкой. Тумбочка разлеталась на куски, как если бы была стеклянная. Густокрашенные дощечки горели весело и жарко. [В. Солоухин. Каравай заварного хлеба]

Интересно, что в подобные повествовательно-изобразительные ряды могут включаться и глагольные словоформы, имеющие омонимы с собственно возвратными лексемами: использование случаев (а) и (б) вне развернутого изобразительного ряда с точки зрения нормы сомнительно. Таким образом, и здесь наблюдается привязанность к определенному типу контекста. Нуль в данном примере имеет относительно неопределенную референцию, поскольку из предтекста выясняются лишь общие параметры производителя действий.

Во-вторых, нулевое замещение способствует **объективности изложения**. А в сознательном создании ореола объективности своих изысканий, своих выводов, в преподнесении их как законов природы и общества заинтересован каждый автор научного и официально-делового текста.

В-третьих, двучленные страдательные структуры являются элементом **речевого этикета**, который выработался в русском научном и деловом стилях. В процессе коммуникации данный аспект связан с прагматическим смыслом **“авторская скромность”**. И хотя в последнее время этот речевой стереотип претерпевает изменения, многие авторы придерживаются его не только в силу традиции, в силу привычки, но и потому, что одновременно действует и прагматический смысл **“объективность изложения”**, как, например, в следующих фрагментах из работ разных авторов:

2. *Однако необходимо подчеркнуть, что в теории русской грамматики неоднократно (а) предпринимались также разнообразные попытки описания имперсонала, раскрывавшего его семантическую и синтаксическую специфику с позитивной стороны... В данной работе (б) обсуждаются вопросы, связанные по преимуществу с синтаксисом имперсонала. Ниже (в) анализируются различные точки зрения по этой проблематике, существующие в отечественном языкознании.* [Л. А. Бирюлин. Семантика и синтаксис русского имперсонала]

В данном отрывке, как и в предыдущей художественной иллюстрации, случай (а) связан с актуализацией действия и с неопределенным референтом нулевого знака. Примеры же (б) и (в) содержат все три перечисленных выше прагматических смысла, а референт нуля оказывается определенным: за нулевым знаком стоит сам автор текста. Итак, нулевые элементы предложения (даже в рамках одного абзаца!) могут быть связаны с разными прагматическими смыслами и с разной референцией. Еще более наглядно это проявляется в следующей объемной иллюстрации:

3. *Референция в полном ее объеме характеризует не предложение, а высказывание: референция (а) осуществляется говорящими в речевом акте... Актуализация (б) осуществляется с помощью местоименных и артиклетиподобных элементов в составе именной группы, а также категорий времени, вида и наклонения в составе глагольной. Главное внимание в работе (в) уделяется местоименным актуализаторам — местоимениям и местоименным словам.*
В работе (г) уточняются понятия, необходимые для последовательного описания референции — понятие речевого акта; иллюкативной функции высказывания...; презумпции в ее семантичес-

ком и прагматическом варианте и др., и (д) вводится ряд новых понятий, главным из которых является понятие денотативного статуса — для именных групп с предметным значением и для пропозициональных компонентов предложения. Дается (е) типология денотативных статусов и (ж) выявляется взаимодействие денотативного статуса с синтаксической структурой предложения...; (з) выявляются связи между денотативными статусами предметных именных групп и пропозициональных компонентов; (и) исследуется роль денотативных статусов в кореференции.

Языковой текст всегда (к) строится как имеющий некоторый внешний мир (действительность), с которым он соотносится...

[Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью]

Если в однотипных примерах с (в) по (и) ноль замещает имя автора текста, т.е. является референциально определенным (конкретным) и при этом реализует все три прагматических смысла, то пример (б), на наш взгляд, представляет собой обычное контекстуально неполное предложение с невербализованным субъектным дополнением, так как оценивается на фоне трехчленной пассивной структуры (а). Сложнее оценить пример (к), поскольку лексема “всегда”, с одной стороны, оканчивается сигналом значения “все говорящие”, что означает обобщенную референтность, а, с другой стороны, как бы возвращает нас к (а), что позволяет расценивать анализируемый пример и как обычную неполноту. Думается, что наличие проблем, связанных с квалификацией языковых фактов, является еще одним доказательством актуальности комплексного текстового подхода, позволяющего говорить о наличии переходных явлений. Оценка же конкретной синтаксической единицы вне текста, изолированно от него, нередко будет поверхностной и сомнительной.

Таким образом, нулевой субъект в двучленном пассиве оканчивается даже не двуликим Янусом, а многоликим богом: референтом его может стать не только сам автор текста, но и другие субъекты, причем как достаточно определенные, так и референтно неопределенные: степень определенности / неопределенности субъекта зависит от контекста, в котором и выясняется специфика употребления. Тем самым трактовка нулевого замещения при пассиве не является однозначной: он не

может рассматриваться только с позиций парадигматики, поскольку синтагматика вносит свои существенные коррективы.

Подводя итоги, мы хотели бы обратить внимание на то, что за нулевым замещением (нулевым знаком) стоят не столько конкретные прагматические значения, сколько общие прагматические смыслы, функции, эффекты, установки, знание которых автор в зависимости от своей языковой компетенции сознательно может использовать для реализации своего замысла. Вытекает этот вывод из того широко понимаемого и, увы, достаточно аморфного прагматического компонента, который сейчас разрабатывается в лингвистике.

ЛИТЕРАТУРА

- Кожина М. Н. 1983 — *Стилистика русского языка*. Москва.
- Крылов С. А. 1983 — Морфосинтаксические механизмы выражения категории детерминации в современном русском языке. *Разработка и применение лингвистических процессоров*. Новосибирск.
- Мельчук И. А. 1974 — О синтаксическом нуле. *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги*. Ленинград. 343–361.
- Моррис Ч. У. 1983 — Основания теории знаков. *Семиотика*. Москва.
- Падучева Е. В. 1996 — *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва.
- Скляревская Г. М. 1995 — Прагматика и лексикография. *Язык — система. Язык — текст. Язык — способность*. Москва. 63–71.
- Степанов Ю. С. 1983 — В мире семиотики. *Семиотика*. Москва.
- Щаднева В. П. 1997 — Безглагольные предложения в свете взаимодействия языковых уровней. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика*. Новая серия. 1. Тарту. 220–232.
- Якобсон Р. 1985 — Нулевой знак. *Избранные работы*. Москва. 222–230.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЗИТИВНОЙ И НЕГАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ВЕЖЛИВОСТИ В ОБРАЩЕНИИ К СЛУШАЮЩЕМУ В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ

МАТИ ЭРЕЛТ

Одной из бросающихся в глаза черт использования языка является стремление избежать в некоторых ситуациях прямого названия говорящего и слушающего. По [Brown, Levinson 1978] каждый человек, с одной стороны, хочет чтобы его деятельность одобрили, а с другой — чтобы не ограничивали его свободу действий. Если говорящий сказанным добивается чего-либо, что противоречит этим его желаниям или желаниям слушающего, например, если речь говорящего содержит критику чьих-либо действий или приказ, то он может смягчить это противоречие использованием позитивной или негативной стратегии вежливости. Позитивная стратегия вежливости заключается в кажущемся сближении говорящего и слушающего, часто в форме показа их мнимого сотрудничества. Негативная или разделяющая стратегия вежливости выражается в мнимом дистанцировании говорящего и слушателя или же в мнимом устранении одного из действующих лиц от угрожающего ему действия. Языки сильно различаются как формами выражения позитивной и негативной стратегии, так и ситуациями, в которых используется та или иная стратегия. Различия нередки и в близкородственных языках, особенно если на них оказывали влияние различные языки и культуры. Это можно сказать и относительно эстонского и финского языков. На первый повлияли немецкий и русский языки, на второй в основном шведский язык.

В настоящей статье рассматриваются только возможности косвенного именованя слушающего в эстонском языке. Здесь применяется как позитивная, так и негативная стратегия вежливости.

Основной является **негативная стратегия вежливости**, т.е. стратегия дистанцирования, которая проявляется в эстонском языке в употреблении:

- личного местоимения 2-го лица мн. ч. *teie (te)* 'Вы': *Jaan, kas te soovite kohvi?* 'Яан, желаете ли Вы кофе?';
- местоимения 3-го лица ед. ч. *tema (ta)* 'он-она': *Kas ta soovib teed või kohvi?* букв. 'Он(а) желает чай или кофе?';
- глагола 3-го лица без местоимения: *Paneb mantli ära.* букв. 'Снимет пальто';
- имени или титула: *Mida härra soovib?* 'Чего господин желает?';
- имперсонального пассива: *Mis tööd siin tehakse?* 'Ну и чем же здесь занимаются?';
- неопределенного местоимения *keegi* 'кто-то': *Keegi lubas ju suitsetamise maha jätta.* 'Кто-то ведь обещал бросить курить';
- условного наклонения без личного окончания: *Kui paneks akna kinni!* 'Закрыли бы окно! / Закрывать бы окно!';
- формы 3-го лица ед. ч. в обобщенно-личном значении: *Tuleb koju minna, lapsed ootavad.* 'Надо идти домой, дети ждут' *Võib tulla!* 'Можно войти!';
- вопросительных предложений типа: *On soovi?* 'Есть пожелания?'

1. Применение *teie* 'вы' — это дистанцирование собеседников в том смысле, что слушающего как бы объединяют с кем-то, находящимся вне ситуации. Это — самая обычная форма выражения негативной стратегии вежливости во многих языках. Хотя нет основательных исследований по применению эстонцами *teie* и *sina* (проведен только один опрос среди школьников, см. — Keevallik 1998), автор данной статьи осмеливается все же предположить следующее. Самым существенным фактором, определяющим использование формы *teie*, является то, что собеседниками являются незнакомые люди, т.е. гори-

зонтальная дистанция между говорящим и слушающим. Далее следует возрастная разница. и на последнем месте — различие социального статуса. Это показатели вертикальной дистанции. В эстонском обществе знакомые обычно говорят друг другу *sina*, несмотря на разницу в возрасте и социальном статусе. Возрастная разница может все же привести к применению *teie*, если знакомство не очень близкое. Напр., старшим коллегам часто говорят *teie*.

В эстонском обществе нормой в общении среди незнакомых людей является симметричное применение *teie*, если разница в их возрасте и / или общественной позиции незначительна. Если же возрастная разница велика и ее не компенсирует более высокая общественная позиция более молодого собеседника, то применяется асимметричное *teie-sina*. Если же возраст и позиция незнакомых собеседников близки, возникает т.н. “солидарное” применение *sina*, что уже является позитивной стратегией вежливости. См. схему на следующей странице.

Прерывистая линия на схеме показывает, что в эстонском обществе происходит расширение “солидарного” применения *sina* на область симметричного применения *teie*, симметричное применение *teie* в свою очередь захватывает область асимметричного обращения. Эта тенденция к демократизации, вероятно, характерна и для многих других языках. В Эстонии распространение “солидарного” применения *sina*, явно вызвано влиянием финского языка, особенно в Таллинне.

Общей чертой прочих форм выражения негативной стратегии вежливости, используемых в эстонском языке, является то, что слушателя как будто оставляют вне игры. Он как будто не участвует в процессе, поэтому происходящее никак не может влиять на его свободу действий.

Иногда утверждалось также, что *sina* и *teie* являются основными формами обращения, а остальные формы употребляются тогда, когда говорящий не знает, какую из них выбрать. Другие формы выражения можно разделить на две группы. В первом случае слушатель приравнивается к 3-му лицу,

во втором случае — обезличивается. Формы приравнивания к 3-му лицу следующие:

2. Применение *tema (ta)* ‘он–она’, т.е. использование личного местоимения 3-го лица под влиянием немецкого языка. В настоящее время встречается довольно редко и воспринимается как архаическое и комическое:

Tu on nii vaikne! ‘Он такой тихий!’

Mis tööd ta teeb? ‘Чем он занимается?’

Kas ta soovib teed või kohvi? ‘Желает ли он чай или кофе?’

3. Применение глагола 3-го лица без местоимения встречается в побудительных высказываниях:

Paneb mantli ära! ‘Снимем пальто!’ букв. ‘Снимет пальто!’

В остальном остается в силе сказанное о предыдущем типе, т.е. эта форма также воспринимается как архаическая.

4. Применение имени или титула — довольно обычное уважительно-дружелюбное обращение, особенно в форме вопроса:

Mis tööd peremees teeb? ‘Какую работу хозяин делает?’

Mida härra soovib? ‘Чего господин желает?’

Neiu on nii rõõmsa näoga! ‘Девушка такая веселая!’

Kui noorhärра mõtleb üle Joa silla sõita, siis teeb ta valesti. ‘Если молодой господин думает ехать через мост Йоа, то он поступает неправильно’

Kas proua Tamm tahab midagi küsida? ‘Госпожа Тамм хочет что-то спросить?’

Mida Peeter selle kohta ütleb? ‘Что Пезтер скажет об этом?’

От последних двух примеров нужно отграничить случаи, когда имя применяется для выделения слушателя из остальной аудитории. Для подчеркивания дружелюбия, приветливости к имени иногда добавляют указательное местоимение *see* ‘этот’:

Kust see Juhan siis tuleb? букв. ‘Откуда же этот Юхан идет?’

Mida see naabrimees siin nii vara hommikul õiendab? букв. ‘Что этот сосед тут так рано утром делает?’

Обезличивание реализуется в случаях использования:

5. Формы (имперсонального) пассива:

а) для избежания навязчивости вопроса или похвалы:

Mis tööd siin tehakse? ‘Какую работу здесь делают?’

Siin tehakse ju päris kõvasti tööd! ‘Здесь ведь даже очень неплохо работают!’;

б) при вежливо-свободном обращении:

Kui kaugelt mehi ollakse? ‘Откуда мужики?’

в) для смягчения упрека:

Käiakse muudkuü pidudel ja restoranis, aga kodus on kõik laokil!
‘Ходят все по ресторанам да на праздники, а дома беспорядок!’

6. Неопределенного местоименя *keegi* ‘кто-то’ — в основном тогда, когда говорящий упрекает слушающего за что-либо невыполненное:

Keegi lubas ju suitsetamise maha jätta! ‘Кто-то ведь обещал бросить курить!’

7. Условного наклонения без личного окончания — для смягчения приказаний:

Kui paneks akna kinni! ‘Закрыли бы окно / Закреть бы окно!’

Условное наклонение превращает приказание в желание, а неприменение личного окончания как бы выводит слушателя из игры, обезличивает его.

8. 3-го лица в обобщенно-личном значении — здесь мы имеем дело скорее всего не с обезличиванием слушающего, а с обобщением. Эта форма используется при приказаниях, запретах или разрешениях, выраженных модальным предикатом:

Tuleb koju minna, lapsed ootavad. ‘Надо идти домой, дети ждут’
Võib tulla. ‘Можно войти’

9. Обезличивание может реализовываться в широко распространенных **бытийных (экзистенциальных) вопросах**, в которых слушающий просто остается неназванным:

On soovi? ‘Есть желание?’

Mis mureks on? ‘Что тревожит?’

Kas küsimusi on? ‘Вопросы есть?’

Как уже было сказано, **позитивная стратегия вежливости** обозначает сближение говорящего и слушателя. Она имеет в эстонском языке две формы выражения:

- “солидарное” применение местоимения 2-го лица ед. ч. *sina (sa)* ‘ты’:

Kuule sõber, kas sul suitsu on? ‘Послушай, друг, у тебя закурить не найдется?’

- использование 1-го лица мн. ч.:

Kuidas me end tunneme? ‘Как мы себя чувствуем?’

1. Выше уже говорилось, что “солидарное” *sina* применяют незнакомые люди, у которых разница в возрасте и в общественном положении невелика. Но это средство выражения расширяется на область использования формы *teie*, и данный процесс усиливается под влиянием финского языка. И хотя студенты и профессора еще не обращаются друг к другу на *sina*, многие профессора, работавшие в Финляндии, начинают и в Эстонии обращаться к студентам таким образом, но, так как студенты продолжают обращаться к ним на *teie*, то в результате получается скорее указывающее на дистанцию, чем солидарное *sina*.

2. Используя при обращении к слушающему форму 1-го лица множественного числа, говорящий хочет, участвуя в действиях слушателя, проявить к нему сочувствие или же смягчить неприятности и неудобства, которые он своим приказанием, просьбой или упреком причиняет слушателю.

а) участливо-заботливое обращение в форме 1-го лица множественного числа особенно распространено среди врачей:

Kuidas me ennast tunneme? ‘Как мы себя чувствуем?’

Me teeme edusamme! ‘Мы делаем успехи!’;

эта форма встречается также при обращении к детям:

Meie kätukesed on nii mustad! ‘Наши ручки такие грязные!’

б) применение 1-го лица множественного числа в случае просьбы или приказа распространено шире, компонент ласкательности необязателен. Это характерно для языка сферы обслуживания при обращении к клиенту:

(продавец покупателям) *Ärme enam seisame järjekorda!* ‘Не будем больше вставать в очередь!’;

(портной клиенту) *Palun, võtame pintsaku seljast!* букв. ‘Пожалуйста, снимем пиджак!’

Возможна эта форма и в других случаях:

(врач пациенту) *Hingame sügavalt sisse!* ‘Дышим глубоко!’;

(мать ребенку) *Lähme nüüd tudile!* 'Теперь пойдем спать!';
(учитель ученикам) *Avame raamatu 23. leheküljelt!* 'Откроем книгу на стр. 23!'

в) относительно редко используется 1-ое лицо мн. ч. для смягчения упрека:

(начальник подчиненному) *Teeme muudkui suitsu, mis?* 'Все курим, да?'

ЛИТЕРАТУРА

- Brown P., Levinson S. 1978 — Universals in language usage: Politeness phenomena. *Questions and politeness: Strategies in social interaction*. Ed. E. Goody. Cambridge. 56–311.
- Erelt M. 1990 — Kõneleja ja kuulaja kaudse väljendamise võimalusi eesti keeles. *Keel ja Kirjandus*. 1. 35–39.
- Keevallik L. 1998 — Sinatamisest ja teietamisest koolilaste arvamuste põhjal. *Keel ja Kirjandus*. 8. 541–553.

SUMMARIES

ACQUISITION OF ADJECTIVES BY A RUSSIAN CHILD (INPUT AND OUTPUT ANALYSIS OF ONE MOTHER CHILD DYAD)

M. D. Voeikova

The goal of the present paper is to compare the qualitative constructions in the speech of a mother and a child. The material of one mother-child dyad shows that 1) the child's difficulties in comprehension of adjectives may result from the mother's strategy, 2) the adjectival paradigm is built by the child according to the example of noun paradigm, 3) among the qualitative constructions used by the child there are few language-specific syntactic constructions.

The early acquisition of adjectives by children has several particularities in comparison to the acquisition of other lexical-grammatical classes (nouns and verbs, interaction words, and frozen phrases etc.). According to some diary observations and examples of spontaneous speech, first adjectives in many languages are first produced by children without clear understanding of their meaning. The child distinguishes between different semantic groups of adjectives (for instance, he does not use the colour adjective instead of the size adjective), however, he may mix some concrete adjectives belonging to one and the same group, saying 'red' instead of 'blue', or 'big' instead of 'little'. The analysis of the input shows that this effect may be a consequence of the special forms of questions used by the mother.

Our previous observations allow to presuppose that the adjectival paradigm is built by the child according to the noun paradigm. The set of forms used by the mother does not give enough examples of all adjective forms. Statistic analysis of it shows that it would be impossible for the child to learn the adjectival paradigm by repetition only.

The qualitative constructions used by the mother include several language-specific syntactic means (like the genitive of colour, short

forms or the 'quality of the part' construction). The child acquires these syntactic patterns significantly later than the more 'universal' syntactic means such as predicative or attributive constructions.

VERBAL GROUPS IN AMORPHOUS LANGUAGE:
STRUCTURAL PROBLEMS

C. Y. Dmitrenko

The article analyzes special analytical formations in amorphous languages which consist of a) a definite lexical (meaningful) component which is realized in the verb or a serial constructions equivalent to the verb, and b) an optional grammatical (formal) component realizing itself as a chain of form words placing themselves either on the left or right of the lexical component. The author has brought out the maximum successive models of such verbal groups for the Khmer and Laotian languages.

WORDS AND PEOPLE:
ON CHANGES ON LEXICAL PARADIGMS AND THEIR COMPONENTS IN
THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 20TH CENTURY

A. D. Dulichenko

The author suggests to study the changes in the Russian languages from the point of view of pragmatics which gives the opportunity to see the evolution of the components in one lexical paradigm to find out lacunas and foretell further changes. Pragmatic approach is illustrated by the material of socially sensitive lexis — administrative and territorial nomenclature.

THE COMMUNICATIVE FACTOR AS A CRITERION OF SOLUTION
OF DISPUTABLE PROBLEMS OF GRAMMAR

G. A. Zolotova

The author thinks that the solution of disputable questions of grammar can be found with the help of the analyses of the communicative factor. The present article characterises the main principles and peculiarities of communicative grammar of the Russian language worked out by the author. This kind of grammar shows the position of the speaker in his / her choice of speech resources and his / her organization of the text, develops the means which are capable to analyze the

transition from the sentence to the text, reveals linguistic bases of compositional-conceptual structure of the text, places grammar studies in the line with other philological disciplines which study spiritual culture of nation, offers consequential and systematic solution of a number of old disputable problems in the theoretical and practical use of grammar.

ON THE STRUCTURE OF ORAL SPEECH DISCOURSE
AND THE TYPOLOGY OF ITS FORM

T. Yotov

The author analyses the reasons hindering the creation of scientifically grounded systematics of speech forms. According to its structure oral speech discourse and the written text are not isomorphic. The author suggests one of the possible ways of the solution of the problem, i.e. typological contrasting of musical and colloquial discourses carried out with the help of categorical apparatus of musical analysis. That enables to build on the sample of musical typology the systematics of colloquial forms on the highest level of this structure. The author illustrates his theoretical viewpoint with some schemes.

A DIALOGUE WITH THE COMPUTER IN A NATURAL LANGUAGE

M. Koit, H. Õim

The present paper describes a model of communication and its computer realization. The importance of such a computer realization in the present context is that all assumptions on which the theoretical model is based must be made explicit. The central concepts in our model are those of communicative strategies and tactics. In the type of communicative interaction we are interested in an active partner, A, whose communicative goal is that another partner, B, would agree to do an action D. To this end A constructs a model of the reasoning process of B that assumedly is triggered in him / her in such a situation. And the application of a communicative tactic (e.g. enticing, persuading, threatening) by A consists in the manipulation of the relevant parameters of this process in B (his / her wishes, preferences, beliefs concerning useful and harmful aspects of doing or not doing D for him / her).

THE CLASSIFICATION OF COMPLEX SENTENCES
WITH ADVERBIAL CLAUSES AND THE PLACE
OF CONCESSIVE SENTENCES IN THE CLASSIFICATION

E. Kordi

In the present article the author suggests a classification of adverbial clauses based on the peculiarities of different kind of implications. It is decided that the most used types of concessive constructions are characterized by three main features: 1) the existence of implications between the parts of a complex sentence, 2) the character of the implication, 3) the direction of the implication — from a subordinate clause to the main clause.

THE COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ASPECT
OF COORDINATIVE CONNECTION

E. Kostandi

The article discusses the subtypes and the means of coordinative connection of words from the viewpoint of their participation in the realization of different communicative-grammatical situations: achieving ironical effect expressing evaluation, influencing the addressee, referring to the preceding knowledge of the participants in communication etc. Functioning of coordinative connection (link) is regarded in the frame of the whole text, some specifications of the use of coordinative connection are analyzed in the texts of different kind.

ECCLECTICISM OF STYLISTIC MEANS AS THE REFLECTION OF THE
EVOLUTION OF LINGUISTIC CONSCIENCE AND LINGUISTIC
SITUATION (ON THE BASIS OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN STYLE
“WEAVING OF WORDS”)

I. S. Koshkin

The article is dedicated to the study of pragmatic factors in diachronics (on the basis of the development of Russian style of “weaving of words”). The Russian “weaving of words” according to its functional character of relevant units of the stylistic model falls historically into two basic periods: 1) the end of the 14th c. — the beginning of the 15th c. and 2) the 16th c. The texts of the second period are characterized by a number of innovations conditioned by three factors: 1) the evolution of the linguistic situation, 2) the evolution of linguistic conscience and 3) the evolution of verbal-artistic principles of the organization of the text. Reorientation in the use of linguistic means formed

a new approach to the word and its form. The language and style of the texts of the second period demonstrate the movement towards mannerism, which is characterized by the strengthening of opposition between formalization and semantization of a higher degree. To a noteworthy extent it can be seen in the evolution "epiphanic" triad, but also in the use of rethoric phenomena traditional for the style which "play" not on the syntagmatic but on the pragmatic level.

ASPECTUAL MEANINGS OF ACTUAL PRESENT

Y. Krekich

The article deals with the aspectual meanings of verbal forms in actual present (in the Russian language). Analyzing the material the author finds out that besides the meaning of actual process verbal forms possess also actual-temporal (i.e. in a specific meaning: time is moving, not the action), actual-factual and actual-repetitive meanings. The author explains such a collection of meanings from the position of linguistic pragmatics.

LEXICAL-GRAMMATICAL GROUP OF MODAL VERBS IN THE MORPHOLOGICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Y. C. Kudryavtsev

The present paper draws the attention to the existence of a lexical-grammatical group of modal verbs in the Russian language. Formal features of this group are the lack or nonstandard application of the forms of compound future and imperative. In appendixes there are lists of verbs (belonging of which to the group has been checked) with grammatical commentaries and typical contexts.

FUNCTIONS AND MEANINGS OF QUANTITATIVE PRONOUNS IN THE BOOKISH OLD RUSSIAN OF THE 11-14 CENTURIES

A. M. Kuznetsov

In the article you can find the results of the study of quantitative pronouns in the Old Russian language. On the basis of vast textual material about 20 functions of these pronouns have been distinguished. They are shown in the summarizing table. Every function is analyzed from the contextual standpoint and illustrated with inevitable examples. The author comes to the conclusion that presenting this type of division of pronouns is not adequate in existing dictionaries.

ON THE PRAGMATIC FUNCTIONS OF SLANG

I. Külmoja

The article discusses four basic pragmatic functions of slang lexis distinguished on the basis of the material of slang among the Russian schoolchildren in Estonia. It is pointed out that the basic function of slang is not communication as in the whole language, but it is the representative or corporal function showing the belonging of the user of the slang to the definite social group. Not less important is the demonstrative-attractive function (the speaker is keen to show originality and other values of his 'ego'). The function of opposition also finds its realization (opposing the oppression of the government and older generation). Less essential is the function of the secret jargon (the function of a secret language).

SPEECH ETIQUETTE AND ITS CHANGES DURING THE LAST DECADES

I. Likomanova

The article analyzes only those phenomena of speech etiquette which in the most direct way reflect the relations between the speakers: namely these relations have undergone some changes during the last decades.

Systems of the ways addressing your co-speaker (partner) are described with the help of such concrete parametres as officialism, role relations and the degree of familiarity, all of which help to differentiate similarities and differences in the forms of speech etiquette in three Slavic languages.

The problem is especially essential and acute for intercultural relations.

ON THE PRAGMATIC ASPECT OF THE STUDY OF NON-VERBAL (KINETIC) COMPONENTS OF COMMUNICATION ON THE BASIS OF THE CONTRASTIVE ANALYSIS OF CLOSELY RELATED LANGUAGES

A. Lipovska

In the present article the author carries out the contrastive studies of facial expression and gestures while communicating in closely related languages: in Russian and Bulgarian. 196 Russian-Bulgarian pairs of kinems have been analyzed, original kinems being Russian and included in the dictionary of A. A. Akishina. About 35% of them show similarity, only 3 Russian kinems can be related to unequivocal ki-

netics concerning the kinetic system of the Bulgarian language. In all other pairs you can follow the relations of inclusion and / or overlapping.

CORRELATION BETWEEN PRAGMATICS OF NEWSPAPER HEADLINES AND CONTENTS OF THE ARTICLE

S. Meltzer

In the article the author considers the interaction of pragmatic and informative functions of the newspaper headlines in Russian and Estonian press. Particular attention is drawn to the differences in the translation of headlines and the reasons of this kind of translation: the influence of the extra-linguistic factors such as 'mass media mentality' of the sender and the addressee, peculiarities in their political and cultural orientation.

In conclusion the following suggestions are made:

- the pragmatic function of headlines dominates in Russian newspapers and the informative one prevails in Estonian press;
- the changes in the contents of headlines influence the contents of the article.

RUSSIAN VERB AGAINST THE BACKGROUND OF THE SUBJECT OF THE TEXT

N. K. Onipenko

Grammatical categories of the Russian verb are analyzed as a connection of all subjects (action, conscience, speech) around one axis which is called the subject perspective of the text. The author comes to the conclusion that the verbal syntaxeme — i.e. the component in a sentence in which different axes intersect connecting the syntactic composition of the text. The choice of the attitudinal verb reveals the subject structure of the text, its dialogization. The choice and frequency of concrete verbal syntaxemes are conditioned by the author. Terminological determination of stative verbs and resultative verbs does not belong to the level of the morphological form and does not belong only to the semantics of the verbal lexeme, but is a functional characteristic of verbal syntaxemes.

ON THE VIOLATION OF THE STANDARD IN THE FIELD OF
FUNCTIONING OF GRAMMATICAL FORMS

E. N. Remchukova

In the framework of the concept of dynamic grammar on the basis of written, spoken and epistolary language the author reviews various cases of violation of the usage of standard in such grammatical categories as voice, gender and case, and various stylistic and semantic effects are analyzed which occur during international usage of grammatical forms. The author demonstrates the potential reconstruction of the 'defective paradigm' in speech, presents grammatical mechanism of the language game and introduces the notion of 'grammatical symbolism'. All facts mentioned above allow the author consider the problem of the creative potential of grammatical categories in language.

ON PRAGMATIC STUDIES OF GRAMMAR OF RUSSIAN DIALECTS

O. Rovnova

The dialect language is examined as a special communicative formation serving effectively the system of communication in the culture of Russian peasants. Setting the question how the dialect was adapted to the needs of communication in the peasant culture the author analyzes the pragmatic usage of the category of gender in connection with the issue 'personality and rural socium'. The author connects pragmatic usage of the present historic with the archaic cyclic model of perception of time in peasants' conscience.

MECHANISMS AND MEANS FOR CREATING EMOTIONAL TONE OF
VOLAND'S UTTERANCES (ON THE BASIS OF THE NOVEL
"MASTER AND MARGARITE" BY M. BULGAKOV)

T. Stoykova

The article discusses the means for creating ironic-mocking tone in Voland's utterances. The analysis of his dialogues with different characters of the novel shows that this kind of emotional tone is created, firstly, on the account of violation of some behavioral rules by Voland and the Principle of Cooperation ("When are you going to die?"). Secondly, forms of speech etiquette turn out to be of some importance — exclusively used by Voland, they also become the basis for the ironic-mocking tone. Thirdly, this kind of tone may become the

contrast of the high-flown theme which is offered, for example, by the bookish word 'charity' with the down-to-earth theme ("stuff the cracks with rags").

The aesthetic meaning of the ironic-mocking tone of Voland's utterances is seen in the formation of the satirical plan of the novel, in the attitude of the author towards the world of Moscow petty bourgeoisie. Besides that the ironic-mocking tone can be compared to the interpretation of Voland's philosophical principles of the novel: he reflects the relations between kindness and evil in the conception of dualism.

MODAL UTTERANCES WITH MODAL MEANING "THERE'S NO
NECESSITY" (SOME PROBLEM OF DESCRIPTION)

S. Turovskaya

The article focuses on the utterances with modal meaning "there's no necessity" on the basis of the Russian. The paper describes linguistic means used to express this modal meaning. The means of expression of those utterances have a multilevel nature.

THE FUNCTIONAL DESCRIPTION OF THE CAUSATIVE
CONJUNCTION IN MODERN RUSSIAN

E.-O. Haag

The present paper discusses functional differences between causative conjunctions. The research revealed clear distinctions between two main groups of conjunctions. These are the semantic conjunctions, which manifest cause as statement, and the group showing cause as conviction.

CONCESSIONAL CONSTRUCTIONS
WITH THE CONJUNCTION 'THOUGH'

V. S. Khrakovsky

The author explicates the semantics of concessive structures and discusses in detail the constructions with 'though', which are more typical and widespread in the Russian language. Specific feature of the conjunction 'though' is brought out, which distinguish it from other concessive conjunctions. Communicative particularities of the constructions with this conjunction are discussed.

ON PRAGMATICS

M. A. Shelyakin

The author of the article considers the different points of view about the essence of pragmatics and concludes that in modern linguistics, in the first place, pragmatics does not oppose the semantics of language signs any more, but represents its variety, and secondly, carries both systematic and speech character. On the whole, the essence of pragmatics consists in reflection of a point of view of a speaker, his communication interests, orientation in the world (in the semantic system of language) — sending the author away to the consciousness of his 'I' in the situation of the act of communication — and refers to the adoption of the semantic system of language in its use in relation to the subject of speech, and this comprises the essence of the notion 'linguistic egocentrism'. In the article the main types and subtypes of the reflection of egocentrism in the semantic system of the Russian language are preliminarily enumerated and greater attention is paid to the fact that the typology of egocentric meanings does not coincide with the typology of egocentric speech acts.

ON THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF PRAGMATICALLY STRONG EXPRESSIONS (PEJORATIVE PHRASEOLOGY)

A. Shteingold

The article deals with the etymological study of pragmatically strong expressions, historically belonging to the genre of cursing. These units are characterized by special denotational features, but at the same time pragmatically strong. The search for etymological origins of "curses" has their own peculiarity: they rely not on literal but metaphorical meaning and also take into consideration ethnographical and cultural aspects. Conditionally distinguishable categories of "curses" get their explanation only in the frames of the theory of unnatural death. In other words, expressions shown above historically contain wishes for the addressee to become the corpse of unnatural death, i.e. to die of unnatural death, to be buried in an undetermined (unknown) place and not to correspond to the traditionally accepted norms of burying rituals. The genre of cursing is a part of evil magic and it was used to transform the person into a being entirely dependent on evil power. Further etymological studies of pragmatically strong expressions can noteworthy expand our imagination about the cult of ancestors and the cult of Mother- Earth of ancient Slavs.

ON THE PRAGMATIC ASPECT OF IMPLICIT ELEMENTS

V. Shchadneva

In linguistics the issue of studies of pragmatics turned out to be fairly amorphous due to vague boundaries between a) pragmatics and semantics b) pragmatics and stylistics. However, in papers with pragmatic trends one can find two invariant features: a) orientation towards subjective in language and b) implication in expressing this subjective. It is essential to distinguish clearly two types of overlapping implicit information: pragmatic and purely linguistic. The article gives a thorough definition of the latter, which comes into existence in linguistic zero — i.e. a conditioned symbol of various changeable meanings the essence of which can be detected only in the process of their usage. Besides the execution of the basic functions (activating verbalized components of the sentence and joining the latter into one whole) the zero sign encourages the creation of specific pragmatic senses which in the present study are illustrated by the materials of texts of different functional styles and genres.

THE USE OF POSITIVE AND NEGATIVE POLITENESS STRATEGIES
WHEN ADDRESSING THE LISTENER IN ESTONIAN*M. Erelt*

In Estonian the main strategy of indirect addressing of the listener is the negative politeness strategy, i.e. the strategy of distancing which is revealed in the use of (a) the second person plural personal pronoun 'teie' (-te) 'you', e.g. 'Jaan, kas te soovite kohvi?' — 'Jaan, would you like some coffee?'; (b) the third person singular personal pronoun 'tema' (-ta) 'he / she', e.g. 'Kas ta soovib teed või kohvi?' — 'Would he / she like some tea or coffee?'; (c) the third person verb without a pronoun, e.g. 'Paneb mantli ära' — lit. 'Puts the coat away'; (d) the name or title, e.g. 'Mida härra soovib?' — 'What would the sir like to have?'; (e) the impersonal passive, e.g. 'Mis tööd siin tehakse?' — 'What kind of work is being done here?'; (f) the indefinite pronoun 'keegi' — 'someone', e.g. 'Keegi lubas ju suitsetamise maha jätta' — 'Actually there was someone who promised to give up smoking'; (g) the conditional mood without a personal ending, e.g. 'Kui paneks akna kinni' — 'If you wouldn't mind closing the window'; (h) the third

person singular in a generalized personal meaning, e.g. 'Tuleb koju minna, lapsed ootavad' — 'One has to go home, the kids are waiting', 'Võib tulla' — lit. 'One can come'; (i) interrogative sentences of the type 'On soovi?' — 'Is there anybody who would like to?'

The positive politeness strategy is used as well. The latter involves the establishment of a pretended close relationship between the speaker and the listener. There are two possibilities in Estonian to express it: (a) the use of the second person singular pronoun 'sina' (-sa) 'out of solidarity', 'Kuule sõber, kas sul suitsu on?' — 'Hey man, do you have a cigarette?'; (b) the use of the first person plural, e.g. 'Kuidas me end tunneme?' — 'How are we doing today?'

ISSN 1406-2623
ISBN 9985-56-436-7